Лена Ленина
Миллионеры шоу★бизнеса

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Миллионеры шоу-бизнеса» - новая книга модной писательницы Лены Лениной, автора девяти книг на русском и французском языках, четыре из которых стали бестселлерами. Эта книга о том, как стать богатым и знаменитым, о самых влиятельных миллионерах российского шоу-бизнеса, о звездах, продюсерах, стармейкерах и музыкальных «серых кардиналах». В книгу вошли эксклюзивные интервью Филиппа Киркорова, Иосифа Пригожина, Дмитрия Маликова, Сергея Жукова и других успешных предпринимателей шоу-бизнеса. Вы узнаете о звездной болезни, наркотиках и авторских правах, а также о том, сколько зарабатывают звезды, и о том, сколько нужно потратить, чтобы стать звездой.

- Лена ЛЕНИНА
  - ○
  - ○ Введение
    - ■
  - ○ Глава первая
    - ■
  - ○ Глава вторая
    - ■
  - ○ Глава третья
    - ■
  - ○ Глава четвертая
    - ■
  - ○ Глава пятая
    - ■
  - ○ Глава шестая
    - ■
  - ○ Глава седьмая
    - ■
  - ○ Глава восьмая
    - ■
  - ○ Глава девятая
    - ■
  - ○ Глава десятая
    - ■
  - ○ Глава одиннадцатая
    - ■
  - ○ Глава двенадцатая
    - ■

- Глава тринадцатая
  - ■
- Глава четырнадцатая
  - ■
- Послесловие
  - ■
- Читатели о книгах Лены Лениной
  - ■

Лена ЛЕНИНА
МИЛЛИОНЕРЫ ШОУ-БИЗНЕСА

Лена – друг. Всегда поражаюсь и завидую ее неиссякаемому оптимизму и жизненной силе. Хорошо бы направить ее энергию на решение национальных проектов.

Виталий Богданов, глава «Русской медиагруппы»

Русская красота, нежная ирония и публичное одиночество, а точнее – тонкая красота, тонкая ирония и тонкое одиночество – вот ингредиенты для коктейля под названием Лена Ленина!

Игорь Николаев, певец и композитор

В шоу-бизнесе, как в любом бизнесе, все продается и все покупается! С удовольствием прочитаю о пороках шоу-бизнеса в новой книге Лены Лениной, книжные новинки которой всегда лежат у меня на столе! Красивая и талантливая женщина! Хорошо пишет!

В.В. Жириновский, политик

Если бы я знала, что шоу-бизнес – это бизнес, я бы никогда не стала в это ввязываться, но я не смогла отвязаться от шоу... Когда читаешь Лену Ленину, ты падаешь в книгу, а начинаешь ковыряться в своей голове... А после прочтения, вместо того, чтобы поставить на полку, несешь своему другу.

Марина Хлебникова, певица

Лену Ленину знаю, российского шоу-бизнеса не знаю. И вообще, мне кажется, что в России нет звезд, а есть средние артисты и богатые заказчики.

Роман Трахтенберг

Лена Ленина – шикарная, самодостаточная и успешная

женщина. Своими книгами она смело ломает стереотипы. Да, есть богатые и бедные. Мы сами выбираем свой путь, и автор открывает нам новый мир не для того, чтобы завидовать и ненавидеть сильных, она показывает нам новые грани мира. Каждый вправе выбрать свою.

Лада Дэнс, певица

Я в восхищении от Лениной напористости, целеустремленности и желания двигаться вперед. Мне бы хотелось, чтобы российский шоу-бизнес был более профессиональным, откровенным и чистым.

Максим Дмитриев,
«Первое музыкальное издательство»

Лена Ленина – смелая женщина, которая умеет получать откровенные ответы на свои прямые вопросы. А к шоу-бизнесу у меня только один вопрос – может ли он быть цивилизованным и прозрачным или это нереальные мечты на планете Земля?

Елена Ищеева, телеведущая

О, ужас! Блондинка, да еще и грамотная, да еще и умная грамотная блондинка! Редкий случай – сама пишет и сама себя редактирует! Редчайший случай – умная и красивая в одном флаконе! Эту девушку я люблю и уважаю.

С удовольствием прочитал ее новую книгу.
Супер! Берегись, шоу-бизнес! А какие у нее красивые зубы!
Шура (Саша Медведев), певец

Введение
Шоу-бизнес

Я обычно держу глаза открытыми, но еще ни в какой другой области бизнеса не видела такой конкуренции, как в шоу-бизнесе. Каждая вторая девочка-подросток считает себя вправе в этой конкуренции поучаствовать для того чтобы стать всем известной и всеми любимой, богатой и знаменитой и желательно певицей. Не космонавтом и даже, при всей финансовой модности этого направления, не нефтяником. Да и мальчики-подростки не дальше ушли в своих мечтаниях и тоже чихать хотели на космическое будущее страны. А конкурс на факультете «радио и телевидение» превышает в сто пятьдесят раз конкурс в университет на место физика-ядерщика.

Поймав себя саму на низко-злобной мыслишке при просмотре музыкального канала: «А почему эта моделька, а не я, снимается в этом клипе?», я глубоко осознала величину всеобщего стремления в шоу-бизнес и искренне пожалела его работников. Представляете, какое количество потенциальных звезд ежесекундно атакует их на разных уровнях? Они, бедняги, наверное, похлеще чекистов скрывают свое ремесло и при знакомствах так же придумывают себе легенды, типа «я простой инженер, а эта „Феррари“ не моя, а дядина, и я перегоняю ее на автосервис». Так же, как с точностью наоборот, некоторые извращенцы-инженеры, выискивая по городу островки нетронутой природы: голубей, кошек и привлекательных девушек, представляются в трамваях продюсерами.

Я в ужасе представила, как многочисленные блондинки, грязно и настойчиво, пристают к ответственным работникам шоу-бизнеса и стармейкерам. И как те регулярно задают себе один и тот же вопрос: «Можно ли от этой «будущей звезды» избавиться, не сбрасывая ее с лестницы?» Не удивительно, что процент нетрадиционно ориентированных мужчин в шоу-бизнесе растет. Странно, что они вообще не стали импотентами.

Решив выяснить истинное положение дел не с сексуальной, а с финансовой ориентацией в шоу-бизнесе, а главное, ответить на извечный вопрос всех девчонок и мальчишек страны «Как стать звездой?», я и проинтервьюировала самых богатых и знаменитых российских звезд, продюсеров, композиторов, саундпродюсеров, радийщиков и представителей ведущих рекордкомпаний. Всех тех, кто звезды зажигает.

Глава первая
Филипп Киркоров. Звезда

О том, кому физиология позволяет петь живьем каждый день, о том, «сколько можно Пугачевой», о том, чей альбом есть в каждом доме, о том, где звезды покупают себе одежду, и о том, как заработать миллион за один час, а также о том, почему скоро все рухнет"

Ходить в гости приятно вообще, а к звездам в особенности. Вооружившись, в качестве презента, увесистой стопкой своих литературных творений и коробочкой французского шоколада в виде розового сердечка, я обратилась к трем крупным и явно вооруженным мужчинам в подъезде дома на Земляном Валу: «Дяденьки, пропустите меня, пожалуйста, к Филиппу...» Убедившись, что я не Аль-Капоне и у меня есть предварительная договоренность, а то, что торчит у меня под блузкой, скорее всего грудь, а не пистолет, один из них даже приподнял левый уголок рта, что явно означало крайнюю любезность. Не решившись ею злоупотреблять, я не стала шутить на интеллектуальные темы, а просто поспешила за ним по лестнице на второй этаж.

Кроме забавного пса, нуждающегося в беспромедлительной ласке, в квартире оказалась добродушная женщина, окружившая меня материнской заботой и предложениями на манер джинна из пресловутой бутылки или Стола заказов «Русского радио»: «Чего изволите?». Я по инерции чуть было не заказала песню Филиппа Киркорова «Жестокая любовь», но вовремя одернула себя, согласившись на компромиссный стакан воды. Но Филипп Киркоров, как будто бы прочитав мои мысли, вскоре пришел сам. Правда, петь «Жестокую любовь» не стал. Как, впрочем, и никакой другой песни. Зато вежливо отправил в рот французскую конфету. Я, заглядевшись на его красивый барский халат и взлохмаченную голову, чуть не позабыла, что пришла по делу. Тем более что атмосфера квартиры, обставленной мягкой мебелью, увешанной портретами хозяина, заставленной книгами и музыкальными премиями, скорее располагала к приятельской болтовне, чем к разговору об акциях и демпинге. Пришлось взять

себя в руки и усадить в большое кожаное кресло. Филипп сел сам. Напротив. За рабочий стол, который, судя по научно-техническим атрибутам, мог бы оказаться в кабинете делового человека любого направления бизнеса.

«Шоу-бизнес – тоже бизнес», – сделала я глубокомысленный для блондинки, но философский по сути, вывод и приступила к анализу.

Шоу-бизнес, как всякий другой бизнес, подчиняется законам маркетинга и менеджмента. Интересуюсь, считает ли Филипп себя успешным менеджером.

– Не мне судить об этом, – скромно отмахнулась Звезда, – потому что менеджмент – это управление, управление процессом, управление людьми, одним словом, руководство. В менеджменте можно быть хорошим исполнителем или хорошим управленцем.

Я, наверное, неплохой руководитель. В моем ведомстве хоть и небольшой, относительно других видов бизнеса, коллектив, но я им управляю последние 15 лет.

Я решила начать тренироваться задавать неловкий вопрос «Сколько?» с этого подсказанного мне невинного аспекта. В смысле, сколько человек в коллективе.

– Семьдесят, – честно начал отвечать пока не ожидающий подвоха Филипп. – Это артисты, музыканты, администраторы. Вообще, у меня такой лозунг по жизни: если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, – сделай его сам.

Я изогнула левую бровь Великого Специалиста по Менеджменту: «Прекрасный лозунг, но он не согласуется с законами американского менеджмента, который настойчиво рекомендует делегировать полномочия.

– Я не могу найти такого человека, – честно развел руками Филипп, – которому я мог бы целиком и полностью довериться. Не потому, что я не доверяю какие-то финансовые потоки, нет, наоборот, я работаю с очень грамотным коммерческим директором и директором, управляющим финансами корпорации. У меня творческий бизнес, поэтому стратегию всех своих действий в шоу-бизнесе разрабатываю исключительно я сам, следуя из своего «Я». В мое «Я» никто не может залезть, поэтому управлять моим бизнесом так, как я, никто не сможет, и доверить это я никому не могу. Когда я жил с Аллой, она была моим партнером, ей я мог доверить, она была авторитетом. Больше у меня авторитетов нет.

Судя по тому, что Филипп устойчиво занял в стереотипах россиян и в рейтингах светской прессы первую позицию в хит-параде российских певцов, он – успешный руководитель. Озвучив это всеобщее убеждение, я как бы дала Филиппу проглотить

пилюлю послаще шоколадной конфеты.

– Да, – ему понравился «вкус», и он продолжал: – Но, к сожалению, у меня это отнимает слишком много времени, которое мне хотелось бы гораздо плодотворнее уделять творчеству. Это – постоянный креатив, постоянная работа мозга над тем, что делать дальше, что придумать. Чтобы придумать какую-то дурацкую легенду или небылицу, особого ума не надо, для этого достаточно нанять штат пиарщиков. Я никогда не пиарил себя именно так, дешево. Например, когда я купил новую машину, все газеты об этом сразу написали. Они сами об этом писали, я не запускал эту информацию. Наоборот, я стараюсь жить так, чтобы о моей личной жизни знал только я. Но так получается, что о моей жизни знают все, точнее, не знают, а догадываются и пишут. Но девяносто девять процентов об этом – неправда.

Возвращаюсь к законам американского менеджмента и спрашиваю, согласен ли он, например, с постулатом, не рекомендующим работать с друзьями или родственниками.

– В какой-то степени я согласен, в какой-то степени нет, – философски бивалентен Филипп, – потому что для меня в работе очень важен человеческий фактор. В творчестве, как ни странно, я смогу спеть песню композитора, который мне не симпатичен, в конце концов, мне с ним не детей крестить. Человек может быть отвратителен, а песни и стихи писать красивые. Но в работе человеческий фактор должен быть на первом месте. Поэтому у меня в кадрах и текучки нет уже несколько лет, коллектив меняется только по каким-то социальным причинам, или люди растут.

Я это понимаю, я тоже очень многих вырастил как в творчестве, так и в менеджменте.

У меня хорошая интуиция, я могу взять человека, зная, что из него будет хороший менеджер. Потом эти менеджеры вырастают в директоров фирм, уходят в свои компании. Так же и в творчестве, в моем коллективе есть артисты, которые начинали как артисты балета, а теперь делают первые шаги как артисты эстрады, звезды. В этом случае они идут своей дорогой, но они красиво уходят, и я всегда при первой встрече им говорю, что они талантливы и танцевать всю жизнь у Киркорова не будут, и что я хочу раскрыть этот талант максимально, подготовить их к большой жизни и выпустить. Это, наверное, передалось от Рождественских встреч Аллы Пугачевой.

– Продюсировать других – это прекрасный способ диферсификации в шоу-бизнесе, – вспомнила я о банкире Потанине из моей книги «Multimillonaires», производящем мясо в

свободное от строительства кинотеатров время.

– Мне нравилось участвовать в судьбе, – признается Киркоров, – в хорошем смысле слова. Я не люблю быть в жюри, потому что это миссия вершения судеб, и если я где-то в жюри, то я стараюсь ставить высокие баллы, потому что все эти конкурсы – это очень хорошо, но можно пропустить талантливого человека. Конкурс – это стресс, кто-то его выдержит, кто-то – нет. Так же и в обыденной жизни надо понимать, что ты можешь людям дать в этом плане. Я никогда к этому не подходил эгоистически. Как бы ни был талантлив артист, если он начинает свою карьеру, я его отпущу и еще помогу ему дальше по жизни. Хотя, конечно, обидно терять своих лучших артистов балета или музыкантов, но c'est la vie.

Предлагаю сравнить палец с яичницей – российский шоу-бизнес и западный. Правда, оказалось, что кто из них палец – не совсем очевидно.

– Несмотря на то – у меня такое ощущение, что западный шоу-бизнес, грубо говоря, загибается, – неожиданно опровергает стереотипы о «чужом болоте» Филипп, – у них очень профессионально обстоит дело с авторским правом, все артисты и авторы защищены, и даже, выпуская альбомы, их артисты могут себе позволить не работать каждый день за счет авторских прав и тех роялти, которые капают им с продаж. У нас же этот рынок полностью пиратский и лишает авторов и артистов какого-либо заработка с этого главного источника прибыли за рубежом. Этот главный недостаток порождает массовое желание ездить на гастроли, вернее, не желание, а необходимость. Поэтому к определенному возрастному периоду артист превращается в развалину. Хотя девяносто процентов нашего шоу-бизнеса ездит под фонограмму, на Западе это воспрещается, у нас это пока можно всем. Я не вхожу в это число, что бы ни говорили обо мне или о моих коллегах, которые реально поют живьем, и как бы ни вешали им ярлык, что это «фанерщики». Есть статистика: двадцать лет я езжу по стране, и двадцать лет аншлагов, причем во всех городах страны, дальнего и ближнего зарубежья я был по десять раз минимум. Если бы в одном городе я провел концерт под фонограмму, в следующий раз никто бы уже не пришел. Все приходят, потому что знают, что я честен перед своим зрителем и я всегда пою живьем. Это огромный труд – живой концерт каждый день.

Интересуюсь физиологическим аспектом шоу-бизнеса и тем, как часто можно давать концерты с полной отдачей.

– Это зависит от организма, – дает мне медицинское заключение специалист. —

Я могу давать концерты каждый день. В 1997-м году у меня даже был знаменитый тур по стране с самолетом, тридцать три концерта в Петербурге, которые вошли в Книгу рекордов Гиннесса. Мы работали каждый день. Физиологическое устройство моего организма позволяет мне это делать, я не охрипну. Но есть некоторые артисты, особенно женщины, которые не могут давать каждый день концерты вживую, поэтому дают их мало.

Возвращаюсь к такому частому явлению жизни крупной «звезды», когда она начинает заниматься продюсированием других «звездочек». Филипп тоже был замечен в этом благородном, но не благодарном деле.

– Неблагодарное это дело в нашей стране – продюсирование других певцов, – соглашается Киркоров, – потому что на продюсера ложится и творческий процесс, и финансирование. Я профинансировал один проект, второй, я профинансировал «Чикаго», я профинансировал проект Анастасии Стоцкой, сейчас финансировал последний мой проект – это Дмитрий Колдун на «Евровидение». Все это, к сожалению, происходит на средства продюсера, хотя в других странах подготовка, например, к «Евровидению» финансируется государством.

Пытаюсь понять, почему случаются конфликты между продюсерами и их подопечными, почему артист уходит от «руки, дающей хлеб», или продюсер принимает решение прекратить финансирование подшефного. Если не застрелить.

– Это внутренние отношения, какие-то изначальные недоговоренности. Я думаю, правильно все решать, как говорится, «на берегу», заключить контракт: что делает продюсер, что обязан делать исполнитель, во что лезет исполнитель, во что он не лезет, за что продюсер отвечает, за что не отвечает. Многое зависит и от исполнителя: от его собранности, от его организованности и ответственности. Например, я очень люблю людей, которые горят на сцене, живут этим делом. Это надо фанатично любить, как я это люблю. Мне никогда не нужен был продюсер, я сам постоянно горел этим. А есть артисты, которые ждут, чтобы кто-то делал все за них. Под лежачий камень вода не течет, сколько бы продюсер ни старался. Поэтому я пока еще не встретил такого артиста, который бы отвечал моему представлению о том, каким должен быть артист на сцене и как он должен жить. То есть это полное самопожертвование. А нынешней молодежи хочется погулять, повеселиться. Я, например, по большому счету, только сейчас начал гулять и веселиться, когда мне исполнилось сорок, а до сорока я работал, как ломовая лошадь. Может быть, с одной стороны, это плохо, так как все самое золотое, интересное время,

когда ты молод, все это прошло мимо меня, потому что, кроме сцены, студий записи и гастролей, я особо ничего не видел. Я, по сути, за все эти годы и не отдыхал нормально, чтобы на две недели полностью забыться, такого не было ни разу. Только сейчас я это себе позволяю. Но если до этого я работал на свое имя, то сейчас имя работает на меня.

Определяя шоу-бизнес как бизнес, сталкиваюсь с вопросом о капиталоемкости рынка и о том, возможно ли появление долларовых миллиардеров от шоу-бизнеса в России или у нас в этом секторе можно стать только мультимиллионером или всего-навсего банальным миллионером. Сталкиваюсь и Филиппа сталкиваю.

– Это возможно тем продюсерам и тем компаниям, – не боится столкновений Филипп и отвечает, – у которых очень хорошая медиа-структура, когда они владеют радио– и телевизионными ресурсами. Думаю, что это большая и прибыльная история, и она реально может принести большие деньги. А кустарные продюсеры, одиночки, очень далеки от того, чтобы стать миллиардерами.

Публичность, понятие неизбежное в шоу-бизнесе, на самом деле не знакомо тем, кому не довелось его испытать на своей шкуре. Филипп лучше многих знает, как это бывает болезненно, а иногда, наоборот, делает счастливым.

– В публичности, – с болью в голосе говорит Филипп, – ты постоянно обречен на некое публичное одиночество. Так как ты всегда на виду, то лишаешься возможности нормальной жизни, каждый твой шаг рассматривается под лупой, что тебя лишает самого главного – свободы действий. Я при всей своей свободе – человек абсолютно не свободный. Потому что я все время на виду, я не могу делать то, что хочу. Я иногда хочу сходить с ума, иногда хочу напиться с горя или от радости.

– Один раз журналиста пошлешь, а потом будет скандал, – напомнила я Филиппу одну нашумевшую историю с кем-то розовым.

– Я понимаю, что мои шаги все сразу гипертрофированы, – не забыл историю Филипп, – если бы кто-то другой, коллега статусом ниже, сделал бы то же самое – никто бы не заметил. А сделал я – показательные выступления, процессы, суды. Все это увеличивается, потом на меня сваливается. Даже если я прав, все равно выходит, что я не прав. Как и любят у нас успешных, и тянутся к богатым и знаменитым, так же этих богатых и успешных и ненавидят, и при любой возможности начнут топтать. Таких примеров на нашей, и не только на нашей, эстраде было множество. Но другой вопрос, как ты из этого выходишь?

Подсказанные вопросы мне – одно удовольствие:

– Как Вы из этого выходите?

– Я выходил только одним – я работал. Доказывал то, что я прав только своей работой. Меня столько раз хоронили, и после семнадцатого места на «Евровидении» в девяносто пятом году – «все, Киркоров сдулся», и после первого успеха в восемьдесят восьмом году – «Киркоров сдулся», и после «розовой кофточки» то же самое говорили. Тем не менее я работал, записывал новые песни, новые альбомы, новые программы, народ же не обманешь. Я работал, и только тем, что я артист, и тем, что я умею, доказывал, что я есть, был и буду.

Прошу честно признаться, что бывают и позитивные моменты «звездного бытия».

– Самое приятное, – улыбнулся Киркоров, – это когда стоишь на сцене в конце концерта, народ кричит тебе «браво!», «бис!», не отпускает со сцены и заваливает цветами. Это приятная усталость. Когда ты сходишь со сцены – это миг, за который можно все отдать. Также, заметь, когда ты выходишь на сцену.

Обещаю заметить на будущее и предлагаю, желтенько, посплетничать о конкурентах и коллегах-артистах в российском шоу-бизнесе.

– Это дело неблагодарное, обсуждать или судить, это вкусовщина. Я считаю, что певицей всех времен и народов была, есть и будет Алла Пугачева. И как бы скептически кто-то сейчас к ней ни относился и ни говорил, что есть новые артисты, «сколько можно Пугачевой». А сколько нужно! Если лучше не было, нет и не будет, наверное, еще долгое время. Уникальное сочетание ума, таланта, красоты! И продюсер, и композитор в одном лице, потрясающая харизматичная актриса, художник, женщина – чего бы она ни коснулась, все превращается в золото.

Прошу назвать лучшего профессионального менеджера или продюсера.

– Профессионалом был Юрий Айзеншпис. На мой взгляд, он был мега-профи, настоящий фанат и человек, преданный нашему делу. Он умел разговаривать и с сильными мира сего, и со слабыми.

Интересуюсь телевизионно-музыкальными передовиками производства.

– На сегодняшний день, – смело раздает премии Филипп, – в авангарде шоу-бизнеса компания «АРС» и «Муз ТВ», то есть Игорь Крутой и его команда. Последние пять лет они делают по три проекта в год, которые очень удачны и успешны. «Юрмала», «Новая волна», это премия «Муз ТВ», самая честная, на мой взгляд, и справедливая, и «Песня года». Я уж не говорю о тех

артистах, которыми они занимаются, они это делают успешно, и телевизионные проекты развлекательного порядка у них получаются просто великолепно, очень модно, очень стильно, очень качественно. Думаю, что если брать развлекательное телевидение, то, конечно, программа компании «ВИД», Константин Эрнст, Первый канал делает очень хорошие проекты, например «Фабрика» – мой любимый телевизионный проект, и все другие замечательные проекты Кушнирева Сергея: «Сердце Африки», «Последний герой».

Чтобы не было обидно бойцам невидимого фронта, прошу отметить кого-нибудь из радио-лидеров.

– «Русская медиа-группа» – самая крутая на данный момент медиа-группа. Их монополия вполне оправданна и заслуженна.

Намекаю на новые структурные изменения в группе.

– Дело «Русской медиа-группы» живет, – не соглашается Филипп, – дух Архипова там был, есть и будет. Если и получились какие-то разногласия, Сергей ушел, а другая часть коллектива осталась, это временное явление, дитя уже родилось, оно может стать хуже, испортиться, но все равно будет жить. Оно даже может стать лучше, если будут хорошие учителя.

Говорим об оборотах в шоу-бизнесе, о самых крупных гонорарах в российском шоу-бизнесе. Снова задаю деликатный вопрос «Сколько?», интересуясь рекордными ставками.

– Миллион долларов, – отвечает Филипп.

– За концерт? – непрофессионально удивляюсь я.

– За часовое выступление, – профессионально удивляет Филипп.

Выяснив верхнюю ставку в шоу-бизнесе, перехожу к нижней:

– За какую сумму гонорара вы никогда бы не согласились выступать?

– Я в своей жизни дал столько бесплатных благотворительных концертов, что если взять среднее между ними и теми концертами, за которые я получил очень большие деньги, то может получиться очень даже небольшая сумма. Надо уметь понимать, где ты можешь подарить себя бесплатно, а где за очень большие деньги.

Спрашиваю, почему Филипп не уезжает работать на Запад.

– Знаете, я это делаю не потому, что я так уж люблю Россию. Я, конечно, люблю свою страну и вторую свою родину Болгарию. Но я люблю очень и себя. Чтобы меня полюбил народ, я сначала полюбил себя, хотя было мало за что любить себя самого. Но я нашел такие качества, которые культивировал в себе, и потом меня разглядели другие, те, кто приходил на мои концерты, покупал мои пластинки, слушал мои песни. И мне очень хотелось

перешагнуть через границы моей родины, и я это сделал. Я выступал на лучших площадках мира: «Madison Square Garden», «Carnegie hall», «Las Vegas», «MGM», «Friedrich state palace» в Берлине, «Royal Albert Hall» в Лондоне, в Австралии. То есть я реализовал себя, я выступал на лучших сценах мира, где выступали мои западные коллеги, получающие миллиарды. Но целиком и полностью оторвать себя от страны и прожить какой-то период жизни за границей, в Америке, я не мог чисто морально. Потому что до девяносто четвертого года я не был готов к этому, а после девяносто четвертого года я женился, у меня была семья, от которой я не мог оторваться. Два месяца разлуки меня уже сводили с ума. У меня были попытки пробы пера, я записал альбом на испанском языке, который был реализован в Мексике платиновым тиражом. Этот альбом моих песен на испанском языке до сих пор существует, и он очень хорош. Можно было бы пойти и дальше, захватить не только Мексику, но и другие страны, но в каждой стране надо было прожить какое-то время для пиара, для промоушена. Везде надо работать. Я был оторван от своих корней, я не мог этого сделать. Я вернулся, и с большим удовольствием, но я реализовал себя за границей, я увидел, что, если б я захотел, у меня был бы успех, как был он в Мексике, как он есть в Болгарии. Я понимаю, что надо было поработать там над промоушеном, у меня бы получилось, но мне надо было возвращаться сюда. Здесь было все. Если бы я был тогда еще холостой и одинокий, может, я бы и остался, но я не могу без своих друзей. Я понимаю, что появились бы новые друзья, но было очень трудно все оборвать здесь. Западные артисты находятся в более выгодном положении, потому что там они становятся популярными.

Естественно, мы всегда любили слушать западную музыку и следили всегда за тем, что там происходит, и Мадонна могла не приезжать сюда все свои звездные годы, но все прекрасно знали, кто такая Мадонна, и ждали ее как манну небесную.

Мне всегда нравилась олигархическая идея перехода качества в количество, бизнеса в политику, денег во власть. Представляю, какую многомиллионную армию поклонников поднимет под свои знамена Киркоров, в случае необходимости, и предлагаю подсчитать количество проданных дисков.

– Я думаю, что в каждой семье есть мой альбом, – скромно округлил Филипп.

Значит, по моим грубым гламурным подсчетам, минимум 150 миллионов альбомов он продал. А может быть, и больше, ведь мы с моим сыночком хоть и живем в Париже, но у нас тоже есть его диск.

– Если учесть, что всего вышло пятнадцать альбомов за всю мою творческую жизнь, – помогает или, наоборот, мешает мне считать Филипп, – и если в каждой семье есть по одному альбому, возьмем по минимуму, среднестатистически, будь то кассета, будь то диск в машине, то я думаю, что приблизимся к рекордным продажам «Битлз» или Элвиса Пресли.

– И еще немного о полчищах поклонников и о том, как они выстраиваются в фан-клубы.

– Они работают, они периодически появляются на моих турах, на моих концертах, на моих праздниках. Самый первый, самый древний фан-клуб – это «Атлантида», они находятся в Санкт-Петербурге, и я им говорю, что они постареют вместе со мной, вернее, повзрослеют, так как я не стар, я – суперстар, – улыбается Филипп.

Мне, как опытному психоаналитику олигархов и звезд, показалось, что Филипп, как все нормальные и ненормальные люди, немножко переживает переход своего сорокалетнего рубежа. Успокаиваю его тем, что в отличие от нас, блондинок старше восемнадцати, у него все еще впереди.

– Я возраст не чувствую, – качает головой 878-ментально-летняя звезда, – это только цифра. Я не чувствую совершенно этот возраст, потому что я в таком жанре, в таком бизнесе, который просто не дает тебе возможности состариться или почувствовать себя в возрасте. Я думаю, что постараюсь много чего успеть, потому что планов много, и ближайший – это новое шоу в Москве в ноябре, которым мне надо срочно заниматься, а времени не хватает: то «Евровидение», то другие конкурсы, то летний тур начинается.

По встроенному в меня со времен телевизионного производства внутреннему счетчику настало время для рекламной паузы. Несколько слов о спонсорах.

– Сегодня, – сетует Филипп, – большая редкость – меценаты в шоу-бизнесе, потому что если раньше этим занимались бизнесмены, отмывая деньги, то на нынешний день так ужесточились налоговые службы и законы, что просто лишили шоу-бизнес благотворительного спонсорства сильных мира сего.

– А как же реклама?

– По большому счету, – еще больше качает головой Филипп, – реклама им тоже не нужна, потому что у всех крутых своя большая реклама. Сегодня они считают, что артисту за честь пообщаться с тем же Абрамовичем, хотя еще лет пять назад было все наоборот. Потерялся немножко статус артиста. В принципе, в России артисты всегда считались небожителями, например, Утесов, Шульженко, Гурченко, я уж не говорю о Пугачевой. Это

были какие-то боги и богини. Сегодня обеспеченный бизнесмен может пригласить к себе артиста за хорошие деньги, и тот будет развлекать его семью, его друзей, и этим самым нивелируется звездный статус артиста. Но с другой стороны, это зависит от людей, которые приглашают. Потому что среди них есть очень интеллигентные, очень тонкие люди, которые, приглашая артиста, понимают, что перед ними большой артист. А некоторые считают, что если они заплатили деньги, то могут потоптаться на артисте. Благо меня Бог миловал, я не встречался с подобным отношением. Наверное, играет роль выслуга лет. Может быть, у новых русских бизнесменов, которые заработали эти деньги недавно, все-таки срабатывает стопор перед моей двадцатилетней выслугой или Пугачевой, или Леонтьева, или Ротару. Иначе они себя ведут с молодыми, теми же «фабрикантами» – они их просто за людей не считают.

С одной стороны, я их понимаю, потому что они видят, что популярность досталась очень быстро: три месяца по ящику показали, и уже звезды. Но среди тех же «фабрикантов» есть очень талантливые артисты, та же Савичева или замечательные девочки из группы «Фабрика» – рабочие лошадки, или «Корни». То есть «Фабрика» дала очень много нашей эстраде талантливых артистов.

– Специалисты жалуются, что появление «фабричных» артистов существенно перераспределило роли в шоу-бизнесе и от этого пострадали, в первую очередь, именитые старые «звезды».

– Нет, что Вы? – отмахнулся Киркоров. – Об этом говорят артисты, которые в себе не уверены, которые ищут любые причины, чтобы оправдать свой неуспех. Плохому танцору и ноги мешают, понимаете? Когда у тебя есть песня, когда у тебя есть творческий потенциал, когда есть талант – тебе никто не может помешать. На Западе раз в десять больше артистов, чем у нас, и никто никому не мешает. Ходят и на Робби Уильямса, и на Рикки Мартина, и на Джорджа Майкла, и на Энрике Иглесиаса. Есть хиты у Рикки Мартина – он звезда, нет хитов у Рикки Мартина – какой бы талантливый и гениальный он ни был, нет популярности. Поэтому все зависит только от тебя, не надо спихивать на «Фабрики», на то, что их появилось много. Давайте я сейчас буду спихивать на Колю Баскова, он тоже появился, но не с «Фабрики». У каждого есть свое место в искусстве и на нашей сцене: и на Колю приходят, и на Филиппа Киркорова, и на Максима Галкина, и на Диму Билана.

Решила, «пользуясь случаем», не «передавать привет маме», как у Якубовича, а повыпытывать у первоисточника, как будет развиваться в будущем российский шоу-бизнес.

– Я думаю, что все рухнет, – оптимистично предсказал Филипп, – как только телевидение станет цифровым. Реклама тоже рухнет, потому что люди смогут заказывать себе телевизионные программы, какие они хотят, естественно, вычеркнут всю рекламу, и это приведет к краху серьезных структур. Не знаю, что будет, потому что сегодня на рекламе держится все телевидение. Все ненавидят рекламу, но должны понимать, что благодаря рекламе создаются все огромные программы. Если бы государство финансировало все эти проекты, оно бы давно разорилось. Благо реклама у нас качественная. Я могу сказать, что и телевидение у нас гораздо интереснее, чем на Западе, и вообще, сегодня Москва – это центр мира.

Я очень люблю Европу, я очень люблю Париж, Лондон, но в десять-одиннадцать часов вечера все замирает, а в Швейцарии вообще в шесть часов вечера никого на улицах нет.

А город Москва живет двадцать четыре часа в сутки. Сегодня Москва – центр. Культурная жизнь течет: телевидение интересное, каждый день то Бочелли, то Элтон Джон, то Мадонна, то Джордж Майкл. Наши артисты все время придумывают какие-то программы, каждый день презентации, у меня каждый день по десять приглашений на вечеринки, какие-то акции. Это потрясающе! Город живет! Я считаю, что мы очень быстро развиваемся, все структуры развиваются и шоу-бизнес тоже. Единственное, что нужно решить, это вопрос с пиратством, жестко подойти к вопросу о защите наших авторских прав. По-моему, на сегодняшний день это единственная проблема, которую надо решить. Что касается фэшн-бизнеса, я лично давно уже все покупаю только в Москве. Есть Торговый дом «Москва» на Третьяковке, «Подиум», «Модная точка», замечательный Торговый дом «Ла Скала» в Краснодаре и в Сочи, который держится на Яне Рудковской, продюсере Димы Билана. Есть потрясающие места, где можно одеваться, есть студии, наши композиторы, и хорошие песни на английском языке у нас пишут.

Не хватает, скажем, полета фантазии в клипмейкерстве, но все равно есть талантливые люди на Украине, тот же Алан Бадоев, да и наш Олег Гусев, который снял все мои видеоролики. То есть много талантливых, творческих и гениальных людей: композиторов, поэтов, режиссеров, бизнесменов и политиков. Мы живем в очень интересное время, когда страной руководит очень незаурядный, интересный, сильный человек, которого я, например, очень хотел бы видеть в третий президентский срок, но, к сожалению, говорят, что нельзя. У меня нет никакого страха перед будущим за страну, за себя. Я уверен в себе и в своей стране.

В себе я уверен, потому что знаю, что, по большому счету, только сейчас научился петь так, как я хотел бы петь, все это время я учился.

Вечно требующий беспромедлительной ласки питомец у ног Филиппа почти сгрыз его тапочку, перетянув мое внимание на себя.

– Его зовут Покемон, – почувствовал необходимость объяснить Филипп, – это Джек Рассел, терьер. Я просто очень любил фильм «Маска» и был влюблен в эту собаку, искал ее долго и привез из Америки. Она живет на два дома: на Истре с Аллой, и пока его сюда перевезли, потому что он там всех покусал, хулиган невероятный.

Мой вопрос: «Из чего состоит Ваш быт?» Филипп, как истинный работоголик, избалованный обслуживающим персоналом, понял по-своему, слегка запутавшись в понятиях.

– В смысле, как я провожу свое свободное время? – переспросил он, видимо, наивно полагая, что бытом мы, простые смертные, занимаемся в свободное время от нечего делать. – Я очень люблю выходить в кино.

– То есть, – на этот раз переспросила я, – можно Вас запросто встретить без охранника где-нибудь в кинотеатре?

– Да, с друзьями. Благо у нас интеллигентная публика. Конечно, люди и обслуживающий персонал подходят, просят автографы, но деликатно…

Самым лестным моментом нашего общения оказался неожиданный вопрос Филиппа, внезапно проявившего доверие высшей степени:

– Леночка, у Вас есть номер моего мобильного телефона? Мой телефон 7** ** **.

Надеюсь, не случится трудной годины и я не выставлю его на аукцион. Ушла, польщенная, с подписанным диском для сыночка и хроническим абонементом в ВИП-партер на концерты самого классного Филиппа в мире.

Глава вторая
Сергей АРХИПОВ, учредитель «Русской медиагруппы», заместитель генерального директора ВГТРК

«О том, кому хочется дать пощечину, о том, чей автомобиль я бы экспроприировала, и о том, кто блестяще говорит по-китайски, а также о том, как заработать 50 миллионов долларов за один час»

Сергей Архипов – один из создателей влиятельнейшей в российском шоу-бизнесе «Русской медиагруппы», включающей такие радиостанции, как «Русское радио» 105,7, «Динамит» 101,2, «Русская служба новостей» 107,0, Радио «Монте-Карло» 102,1, «Максимум» 103,7 и многие другие радиостанции, а также звукозаписывающие и дисковыпускающие компании. А еще он является и «крестным отцом» самой престижной музыкальной премии в стране «Золотой граммофон». Для всех желающих стать звездами и прославиться он будет поважнее... ну, вы понимаете кого... То есть фактически для большинства молодежи страны. А для тех, кто звездами уже стал, так он и, вообще, отец родной. Каждый раз, приезжая к нему в офис, сталкиваюсь в приемной нос к носу то с Киркоровым, то с Лолитой, и выражение лиц у них как у выходящих с экзамена по геометрии – разное.

Когда мы только с ним познакомились, у меня было два противоречивых чувства. Во-первых, чувство благодарности за неожиданный комплимент, который он мне невольно сделал: «В этом году у меня две приятные неожиданности и одна – неприятная. Приятные – это ты и Ксюша. А неприятная – Волочкова». А во-вторых, чувство зуда в правой ладони, которая периодически порывается залепить ему пощечину, но на полпути останавливается и понимает, что это он так шутит в силу избалованности блондинками в шоу-бизнесе.

Оставив свой «Форд» на стоянке, я выбралась на асфальт перед рестораном, в котором мы договорились встретиться, и восхищенно уставилась на роскошный дорогущий олигархический автомобиль... «Случись какая-нибудь революция, – подумала я в силу фамильной причастности к Вождю, – его я экспроприирую первым».

Сидим в итальянском ресторане, я ем «Спагетти с белыми грибами», а он – не может, потому что рассказывает.

– Мой отец закончил школу Большого театра, народное

отделение. Был в то время известный дуэт «Архипов и Веселкин». Они практически не работали в Советском Союзе, они были более популярны за рубежом.

Я всегда с подозрением относилась к дуэтам мужчина с мужчиной. Что и не преминула заметить.

– Ничего общего с процветающим гомосексуализмом в балете. У них прекрасные семьи. Мама моя была народной учительницей Советского Союза и преподавала английский язык и русский иностранцам в Оксфорде, Кембридже, Праге.

Все время, задавая вопросы успешным людям, хочу доказать своему ребенку, что для того, чтобы добиться успеха в жизни, нужно хорошо учиться в школе. И все время не получается.

– Я учился в школе кое-как, – разбивает мои педагогические уловки Архипов. – Мне хорошо давались русский с литературой и иностранные языки. Мама много занималась со мной. Поэтому сегодня я говорю по-английски лучше, чем по-русски. А уже позже увлекся китайским и другими языками.

Все-таки будет что назидательно рассказать сыночку.

– В восьмом классе, – продолжал не догадывающийся о моих педагогических муках Архипов, – понимая, что у меня большие проблемы с математикой, химией, физикой, я усиленно их преодолевал, чтобы быть на уровне с моими горячо любимыми одноклассниками, которые были успешны в этом и потом стали физиками и математиками, а также серьезными чиновниками и губернаторами (потрясающе талантливый парень Гоша Боос – губернатор Калининградской области). В четырнадцать лет человек уже определяется и понимает, что он хочет. Тому, кому хочется быть конструктором, нравится придумывать установки, машины, составы.

У него естественная тяга, и ему не хочется читать, к великому сожалению, ничего. Ему скучно читать историю, тем более писать изложение на тему «Война и мир» Толстого, что в принципе невозможно. Чтобы писать изложение на подобную классику, нужно обладать подобным классику талантом.

Любопытствую условиями быта простой советской семьи, взрастившей мультимиллионера.

– У нас была трехкомнатная квартира на третьем этаже без лифта. Мы там жили вчетвером: мой отец, бабушка, царство ей небесное, мама и я. Это было в Люблино, в то время даже не Москва. Коридор, кухня с газовой колонкой, где я играл в футбол. Я там гулял по улицам, ходил в детский сад, где случилась моя первая любовь в возрасте трех лет. Я ее хорошо помню: она была симпатичной, смуглой, с резиночкой на руке вместо украшения. Она была у нас новенькой, ее привели и сказали: «Знакомьтесь,

это новая девочка, фамилия ее Маслова». А как ее зовут, никто не сказал. У нас шкафчики были рядом, потому что я сразу же перенес свои вещи в соседний шкафчик.

Несколько десятков проинтервьюированных мною миллиардеров испытывали крайнюю нужду в детстве.

– Жили мы более чем скромно, – подтверждает мою статистику Архипов. – Хотя мой отец и выезжал за границу, мама тоже там работала. Мой лихой папа, думая, что всегда будет жить хорошо и иметь командировки за границу, откуда будет привозить колготки и дубленки и сдавать в комиссионные магазины, купил кооператив в Москонцерте за девять тысяч рублей, было это в шестидесятые годы, это были фантастические деньги, и с этого времени все зарабатываемые деньги уходили на погашение долга за эту квартиру.

– Неужели голодали?

– Нет, мы не голодали. Боже упаси, гневить Господа. Хотя у меня было много друзей, которые жили лучше нас. Мама одного была директором гастронома, тогда это было фантастикой, правда? У кого-то папа работал начальником мясного отдела. Они жили хорошо. А мои родители не были приспособлены к бизнесу. Когда мама привозила из Чехословакии хрустальные люстры, она сама их не продавала, а сдавала в комиссионный магазин. Предположим, комиссионка отдавала сто пятьдесят рублей за вещь, а «с рук» это стоило бы четыреста. Ну и вот. Зато она говорила: «Мы не спекулянты». У нас была чудесная компания друзей, и когда меня приглашали на дни рождения, мне часто не в чем было идти. Однажды мой отец поехал работать в Париж на три месяца, он там танцевал и работал у Моисеева балетмейстером, ставил какие-то танцы. Он тогда мне привез джинсы, которые мне совершенно не шли, были не по размеру. А обувь я донашивал папину.

Он заботливо пододвинул ко мне вазочку с десертом – сухими вишнями, он их фривольно называет «засахаренные экстремальные части груди начинающих певиц». Этой своей заботливостью он не похож на единственного ребенка в семье. Так и оказалось.

– У меня есть сестра. Я ее безумно люблю. Она закончила университет в Америке. Она – очень известный продюсер. Она продюсировала знаменитого гитариста Ал Ди Миола. Почему я не беру ее к себе на работу? В бизнесе всегда возникают трения с близкими родственниками. А я настолько ее люблю, что не хочу с ней поссориться. Ни за какие деньги. Хотя понимаю, что она много могла бы мне принести контрактов и серьезных проектов.

У будущего крестного отца шоу-бизнеса, наверное, часто

звучала музыка в доме?

– В то время, когда слушать было нечего и не на что, папа привез из Японии с выставки «Эко-70» «Панасоник», красивый крохотный магнитофончик. Мне было восемь лет. Я тогда первый раз в жизни услышал совершенно другую музыку. Он много записал на кассеты с радио там, в Японии. Покупать пластинки было для папы дорого.

Спрашиваю, какое у него образование, и заранее готова услышать что-нибудь не очень совместимое с шоу-бизнесом.

– После школы я закончил Московский университет, по специальности я – филолог-китаист. А потом было радиовещание. Вел программы на китайском языке. Иногда на английском.

Попросила рассказать о самом важном детородном процессе в его шоу-бизнес-жизни, о том, как родилась самая крупная радиостанция страны. Он метнул на меня взгляд, преисполненный подозрительности, но, увидев мое открытое и честное лицо, успокоился.

– В 1988 году я уехал в Норвегию, в Осло, ушел в частный бизнес, при создании радиостанции «Рокс» я был первым директором радиопрограммы. Потом в 1994 году мы с моим партнером были уволены. Я не понравился тогдашнему начальству тем, что слишком хорошо разбирался в радио и слишком хорошо разбирался в финансах. Эта радиостанция потом сама умерла. Быстро. Потом у меня был первый частный, без государственной поддержки, музыкальный фестиваль на Канарских островах. В Москве я зарабатывал деньги тем, что был одним из трех производителей радиорекламы. Мы с друзьями сбрасывали друг другу заказы. Никто, кроме нас в Москве, таких музыкальных роликов не делал. Заказов было много. Я писал по восемь роликов в день. Я получал около ста—ста пятидесяти долларов за ролик. У меня была своя маленькая компания. Мы делали лучшие ролики в России. Зарабатывал я тогда около тридцати тысяч долларов в месяц.

Неплохо для начала. Зато стало понятно, что свою первую тысячу долларов он заработал на производстве рекламных радироликов. Прямо как я с моим производством рекламных видеороликов. Правда я, в отличие от него, вынуждена была производить на арендной аппаратуре.

– Оборудование мне стоило пятнадцать тысяч долларов. Мои близкие друзья мне одолжили эту сумму, – отчитался как перед инспектором Сергей.

После выяснения подробностей о первой тысяче долларов, заработанной моим собеседником, я обычно, как гусеница, медленно, но неуклонно, продвигаюсь к тому, как и когда он

заработал свой первый миллион.

– Наверное, тогда, когда запустили «Русское радио». В 1995 году я отдал все, что отложил из заработанного на этих роликах. Стали с приятелем думать, что делать дальше. У него был тридцатилетний «Форд». У меня была трехкомнатная квартира, которую я, еще раньше, успел купить на деньги от роликов. Я ее отремонтировал как мог. Через полгода мы вернули все затраченные деньги.

– А почему в нашем многонациональном, толерантном государстве основной медиаканал называется «Русское радио»? Нет ли в этом элемента предвзятости или дискриминации?

– Что за вопрос? – возмутился Архипов. – Сначала в стране впервые открыли краник, через который пошла свобода. Нахлынула культура Европы. Я много занимался радиовещанием и телевидением. Мы подумали, что не может вся страна жить без национальной музыки. Я люблю слушать Бабкину. У нас есть потрясающие певцы.

Поэтому в полночь по «Русскому радио» звучит гимн России в исполнении различных голосов.

– Я горжусь, что, кроме меня, этого не сделал никто. Я видел, что, когда гимн звучит, поют и американцы, и французы, не зная слов его, прижимая руку к сердцу. Мне понравилось, что наши девчонки-спортсменки его пели.

Интересуюсь рейтингом.

– Если не считать прежних республик Советского Союза: Украины, Армении, Молдавии и других, а говорить только о России, то ежедневно «Русское радио» слушают одиннадцать с половиной миллионов человек.

Мне часто доводилось слышать, как обыватели ругают русскую поп-музыку. И при этом мне не менее часто доводилось видеть, как именитым и суперпрофессиональным певцам не удается разместить в эфире свою новую песню, потому что она не дотягивает по качеству. Конкуренция огромна, но и требования к качеству продукта тоже. Но об этом знают лишь профессионалы.

– Безусловно, есть особые структуры, где за деньги можно разместить любое дерьмо. Мы не берем денег за появление артиста на «Русском радио». Ко мне когда-то подошли четыре человека, предложили пять миллионов долларов за участие в Кремлевском концерте «Золотого граммофона» – я отказался. Мы смотрели вперед. Если бы мы взяли тогда, то сейчас у нас не было бы слушателей. А в этом году билет туда стоил шестьдесят тысяч рублей официально, а у спекулянтов по пять тысяч долларов за место в первом—седьмом рядах.

– Чем так привлекателен шоу-бизнес, почему все девочки

мечтают стать певицами?

– В душе каждый мечтает стать известным, популярным и любимым. И на сцене зала, если тебя не освистывают, а тобой восхищаются, чем больше зал, тем больше положительной энергетики на тебя прет. И наоборот, я не знаю ни одного коллектива, который бы пришел в себя после того, как целый стадион его освистал.

– Убийственная энергия. А что это такое – «звездная болезнь»? Кого она поражает и кто ей противостоит?

– Говорят же: пройти огонь, воду и медные трубы. Огонь, вода – это война, физические и психические испытания, а медные трубы – это когда поют дифирамбы в твою честь. Мой партнер, например, Сережа Кожевников, неплохой парень (в прошлом), испытания медными трубами не прошел. И если ты выдержал и не изменился, то, значит, ты – настоящий. Настоящая звезда – тот, кто остается человеком после пения медных труб. Измениться легко от славы, от денег и от возможностей, которые они дают.

– Крутой босс из шоу-бизнеса – тоже человек. Значит, у него должны быть свои любимые певцы. Интересно, не сказывается ли это на эфирах?

– Я обожаю Аллу Пугачеву, это потрясающий человек. Она не зря собирает большие переполненные залы. Киркорову я могу позвонить в любой час дня и ночи. Люблю песни Баскова. Я в восторге от того, что делает Коля Носков. Но если совсем честно, я обожаю «Лед Зеппелин», «Пинк Флойд», «Дип Перпл», «Скорпионз» и кучу всякого, но меня не поймут.

– Значит, есть зависимость между человеческими качествами и талантом? Или негодяи тоже могут иметь успех на эстраде?

– Игорь Крутой у меня вызывает и восхищение, и раздражение. Я всегда рад его видеть, но у нас разные методы подхода к бизнесу, несмотря на то, что он – гениальный менеджер и неплохой композитор.

– Первая радиостанция в стране, наверное, приносит много рекламных денег.

– Могу сказать. От налогов я не уклоняюсь, – честно открыл кошелек Архипов. – В прошлом году мы заработали 70 миллионов долларов.

Как говорят в прессе, «пока верстался номер», Сергей Архипов заработал очередные 50 миллионов долларов, продав свои акции в «РМГ». Судя по всему, там ему стало тесно... А через пятнадцать минут после того, как он вышел с «прощального» собрания акционеров, он уселся в кресло заместителя Генерального директора ВГТРК (Всероссийской государственной

телерадиокомпании – телеканал «Россия», телеканал «Спорт», телеканал «Культура», телеканал «Вести», «Радио России», радиостанция «Маяк» и куча всякого всего).

– Для праправнуков заработал, теперь буду работать для страны, – весело сказал он мне по телефону.

Глава третья
Иосиф Пригожин, продюсер Валерии

О том, кто сбежал из дома и приехал в столицу голодным, о том, почему он рыдал, лежа на снегу, о том, как знаменитость помогает посадить преступников, и о том, кто может сделать из безнадежного ресторанного певца звезду

> В последний раз я видела Иосифа и Валерию в Париже в модном ресторане «Costes», где любят себя показать и на других посмотреть представители французского шоу-бизнеса. Случайно столкнувшись с ними в Париже в отделе обуви «Долче и Габбана» на авеню Монтень, я пригласила их поужинать. И если Иосифа я знаю уже давно, то с Валерией лично познакомилась впервые. Я ожидала от нее высокомерия и стервозности в отношении других блондинок. Но она оказалась особой «приятной во всех отношениях», а их нежнейшие отношения с Йосей так и вовсе умиляли. Она так трогательно заботилась о его режиме, а он так забавно копировал ее гастрономические вкусы, что даже у закоренелых холостяков эта пара вызывает прекрасное чувство толерантности к телячьим нежностям.

Договорившись об интервью, мы с Йосей, спустя несколько дней, пообедали в модном кафе на Новом Арбате, когда я прилетела в столицу нашей Родины. Стильно одетый в голубой кашемировый свитер, такого же цвета, но на тон темнее брюки и модные штиблеты, он вызывал недоуменные взгляды посетительниц кафе, означающие: «Что-то с тобой не та блондинка...» Чтобы не возмущать публику, я демонстративно выложила два диктофона, означающие: «Я тут по делам...» – и потребовала первых биографических данных.

– Родом я из Махачкалы... – начал рассказывать Пригожин.

Я заметила, что самые успешные люди столицы, если судить по моей олигархической статистике, как правило, не потомственные москвичи. Эту жажду успеха у провинциалов я и попросила откомментировать моего собеседника.

– Потому что мы, – пояснил Иосиф, – приезжаем в столицу голодные и холодные, желая занять какое-нибудь место в жизни. Так и я поехал покорять Москву. Приехал, не имея ничего – ни

крыши над головой, ни денег, ни работы, ни связей. Началась моя жизнь под названием «школа выживания». Позже я заметил, что, как правило, люди, у которых есть стабильность, находятся в расслабленном состоянии, особенно москвичи. А нас, людей, которых когда-то прозвали лимитчиками, жизнь заставляла крутиться. Я начал работать в двенадцать лет. Первая профессия в жизни, которую я освоил, – профессия парикмахера.

К сожалению, мои родители не были состоятельными людьми, и я был вынужден с раннего детства становиться взрослым. С двенадцати лет начались мои приключения, и они продолжаются по сей день.

– А вот тут поподробнее, пожалуйста, – удержала я Пригожина и, несмотря на давние приятельские отношения, для пущей официальности временно перешла на «Вы». А то читатели подумают, что я на короткой ноге со всеми крутыми продюсерами. – Вы родом из какой семьи и кем были Ваши родители?

– Мой папа был киномехаником, впоследствии с ним случилась беда, его сильно ударило током. К счастью, он выжил, но с последствиями – получил инвалидность первой степени, тем не менее он все равно работал, правда зарплата у него была смешная. Впрочем, как у многих тогда в Советском Союзе. Мама работала в мединституте. Она выросла в ортодоксальной еврейской семье. Два моих прадеда были раввинами на Кавказе. Корни моего отца московские. Как он оказался в Махачкале, для меня до сих пор остается загадкой. У меня есть еще младший брат, он живет и работает в Москве.

Пьер Карден очень убедительно сказал мне как-то в интервью, что только нищета помогает достижению успехов. Спрашиваю у Пригожина, чего ему не хватало в детстве.

– О чем может мечтать ребенок? Обо всем том, чего у него не было, – новой одежде, игрушках. Несмотря на это, с первого по четвертый класс я был круглым отличником и всегда мечтал стать артистом. Мечтал стать знаменитым, нужным и востребованным. Я всегда стремился к самостоятельности, быстро хотел стать взрослым, даже находил себе знакомых старше себя, у меня почти не было друзей-ровесников. И меня абсолютно устраивает то, кем я стал, ты не поверишь, это как раз то, о чем я мечтал.

А как его воспитывала «ортодоксальная еврейская мама», во вседозволенности и обожании или в строгости?

– Как, наверное, многих детей, меня воспитывала бабушка. Мама меня безумно любила, но у нее была эгоистическая ко мне любовь, как у всех еврейских мам, она все время пыталась меня

привязывать к своей юбке, не желая отпускать от себя, тем не менее мне удалось вырваться в самостоятельную жизнь. Тогда я и пошел работать учеником в парикмахерскую на автовокзале. Там я заработал свои первые деньги.

– Интересно, чем был обусловлен выбор профессии, профилактикой грядущего кальвинита или сенсорным стремлением к эстетике с гигиеной?

– Нет, – улыбнулся Иосиф. – Желанием делать людей красивыми, и потом, это было хорошее место для новых знакомств и связей. Тогда же я и начал заниматься административно-концертной деятельностью, организовывал музыкальные коллективы на свадьбы. Сам тоже, можно сказать, музицировал. Я играл на ударных инструментах на свадьбах и вечеринках. Одним словом, зарабатывал деньги.

– И все это в двенадцать лет?

– Да, – подтвердил мои материнские опасения Пригожин. – А в шестнадцать лет я с заработанными деньгами уехал в Москву. Это было в 1985 году. Я закончил восемь классов в Махачкале, к сожалению, редко посещая школу. Позвонил с вокзала родному дяде и сказал, что приехал покорять Москву. Он долго смеялся в трубку и сказал: «Лучше возвращайся в Махачкалу». Я поехал сначала в ПТУ, в Орехово-Зуево, прописался в общежитии, месяц там пожил и, поняв, что Орехово-Зуево еще провинциальнее, чем Махачкала, поехал в Москву. Но жизнь в Москве оказалась другая – жесткая, жестокая и дорогая. Мои деньги быстро кончились. Ночевал на вокзалах и улицах. Потом, гораздо позже, поступил в ГИТИС, мечтал о нем и его все-таки закончил.

– А мама как отреагировала на Ваш побег?

– Но во-первых, она о многом не знала, ей и не нужно было знать, чтобы не расстраиваться. Я говорил ей, что у меня все хорошо, но она все время плакала, – заявил монстр сыновьей жестокости.

– А сейчас она гордится Вами все еще из Махачкалы?

– Сейчас она живет в Израиле и часто следит за мной по телевизору. Иногда звонит и спрашивает: «Почему сегодня тебя там не было?» Я смеюсь, объясняя ей, что я – не артист и что меня и так часто показывают. Я все время предлагаю ей переехать в Москву, она категорически отказывается, поэтому приходится ездить туда самому.

Ей повезло, у нее есть прекрасная возможность видеть своего сыночка по телевидению в реальном времени, в отличие от других мам. Кстати, хороший сын обеспечил ее там на чужбине всем необходимым, в смысле – красивым домом?

– Да, конечно, – заявил с чувством выполненного долга

Великий Комбинатор.

Но я не унималась, из солидарности со всеми мамами мира, и хотела знать, какой подарок он ей купил на прошлый день рождения?

– Золотые часы с бриллиантами. Она их не снимает.

– А папа гордится Вами?

– Думаю, гордился бы. К сожалению, его уже нет. Он умер в 1990 году. Года не дожил до начала моих успехов. Я ему благодарен за то, что он помог мне спланировать мой побег из Махачкалы в Москву. Он мне сказал: «Твое будущее – в Москве. Однажды я уже совершил ошибку, приехав сюда». И втихаря от мамы посадил меня на поезд. Несмотря на то что в свое время у нас были плохие отношения и он меня избивал военным ремнем, на соль ставил коленками.

– А что может вызвать у Вас слезы?

– Несправедливость. Была у меня черная полоса в жизни, – посуровел Иосиф, и его эмоциональная речь стала часто прерываться, – 31 января 2003 года от рук негодяев чуть не погиб мой сын. К сожалению, в этот период у меня были испорчены отношения с женой и я не жил в семье, а снимал квартиру в центре Москвы. В это утро я направлялся в аэропорт – должен был лететь в Мюнхен по делам.

По дороге в аэропорт раздался звонок, и я услышал в трубке рыдающий голос жены: «Дима умирает!» В мгновение меня пробил озноб: что же произошло?! А произошло ограбление моей квартиры. Вооруженные преступники в масках ворвались в нашу квартиру на Покровке, где жила моя семья – жена, сын и дочь. Эти негодяи зашли в квартиру в семь часов утра, когда все еще спали. Один из подонков набросил на моего сына подушку и принялся душить. Сын начал сопротивляться, тогда тот нанес ему тринадцать ножевых ранений…

К тому времени, когда я добрался до дома, мой сын лежал окровавленный на полу, а преступники сбежали. Я схватил его и понес вниз. По пути я встретил огромное количество народа – милиция, журналисты, фотокорреспонденты. Я нырнул в стоящую «скорую помощь». Его жизнь висела на волоске. Необходимо было как можно быстрее доставить его в больницу. Минуты решали все. Задеты были артерии. Огромное спасибо и низкий поклон врачам Детской больницы Святого Владимира и Господу Богу. Сегодня мой сын жив и здоров, ему исполнилось восемнадцать лет и он готовится поступать в Финансовую академию. Целью этих негодяев было банальное ограбление по наводке. Я бы их и не искал, если бы они просто ограбили и ушли, но они тронули святое – ребенка. А здесь пощады быть не может. Я отправился на

их поиски, сам занимался расследованием. Этот вопрос был делом чести для меня и моей семьи. Преступники наказаны по всей строгости закона, сидят в тюрьме. Одному из них дали девять лет строгого режима. Их счастье, что сын остался жив. Для меня важно было, чтобы справедливость восторжествовала. Вот тогда,

31 января, пока врачи спасали моего сына, я лежал на снегу, на территории Детской больницы и рыдал, как одинокий зверь в лесу...

– Ужасно!

– К сожалению, для меня это до сих пор очень больная тема. Дальше я тебе расскажу, какие были сложности и какие препятствия пришлось преодолеть. И как решился вопрос. Их было не просто посадить. Все происходило в стиле футбольной игры, до тех пор пока я не появился в ток-шоу на Первом канале в прямом эфире у Светланы Сорокиной, куда был приглашен и тогдашний замминистра МВД Владимир Васильев, которому я очень благодарен за оперативное вмешательство. Я рассказал ему всю правду, опустив для корректности некоторые детали. Я содействовал следствию, активно помогал, но в процессе поисков этих подонков у меня сложилось ощущение, что следователи не были заинтересованы в их поимке. И даже мои вещи, опознанные и изъятые у преступников, долго еще находились бы у следователей, если бы не Васильев.

– Получается, что только Ваша публичность позволила свершиться правосудию? – поразилась я.

– Не перевелись еще порядочные люди на Российской земле. Но главную роль в этом нелегком деле сыграла моя настойчивость и желание добиться результата. Я говорил об этом на каждом углу. Я доставал милицию, я им звонил и встречался с ними. К сожалению, система правоохранительных органов не до конца соответствует международным нормам и не очень готова к защите правопорядка и граждан. А через два месяца после этой трагедии я познакомился с Валерией. И началась новая история в моей жизни.

От ужасной истории с нападением на ребенка перехожу к менее ужасной, но наделавшей не меньше шума. Помните, Иосиф Пригожин был продюсером известного певца Авраама Руссо, в которого стреляли.

– Я – против насилия. Я сочувствую Аврааму. Скорее всего он куда-то глубоко влез. И только сам Руссо может знать, кто стрелял. Уверен, что ноги растут не из шоу-бизнеса. Скажу свое мнение по поводу Авраама. Господин Руссо оказался непорядочным человеком. Кинул всех, кто для него старался. И

что бы ни говорили про Пригожина, Пригожин обещал сделать из безнадежного ресторанного певца звезду, и он сделал. Пригожин отвечал за результат. Все остальное – демагогия и разговоры в пользу бедных.

Задаю вопрос из обязательной программы, разработанной мной для миллионеров: —

А как Вы заработали свою первую тысячу долларов?

– В 1989 году я стал администратором гастрольного концертного объединения. – Миллионер Йося старательно вспоминал, что же такое тысяча. – Я пел песни, играл на сцене, участвовал в спектаклях. Пробовал себя в разных ипостасях. Первые свои деньги я заработал в шоу-бизнесе, в основном на организации гастрольных концертов.

– А первый свой миллион?

– Я организовывал культурно-массовые мероприятия в дни городов, чемпионат мира по мотоболу в городе Видном, различные телевизионные шоу и программы. У меня были спонсоры. – Видите, в искусстве спонсоры бывают не только у блондинок. Пригожин подтверждает, что это – привычный элемент шоу-бизнеса. – На один из проектов в 1991 году привлек косметические компании, которые только выходили тогда на российский рынок «Ланком» и «Эсте Лаудер». Они были спонсорами моих мероприятий. Я занимался гастролями многих артистов и получал за это вознаграждения в виде десяти процентов. Так же, как и многие в тот период, занимался продажей дефицитных товаров. Я зарабатывал на посреднических услугах. Не могу четко определить день, когда я почувствовал себя миллионером. Я, вообще, себя миллионером никогда не чувствовал. Я просто зарабатывал деньги и с таким же успехом тратил. Я не понимал цену деньгам. Покупал крутые автомобили, тратил на гулянки и друзей. Это я сейчас стал понимать цену деньгам.

– А что, – забеспокоилась я за Леру, – сейчас Вы стали более сдержанным в тратах?

– Ответственность стала другой. Расходов много. В детей надо инвестировать.

Я спросила Пригожина, что для него сейчас является люксом. Так как он задумался, пришла на выручку: – Может быть, личный самолет?

– Это лишняя, не нужная мне роскошь, – отмахнулся Иосиф. – Для меня роскошь – не бриллианты и самолеты, а свободное время и хорошая компания. Роскошь – это собеседник, у которого можно учиться. Меня мало волнуют, например, дорогие часы, хотя они у меня есть.

Хорошо, что напомнил об «обязательной программе». Так повелось с моей самой первой книги о миллиардерах, которая вышла под кодовым для налоговых инспекторов названием «Мультимиллионеры», я всегда фиксирую марку и стоимость часов моих интервьюируемых. На Пригожине в день интервью были часы марки «Ричард Мили» авангардного вида, розового золота с винтами. – Сколько стоит такая модель?

– Двадцать пять тысяч евро. У меня есть часы, которые мне Лера купила на свадьбу, марки «Де ля Кур», есть памятные, самые первые и самые дорогие часы, их мне подарил Юрий Айзеншпис на день рождения, они мне очень дороги.

Прикрываясь служебным положением, решила удовлетворить свое обывательское любопытство и спросить о начале романа Пригожина с Валерией.

– Познакомились 12 марта 2003 года, совершенно случайно, теперешний начальник «ТВЦ» Александр Пономарев мне сказал, что Валерия вернулась в Москву, и спросил меня, не хотел бы я с ней повстречаться. Я ответил, что с удовольствием. И эта встреча стала судьбоносной. Это была любовь с первого взгляда.

– Некоторые обвиняют Валерию в том, что она вынесла сор из избы ее прежней жизни.

– Она не хотела никого обличать, – бросился защищать супругу Пригожин, – это – вынужденная самооборона. Когда мышонка загоняют в угол, он начинает кусаться. Теперь уже, зная Леру, могу сказать, что она не просто правильный человек, она – глубоко порядочный. Таких в обычной жизни не встретишь. И ее рассказ – это боль обиженной и оскорбленной женщины, верующего человека и матери. Это – вынужденное обращение к женщинам, которые страдают от семейного насилия.

Мой самолет, странным образом, вылетев из Парижа поздним вечером, прилетел в Москву ранним утром. Куда подевалась ночь, я так и не поняла, но почувствовала, что ее отсутствие начинает сказываться на тяжести моих век. Если бы мне удалось выспаться, то я бы задала еще пару-тройку каверзных вопросов Йосе, но у меня хватало сил только для того, чтобы снабжать кислородом легкие, а мозгам приходилось обходиться без него. Пришлось откланяться.

Глава четвертая
Александр Варин («Авторадио», радио «NRJ», радио «Алла», радио «Юмор FM»)

О том, у кого передо мной «косяк» и чьей я жаждала крови, о том, кто умница и душка, о том, кто обиделся на МГУ, о том, на кого наезжали бандиты, и о том, кто у Пугачевой партнер, а также о том, сколько миллионов стоит радиостанция

Александр Александрович Варин имел перед мной, говоря языком некоторых разболтанных представителей шоу-бизнеса, серьезный «косяк». Дело в том, что во время нашей первой встречи, пару лет назад, он предложил мне организовать встречу по важному секретному делу с руководителем одноименного с одной из его радиостанций мирового холдинга «NRJ», Жан-Полем Бодекру, проживающим со мной в одном городе Парижске. Я, как молодая, неопытная, но очень ретивая и исполнительная особа, со всех ног бросилась выполнять пожелание и даже добилась аудиенции с миллиардером Бодекру, который не продемонстрировал живого интереса к вопросу и «слил» меня какому-то своему заместителю. Заместитель, похоже, блондинок не переваривал как класс, что, впрочем, привычное дело в шоу-бизнесе. Поэтому, мне показалось, что миссия не удалась. Каково же было мое изумление, когда, спустя некоторое время, в самолете, я раскрыла какую-то газетенку и увидела эту троицу улыбающимися в объектив и пожимающими друг другу руки при подписании договора о сотрудничестве. Я чуть не скомкала ни в чем не повинную газетенку от досады на мужланов в бизнесе, так легко избавившихся от ненужного посредника и даже не пригласивших меня, инициатора знакомства, на вечеринку по случаю подписания протокола о сотрудничестве. Так что «косяк» передо мной образовался не только у Варина, но и у Бодекру, которому я и высказала свое «фэ», случайно столкнувшись с ним в неформальной обстановке на вечеринке у общих знакомых. Тот, смутившись, пообещал исправиться, хотя и валил все на заместителя.

Заручившись его обещанием о совместном сотрудничестве на его новом французском телеканале «NRG 12», я оттаяла.

Но только наполовину. Вторая половина жаждала крови Варина.

Вот в таком неромантическом настроении я приехала на встречу с Александром Александровичем в московский ресторан «Индус». Тот факт, что он не отказал мне в интервью для книги, намекал или на то, что «косяк» он осознавал, или на то, что просто, в отличие от вышеупомянутого заместителя Бодекру, блондинок он признает. В подтверждение последнего предположения на моем месте за столом в ресторане напротив Варина я обнаружила другую блондинку, известную в прошлом ведущую Ксению Стриж. Мое появление несколько сбавило темп ее стрекота, то есть «СТРИЖетания», и, расцеловавшись с Вариным, она вскоре откланялась. Я уселась на ее место и уставилась на Варина укоряющим взглядом. Он расхохотался и заказал мне поднос с суши. Суши подействовали магически, и я, подобрев, приступила к интервью. Тем более что на Варина долго сердиться нельзя, потому что он – умница и душка.

Сделав серьезный вид, я поинтересовалась тем, что для него сегодня шоу-бизнес.

– На мой взгляд, – отвечал Варин, приняв не менее серьезный вид, – того бизнеса, который называется шоу-бизнесом, у нас в стране пока нет. Если понимать под шоу-бизнесом работу с артистом на записях, то все, что связано с продюсированием артистов, все, что связано с вложением денег в них, является пока в нашей стране убыточным. Это не бизнес, а трата денег. Мы с Вами разговариваем в тот момент, когда многие люди продолжают тратить деньги либо на себя, либо на своих подруг и друзей без определенных надежд на заработки и без профессионального подхода. А те, кто заявляет о своем «профессионализме» в шоу-бизнесе, являются просто «раскручивателями» на эти деньги и «осваивателями» этих бюджетов. То же самое у нас пока еще происходит в кино. Несмотря на то что это сверхмодное и сверхвзрывное в России явление, кинобизнес в нашей стране в целом является убыточным, на него тратится денег больше, чем на нем зарабатывается. Если же шоу-бизнес понимать в более широком контексте: медиабизнес, концертный бизнес, рекорд-бизнес, радио-бизнес – то здесь бизнес присутствует, очевидно.

Спрашиваю, что нужно сделать в России, чтобы шоу-бизнес

порождал не только долларовых миллионеров, но и миллиардеров, как это происходит на Западе.

– Нужно победить в России пиратство, – уверенно откопал корень зла Александр Александрович. – Именно потому Майкл Джексон и Пол Маккартни являются миллиардерами, потому что они продают свои пластинки, а не потому что они выступают на корпоративных вечеринках. А у нас заработки артистов состоят фактически исключительно из пресловутых корпоративок, то есть это доход номер один. На втором месте, наверное, находятся кассовые концерты, а на третьем или четвертом находятся заработки от продажи пластинок. Во всем мире победа над пиратством создает цивилизованные условия для существования всей системы шоу-бизнеса.

Не хотелось его расстраивать, но пришлось сказать, что и на Западе этот вопрос еще не решен и одноклассники моего сыночка все скачивают из Интернета.

– Это другое явление, которое постигло всех в последние годы, крупнейшие мэйджоры на этом разоряются. Только что сообщили, что «Уорнер Бразерс» несет убытки. Мы говорим об артистах и об их состояниях. Что касается рекордкомпаний, то в вопросах скачивания есть разные методы, которые приведут к цивилизованному процессу. Пример: в какой-то степени с Вашей подачи, мы заключили соглашение с «NRJ». – В этом месте я великодушно махнула рукой, мол, «да, ладно Вам, кто старое помянет», и он продолжал: – При том, что «NRJ» устраивает огромное количество турне по всей Европе, с крупнейшими артистами, с крупнейшими звездами, мы в России пока сделать это не можем. По той причине, что для артиста это промотур. Промотур с радиостанцией, которая раскручивает его хиты, и благодаря этой раскрутке продаются пластинки. На Западе артисту выгодно выступать, он промоутирует себя через радио, а зарабатывает на пластинках, которые благодаря этому радио продаются. В России мы этого сделать не можем, потому что из России он копейки не получит. Поэтому мы вынуждены платить деньги, а поскольку артисты, на которых строится формат «NRJ» – крупнейшие артисты, мы пока, к сожалению, не можем себе этого позволить сами.

Интересуюсь, с чего все началось и откуда он родом.

– Я родился 4 января 1965 года в Москве.

Ого, исключение из миллионерских правил. Обычно москвичи в Москве успехов не добиваются.

– В семье московских интеллигентов, ученых, – продолжал Варин. – Мои родители закончили физфак МГУ, кандидаты наук. Оба физики. Папа умер совсем недавно, в декабре, царство ему

небесное. Родители познакомились на физфаке МГУ, именно во время расцвета физфака, в конце 50-х – начале 60-х годов, когда спорили физики и лирики. Я шел по их стопам: окончил московскую школу в 1982 году с золотой медалью, но не поступил на физфак МГУ. Меня завалили, до сих пор не знаю, по какой причине. На решающем экзамене меня экзаменовали два члена парткома физфака.

На этом устном экзамене по физике, уже за решение задачи ставилась четверка, так как задача очень сложная. А я ее решил моментально, после этого меня отсадили на переднюю парту и начали прессовать по полной программе. В итоге сказали: «Два. Вы ничего не знаете». Для молодого человека очень серьезный шок. Это был единственный случай в 1982 году, когда центральная апелляционная комиссия всего МГУ приняла положительное решение, то есть сказала, что требуется переэкзаменовка. Сначала на апелляцию подают на факультете, но на факультете ее не приняли, а в МГУ приняли. Я не знаю, надо это рассказывать, или нет, но я не стал пересдавать, сильно на них обиделся, а для себя понял в тот момент, что серьезной тяги к физике я на самом деле никогда не испытывал. Может, в этот момент и произошел серьезный выбор собственного пути, потому что физфак МГУ – это был родительский выбор. Я хорошо учился по всем предметам, поэтому мне было все равно, и я поступил в Московский авиационный институт на факультет прикладной математики по той причине, что он находился рядом с моим домом. Мне сам институт очень понравился, когда я туда зашел, факультет тоже очень понравился, он был новый, свежий. В тот момент я возненавидел физику и понял, что всегда любил математику. Если вспомнить школьные годы, я выигрывал городские олимпиады по математике и истории, и никогда – по физике. В принципе у меня никогда не было так называемого физического чутья, особенно я не любил эксперименты. И когда я поступал на физфак, то родителям уже говорил, что, наверное, физика – это не совсем мое, а они мне всегда говорили: «Ты же теоретик!» В итоге, я левой ногой поступил на факультет прикладной математики в МАИ и никогда, ни одного дня, об этом не жалел.

А в первый же день до начала учебы, когда поступивших абитуриентов заставляли работать в библиотеке, переносить книги, так как строился новый корпус, я познакомился с людьми, с которыми с тех пор дружу всю жизнь. Уже можно говорить всю жизнь, потому что с того времени прошло двадцать пять лет. Мы оказались в одной группе, теперь вместе работаем и никогда не расстаемся.

В МАИ я учился пять лет, незабываемое, лучшее время для любого человека. В общежитии жили мои друзья, мои любимые девушки. Само по себе общежитие МАИ – и мир, и дом. Я, как и в школе, в институте хорошо учился, закончил его с красным дипломом и был ленинским стипендиатом. Для того, чтобы стать ленинским стипендиатом в МАИ, надо помимо активной общественной работы три сессии подряд сдать без четверок. Ленинская стипендия – это сто рублей.

Я присвистнула, хоть и сама не знаю, сколько это, но помню по книжкам и рассказам очевидцев, что круто.

– Обычная стипендия, которую еще не все получали, была сорок рублей, повышенная, когда у тебя почти все пятерки, какое-то количество четверок допускалось – пятьдесят рублей. А ленинских стипендиатов было человека два-три на более чем десять тысяч студентов. Эта стипендия утверждалась аж в райкоме партии…

Родители, наверное, очень гордились сыночком.

– Да. – Взгляд Варина потеплел и из коршунско-шоу-бизнесовского превратился в карамельно-мармеладно-медовый. – У меня до сих пор сохранились вырезки из газеты «Пропеллер», многотиражки МАИ, в которой есть моя фотография, ленинского стипендиата. На самом деле учеба была совершенно не главной. Потому что МАИ – это клуб, он же был и закрытым военным космическим заведением. Сейчас в МАИ появились чернокожие студенты, а тогда была шутка: когда появится первый негр в МАИ – Земля перевернется. Из-за того что он был закрыт, у него были мощные традиции, было реальное братство. Вообще, корни всего этого находятся в романтике еще довоенных полетов, а еще больший импульс в романтике космических полетов, потому что МАИ был базовый институт для нашей космической индустрии. Наш факультет прямого отношения к этому не имел, у нас был только один семестровый курс, посвященный летательным аппаратам. Выглядело это как страшный сон, все его страшно боялись, все пользовались «бомбами», но тем не менее все в МАИ были заряжены этой общей атмосферой. Я восемь лет подряд, начиная с 1984 года, ездил в студенческий строительный отряд в Астрахань, сначала бойцом, затем комиссаром. Это был большой отряд, сто пятьдесят—двести человек, в котором было большинство женщин, и это был отряд, в который никто не ездил, чтобы зарабатывать деньги. Ездили ради тусовки, а делали мы там роскошную по тем временам культурную программу, когда каждый день вечером и даже днем и утром в отряде были какие-то праздники, которые проводились с голливудским размахом, с невероятной креативностью.

– Вот, оказывается, откуда истоки шоу-бизнеса.

– Еще у меня был коллектив, и мы занимались тем, что выступали на сцене в ДК МАИ. Это профессиональная сцена, одна из лучших сцен в Москве. Это был театр, агитбригада, студенческие «капустники», юмористические спектакли. Такая круговерть, что даже на учебу времени не было. В сессию приходилось напрягаться, брать у хороших девушек с других групп конспекты и в таком жестком режиме всем этим заниматься.

То, что он способен совмещать ленинскую стипендию и «капустники», было понятно по тому, как он умудрялся совмещать мое интервью с суши и просмотром по висящему в зале ресторана гигантскому экрану хоккейного матча «Чехия – Россия».

Приступаю к своей обязательной программе вопрошания миллионеров – как он заработал свои первые сто долларов.

– Первые сто долларов я честно заработал в институте, в стройотряде – собирал арбузы и грузил их в вагоны.

– А первую тысячу долларов?

– Когда занимался бизнесом в 90-е годы. После окончания в 1988 году института, несмотря на то, что страна уже была другая и стали появляться кооперативы, я тем не менее пошел по пути, по которому было положено идти советскому выпускнику из отличного вуза, мальчику из хорошей семьи.

Я поступил в аспирантуру того же МАИ, что называется «оставили на кафедре». Это было очень престижно. Как сейчас помню, курс у нас был не очень большой, 80–90 человек, пять групп, и из курса составлялся приоритетный список людей на распределение. Понятно, что тому, кто первый заходил, было больше возможности остаться, а у последних – меньше. Я был первым в этом приоритетном списке, но значения это для меня не имело, потому что меня оставляли на кафедре, в аспирантуре. Что, помимо прочего, означало отсрочку от армии. При этом у нас была военная кафедра, по окончании которой нам присваивались офицерские звания. Как и все, я побывал на сборах, бегал огневые штурмовые полосы, потерял за один месяц 20 килограммов, бросал гранаты, все как положено. Мне показалось, что этого достаточно, хотя соприкосновение с армией мне доставило большое удовольствие. Возвращаясь к аспирантуре, хочу сказать, что ее окончание дает помимо институтского еще диплом исследователя, который означает, что ты сдал некие дисциплины, так называемые, кандидатские минимумы. В аспирантуре люди занимаются тем, что делают научные работы. Я такой научной работой начал заниматься еще

в студенческие годы, занимался чистой математикой. Чистая потому, что эта наука не требует от человека ничего, кроме листа бумаги, ручки и его головы. Моя диссертация называлась «Свойства полулинейных уравнений эллиптического и параболического типа». Я оказался учеником Евгения Михайловича Ландиса, под его руководством решил некоторые задачи и защитил с успехом кандидатскую диссертацию. Это теория уравнений в частных производных, безумно сложная отрасль математики. Мне доставляло огромное удовольствие не столько занятие самой наукой, хотя это огромный кайф – решение задач, сколько общение с такими людьми, как Ландис. Потому что это человек, для которого знание пяти-шести языков является чем-то само собой разумеющимся. Энциклопедичность его знаний, их широта характерна людям XIX века. То, что я его застал, с ним разговаривал, общался, оставило в моей жизни огромный след.

А сейчас он общается и с Серегой, «Стрелками» и Веркой Сердючкой…

– Кстати, когда произошел переход от научной деятельности к бизнесу?

– Он произошел в 1993 году по той простой причине, что кандидатскую диссертацию я закончил, у меня появилась семья и я женился.

– Тоже, наверное, на «ботанике», то есть на научном сотруднике.

– Это была сотрудница кафедры. И дальше наступил голод, то есть ситуация, когда моя зарплата, несмотря на тяжелый труд, в пересчете в доллары составляла 10 долларов в месяц. Я прекрасно помню, когда я ваучер съел, то есть обменял на еду. Ребенка еще не было, но он должен был появиться. Это привело меня к кардинальному повороту, так как наукой, которой я занимался, нельзя было заниматься в полноги, в полруки, как, в общем, на мой взгляд, любым делом. Поэтому я эту тему бросил, хотя у меня была готова докторская диссертация. Чтобы защитить докторскую диссертацию, надо было опубликовать большую работу в большом математическом журнале.

У меня такая работа была готова, отрецензирована и принята в печать. Надо было эту работу просто отправить, а для того, чтобы ее отправить, надо было ее разметить, то есть подчеркнуть разным цветом греческие и латинские буквы в формулах, вставленных в текст, так как они были вписаны от руки. Я эту разметку не сделал, работу не отправил, все бросил. Я сказал, что больше этим не занимаюсь, и дальнейшая карьера меня больше не интересует.

– Ой, как рискованно, – по-матерински запричитала я. – Как можно все бросать, когда нет альтернативы?

– Я всегда был предприимчив, – мотнул упрямой сыновьей головой Варин, – и был уверен, что найду что-нибудь. Я просто пошел к своим друзьям, у которых был бизнес. Пошел работать, а не предпринимать. Это была фирма, которая занималась торговлей компьютерами и телевизорами. Я пришел и говорю: «Здрасте». И они мне: «Здрасте. У тебя будет зарплата сто долларов. Иди рекламой занимайся». Я пошел заниматься рекламой, хотя в этом ничего не понимал. Случилось так, что я начал быстро делать в этой фирме успешную карьеру. Я собрал всех своих друзей в тот отдел, который я возглавил. Мы издавали безумную газету, которая называлась «Дело в шляпе» и была похожа на современные гиды по развлечениям и шопингу, типа «Афиши». Коммерция появилась потом. Эта компания, в которой я работал, в тот момент приобрела пакет акций радиостанции «Авторадио». «Авторадио» продавалось, потому что изначально было организовано выходцами из милиции, они взяли кредит у какой-то братвы, криминальной до предела, через полгода деньги кончились, те же знакомые из МАИ пришли и сказали: «Беда, нужно что-нибудь сделать». Я пришел к своим боссам и сказал: «Ребята, радио – это круто». Тогда радио – это было очень круто, потому что их было мало, все они были безумно модными. И мы начали заниматься «Авторадио» и сделали на нем проект, который назывался «Второе дыхание». Это был первый проект для взрослых, в жутком контрасте с тем, что было в радиоэфире. Тогда радио FM принесло сюда западную музыку. А мы сделали первый проект, похожий на те дискотеки, которые были десять лет назад. И, будучи на УКВ, а не в FM, «Авторадио» с этим проектом взлетело на третье место. Это был безумный успех, и вот тогда появилась коммерция на «Авторадио».

Компания, в которой я работал, – продолжал Варин, – разорилась, что было нормально для тех времен. Единственным живым подразделением внутри этой компании оказалось «Авторадио». И в числе «активов», которые я получил от этой компании, я получил огромное количество долгов. Я был наемным работником и вдруг стал владельцем. Я и не хотел это в собственность брать, просто ко мне пришли за чужими долгами, а у меня денег не было, поэтому я стал обороняться и стал таким владельцем. А все остальные слиняли за границу. Товарищи бандиты в огромных количествах ко мне приезжали, я этой каши 90-х годов хлебнул двумя ложками и с двух тарелок. Они приезжали ко мне поездами, автобусами, на стрелке у меня в кабинете, когда меня там прессовали, пятьдесят человек сидело.

У меня была структура, у меня была «крыша». Сначала милиция, потом ФСБ. И я отбился.

– Интересно, сколько стоила милицейская «крыша»?

– У милицейской «крыши», в отличие от бандитской, была фиксированная цена две тысячи долларов в месяц. Это зависит от объемов бизнеса. Кроме «Авторадио» мы занимались наружной рекламой вывесок, размещением рекламы в метро. Мы прекратили в 1998 году. Но ребята продолжают этим заниматься. Мне очень приятно, что бизнесы, которые раньше были у меня, продолжают развиваться. Есть такое агентство «Тандем», оно так и раньше называлось, которое является очень крупным на рынке автомобильной рекламы. Мне очень приятно, когда они меня приглашают на свои мероприятия и даже дали диплом пожизненного почетного президента.

– Как Вы заработали первый миллион? – продолжаю рыться в чужом кошельке.

– Мне удалось отбиться от тех ребят, реструктурировать долги, перевести их в кредиты, заняться рекламным бизнесом. Сказать, что радио тогда приносило много доходов, нельзя, потому что мы боролись за лицензию в FM диапазоне. «Авторадио», несмотря на то что оно существовало с 1993 года, до 1998 года осталось только в УКВ. УКВ сначала был даже популярней, чем FM, а потом FM-приемники вытеснили этот экзотический советский диапазон. Несмотря на то, что бизнесы, которыми я занимался, были достаточно успешными, огромные кредиты фирмы сильно меня не устраивали. Я оказался владельцем крупного пакета в «Авторадио» – шестьдесят процентов. Как только смог получить лицензию на FM, это случилось в марте 1998-го, и буквально через месяц после получения этой лицензии, превращения «Авторадио» в серьезный актив, я его продал.

Эту виртуозность и бизнес-удачу в состоянии оценить лишь те предприниматели, которые серьезно пострадали от кризиса августа 1998-го. Браво! Тогда уж он точно стал миллионером.

– Мой пакет в «Авторадио», – кивнул Варин, – стоил тогда полтора миллиона долларов. Это было много по тем временам. Это сейчас такая станция стоит двести миллионов долларов, а тогда эта сумма позволила мне расплатиться со всеми долгами, реализовать советскую мечту – дача, квартира, машина. При продаже условием покупателей (моих товарищей, тоже выпускников МАИ) было то, что я должен продолжать работать. Так началась моя карьера менеджера на радио. Случился кризис, рекламные бизнесы перестали существовать, я намеренно от них отказался и решил всерьез сосредоточиться на деятельности

радио. Процесс был на стыке жанров: являлся и творческим, и коммерческим процессом.

И благодаря тому, что на «Авторадио» в тот момент появилась очень талантливая команда, которая работает и до сих пор, и, наверное, это лучшие специалисты, составляющие на сегодняшний день топ-менеджмент холдинга «Вещательная корпорация „ПрофМедиа“. „Авторадио“ получило колоссальный взлет. За 1999–2000 годы „Авторадио“ вырвалось в пятерку лидирующих радиостанций, в 2003 году мы стали вторыми, за три-четыре года построили огромную сеть, которая сейчас является одной из трех крупнейших сетей, наряду с „Европой плюс“ и „Русским радио“. Те ребята, которым я продал пакет, через какое-то время перепродали его „ПрофМедиа“, и мы вплелись в холдинг „ПрофМедиа“, в котором развитие радиобизнеса получило широкий размах, потому что это было уже не только „Авторадио“, но еще три радиостанции: „Energy“, „Юмор FM“, „Русские песни“. В ближайшее время последнюю радиостанцию мы переформатируем.

Я Вам первой, по секрету, скажу, что это будет радиостанция, которую мы сейчас делаем на 98,8 Мг и она будет называться «Радио Алла». Это наш совместный проект с Аллой Пугачевой*. Вот такие четыре радиостанции, из которых «Авторадио» – крупнейшая и самая быстро растущая сеть, «Energy» – отличное молодежное радио. На данный момент эта компания с большим отрывом от остальных входит в тройку крупнейших радиокомпаний в России вместе с «Европейской медиагруппой» и «Русской медиагруппой». И среди них мы являемся самыми быстрорастущими по аудитории и подоходам.

Спрашиваю, удается ли ему уворачиваться от огромного количества так называемого «поющего нижнего белья» и их спонсоров, которые так рьяно стремятся в шоу-бизнес.

– Здесь мне легче, чем моим коллегам с «Русского радио», потому что на радио «Energy» не играют русскую музыку, а «Авторадио» – это взрослое радио, там не может быть такой шняги. На самом деле, мы на радио не меньше, а больше артистов заинтересованы в хорошей музыке, и каждую неделю у нас проходит художественный совет, на котором мы прослушиваем все более или менее достойное, что к нам приходит. За неделю это только русские десятки треков, потому что международные приходят сотнями. Поиск потенциального хита – эта задача радиостанции состоит в том, чтобы выставить новинку первым, не пропустить. Мы принципиально не занимаемся платными ротациями. «Русское радио» тоже не занимается этим впрямую, они могут заниматься раскруткой в собственных интересах. Мы

были в январе на «NRJ Music Awards», который устраивался в Каннах. Сидим, и наш партнер говорит: «Вот это наш артист». Еще один проходит, тоже их артист. «Energy» занимается продюсированием артистов. Их логика понятна: у нас рекламный рынок растет на двадцать—тридцать процентов в год, это сумасшедшие темпы; у них рынок растет на процент в год, он почти стабильный. Поэтому они вынуждены искать любые новые источники дохода, поэтому «Energy» работает, например, продюсирует мюзикл и на нем зарабатывает, продюсирует артистов и на них зарабатывает.

– Телевизионный канал открыли, – напоминаю я.

– Да, занимаются активно мобильными сервисами, огромный оборот в тридцать миллионов евро в этом году у них будет по акциям, спонсорским концертам, фестивалям. Продюсирование артистов – нормальная ситуация. И появляются бесконечные предложения со стороны ребят из шоу-бизнеса типа: «Давайте, войдите в долю, нам нужен медиаресурс» и т. д. Даже если это суперпопулярный артист, проблема заключается в том, что шоу-бизнес, там, где реально зарабатываются деньги, а именно на корпоративных концертах, является черным. На данный момент «ПрофМедиа», равно как и, например, «Европейская медиагруппа» – это белые, прозрачные компании.

Предлагаю обсудить наркотики в шоу-бизнесе. Существует такой стереотип, что люди в шоу-бизнесе гораздо больше подвержены депрессиям, алкоголю, наркотикам и всем неприятным последствиям ночной жизни.

– Я лично к наркотикам никогда не прикасался, – открещивается Варин. – Но это, бесспорно, существует. Я не понимаю, почему в российском кино, которое сейчас выходит, люди обязательно курят марихуану.

Спрашиваю, кого из артистов российской эстрады он любит слушать, а на кого, наоборот, у него аллергия, даже если тот бывает в его эфире.

– Как Штирлиц говорил: «Чем честнее я отвечу, тем меньше вы мне поверите». Я честно Вам отвечаю, что считаю своим, и вообще, огромным достоинством любого человека, который работает на радио, – отсутствие музыкальных пристрастий. У меня нет никакой домашней фонотеки, ни одного диска.

Ну, вот, доинтервьюировались, руководитель одного из крупнейших радио в стране не любит музыку!

– Я ее обожаю. Как фон. Мне все равно, какая музыка, лишь бы там была мелодия, драйв, то есть какая-то энергетика, но совершенно не важно, на каком она языке и кто ее исполняет. Если взять какие-то вкусы, то дискотека 80-х, которую мы делаем,

это и есть мое музыкальное пристрастие, моя самая любимая группа – это группа «Goombay Dance Band», которую мы привезли сюда. Это малоизвестные последователи «Boney M» с мощным вокалом, правда, я всегда считал, что он женский, а оказалось, что мужской. Это маленький, китайского вида человечек (теперь уже 70-летний дед) с невероятным голосом. Самая известная их песня – «Маракеш», а самая моя любимая – «Seven tears». Вот это мне нравится, потому что это мелодично, там есть драйв, а кто, что поет – не важно. Это может быть и Трофим, мелодично и проникновенно, это может быть и Валерия, совершенно другая, это может быть кто угодно.

Предлагаю покритиковать шоу-бизнес с позиции знатока.

– Мне не нравится почти полное отсутствие искренности в шоу-бизнесе. Это такой птичий язык, на котором люди общаются, когда называют друг друга друзьями, но я не знаю, понимают ли они при этом, что такое дружба. В шоу-бизнесе, и не только, принято говорить: «Вот мой друг такой-то», и в список этих друзей входят все люди, с которыми человек хоть раз встречался. Друзья – это значит, что мы хоть раз в год видимся на каких-то тусовках. Мне кажется, что это одно из проявлений пресловутой неискренности. Но она принята во всем мире и артистическим натурам особенно присуща. Сейчас я к этому привык и сам активно играю в эту игру, потому что это уже профессионально выработанная привычка. Но поначалу, когда я стал заниматься радио всерьез, меня это шокировало.

Мне хотелось знать все про «звездную болезнь»: заражаются ли ею продюсеры, композиторы и прочие деятели шоу-бизнеса, кроме артистов, и ярче ли она выражена у них, так как именно они делают звезд, а артист – это фигляр, марионетка.

– «Звездная болезнь» существует, – убежденно кивнул Александр Александрович, – это бесспорный медицинский факт. Если говорить о менеджерах, а не об артистах, то «звездная болезнь» принимает форму несколько другую: люди ударяются в некий пафос. Что мне еще не нравится в шоу-бизнесе, так это постоянное вранье. Например: «Все слушают, все знают, это хит, это всех рвет». Что, неправда? Это или никто не знает, или все точно не знают, да и не рвет вовсе. То же самое о радио: «Мы первые, мы крутые». Мы этим стараемся не злоупотреблять. Хотя я понимаю, откуда это идет. Это форма самопродвижения. Радиостанция – это товар, который надо хвалить, и если за это ничего не будет, почему бы этого не делать. Но мне это кажется не очень правильным. «Звездная болезнь» у артистов и публичных людей принимает иногда конкретные медицинские формы. Я не хочу никого называть. Капризы – один из симптомов пресловутой

«звездной болезни». Мне непонятны всевозможные понты в одежде и в машинах.

Интересуюсь, насколько грязно к нему пристают будущие артистки и как он с этим борется или этому радуется.

– Честно, я с этим не сталкивался, – отнекивается Варин, поигрывая пластмассовой зажигалкой «Бик», на которой нарисована блондинка с пышной грудью в черном бикини с цепочкой на обнаженном животе и в туфлях на высоком каблуке, – не хочу этого и не появляюсь в тех местах, где возможно столкновение с этим. Когда я говорю о контактах с артистами, я имею в виду больших, состоявшихся артистов, с которыми у нас личный деловой контакт. Например, Алла Пугачева, с которой у нас совместный проект. Филипп Киркоров, частый гость у нас в студии, с которым мы совместно с «Мурзилками» записали песню. Николай Басков, с которым мы сняли клип у Гусева с «Мурзилками», нашим утренним шоу на «Авторадио».

Спрашиваю, случается ли, что крупные бизнесмены, которые встречаются с Вами на бизнес-тусовках и желают за деньги спродюсировать своего птенца или птичку, пристают к Вам с финансовыми предложениями и просят взять пять миллионов, чтобы сделать из девочки-мальчика звезду?

– Пять миллионов никто не предлагал, – улыбается Варин. – Предлагали сотни тысяч. За ротацию на одной радиостанции это не мало. Но они не понимают, что если песня достойная, то мы ее и так возьмем.

То есть сейчас этого уже нет. В какой-то момент все поняли, что рейтинг стоит дороже. То, что ты можешь получить от рекламодателя за счет хорошего продукта в плане музыки – это приносит гораздо больше денег, чем ты можешь получить от этих несчастных артистов и их продюсеров. Сейчас еще такое серьезное явление, как «Фабрика», изменила коренным образом шоу-бизнес. Хотя включишь какой-нибудь маргинальный телеканал, увидишь какой-нибудь клип и подумаешь, что еще живо это все. Но этого в десятки раз меньше, чем было когда-то, потому что «Фабрика» сделала входной билет на рынок шоу-бизнеса очень дорогим. Но когда включается первый канал со всей его мощностью, то, что было раньше: клипы на «Муз ТВ» и «MTV» – уже не проходит. Музыки российской, грубо говоря, нет. Все последнее пополнение российской эстрады прошло через ворота «Фабрик» и других подобных проектов. Профессиональная музыка в стране просто умерла. Единственное яркое из событий, которые произошли за последний год, – это певица «МакSим». Но все равно, нет ни одной дивы. Чем больше конкуренция, тем

меньше вероятности, что она появится. У нас есть крепкая и достойная первая двадцатка, но, к сожалению, она настолько стабильная, что мы можем перечислить легко первые десять артистов в стране: Пугачева, Киркоров, Басков, Валерия, Ротару и т. д. То есть, всем понятно, кто входит в первую обойму. Ничто туда не проникает.

Народ жалуется, что нет новой крови, а молодежь, новые звезды, жалуются на засилье семьи…

– На мой взгляд, – спорит Варин, – здесь еще есть проблема жанра, в котором выступают новые исполнители. Например, когда в стране царствовало то, что сейчас называется «Лоходэнс»: «Руки вверх», «Вирус», «Демо» и т. д., когда радио «Динамит» «Российской медиа-группы» с такой музыкой вышло на первое место – появилось много имен, и все они успешно гастролировали, потому что был такой жанр. Это схлынуло. Жанр, через ворота которого сейчас на Западе многие входят, у нас не очень развит. У нас нет для этого почвы. Нет культурных традиций и нет негров, я бы так грубо сказал. Рока еще нет. Поэтому у нового артиста существует вопрос: через какие ворота он входит, кто он. Остается жанр традиционной эстрады, который закрыт очень высоким барьером, поставленный артистами первой двадцатки. Например, появляется Стас Пьеха из традиционной эстрады, или Юля Савичева, но это все через «Фабрику».

– На посошок, в лучших ленинских традициях, поговорим о планах на ближайшую пятилетку.

– Новый проект совместно с Аллой Борисовной Пугачевой – «Радио Алла» 98,8 в Москве. Помимо этого, www.101ru – это сайт, на котором будет на первом этапе около тридцати, а впоследствии сто оригинальных радиостанций, которых вообще нет в эфире, такой крупнейший радиопортал в России. Я думаю, что он быстро обретет своих поклонников, потому что те каналы, которые там будут, нельзя больше услышать нигде. В том числе, это авторские каналы группы «Машина времени», Пугачева – non-stop, оригинальные каналы, например, канал колыбельных, несколько джазовых и рок-каналов, рэгги-канал, блюзовый канал и другие.

Оставлять собой нагретое место какой-нибудь другой блондинке, которая могла вот-вот появиться, не хотелось, но и честь пора было знать. Я раскланялась в лучших традициях XIX века и по дороге домой добавила еще одну кнопку к запрограмированным мною в машине радиостанциям – 90,3 FM.

Глава пятая
Дмитрий Маликов, пианист

О том, кто сзади так же хорош, как и спереди, о том, кому поклонники подарили «Мерседес» и кучу рояльчиков, а также о том, кто планирует дуэт с Мадонной

> Отправляясь на встречу с секс-символом российской эстрады, я волновалась. А что Вы думаете, вот поддамся его обаянию, как сотни тысяч девчонок, забуду, о чем я его спрашивать должна, влюблюсь и, будучи закоренелым организатором, обязательно возглавлю фан-клуб, мотаясь за своим кумиром по городам и селам, проживая в захолустных гостиницах в периоды отключения в них горячей воды и борьбы с домашними насекомыми. Живо представив насекомых, я пришла в себя, решила проявить твердость и не стала широко улыбаться от счастья, когда Дима, на правах старинного приятеля, полез целоваться. Стиснув зубы, в осознании своего писательского долга, я его твердо отстранила и, вручив букет роз (звезда все-таки) и коробочку парижских конфет, протопала в его красивый кабинет.

Куполообразный потолок, высотой в несколько метров, придавал комнате шарма, а количество электронной техники указывало на офисное предназначение. Молодой вежливый ассистент принес две чашки чая и тихо удалился. Дима был одет, как лондонский аристократ на уикенде, только без хлыста и сапог для верховой езды. Но даже и отсутствие хлыста не делало его менее сексуальным, и я невольно заглядывалась на его стройную фигуру сзади, думая про себя, как в том анекдоте: «А ты только ходи, туда-сюда...» Выпавший с грохотом из рук диктофон привел меня в чувство профессионального долга, и я его включила. И затараторила что-то про разницу между западными и российскими шоу-миллионерами.

– У меня небольшой опыт в западном шоу-бизнесе, – принялся комментировать разницу человек, воплощающий собой редкий образец женского идеала – молодого и красивого миллионера. – Ментальность другая, люди другие. У нас – сплошное шоу, бизнеса нет. Хотя звезды и их продюсеры неплохо зарабатывают, но по сравнению с серьезным большим бизнесом,

это конечно ерунда. Но жить можно.

В России, к сожалению, нет миллиардеров в шоу-бизнесе, таких как Пол Маккартни, Майкл Джексон или Элтон Джон. Но, к счастью, есть миллионеры, поэтому я сюда и пришла. Ведь Дмитрий входит в двадцатку самых популярных артистов страны, а это значит, что с голоду он не умирает. Вопросов о том, сколько у него денег в офшорной зоне, я, как девушка воспитанная, конечно, не задам, но то, что есть возможность зарабатывать миллионы на этом бизнесе, я подумала, в этом он со мной согласится, и задала конкретный вопрос: «Вы согласны, – для пущей безопасности и установления официальных отношений перешла я на „Вы“, – что миллионером в шоу-бизнесе в России стать можно?»

На что получила лаконичный ответ: «Можно». Последовавшая пауза дала понять, что количество денег на счету оглашаться не будет. Пришлось зайти с другой стороны. Нет, ну что Вы опять подумали, в переносном смысле, конечно.

– Тогда что Вы порекомендуете молодому, гипотетически взятому человеку, не важно, мальчик это или девочка, для достижения материального успеха в качестве бизнесмена в шоу-бизнесе?

– Во-первых, не подписывать кабальных контрактов в самом начале. – Добрый Димочка стал великодушно делиться с будущими звездами. – Во-вторых, надо сначала стать популярным, а чтобы стать сегодня популярным, нужно влиться в какую-нибудь структуру, а эта структура не оставит тебе возможности не подписать какой-нибудь контракт. Поэтому сегодня стать миллионером в шоу-бизнесе очень трудно. Сегодня наш рынок засорен, если говорить грубо, а если говорить не грубо, то конкурентно завален большим количеством артистов. Все они болтаются в каком-то таком болоте, которое не назовешь озером мечты для миллионеров, потенциальных и существующих. Конечно, артисты, которые уже сделали себе имя, которые апеллируют к своей молодежной аудитории либо к своей взрослой аудитории, могут стабильно зарабатывать, потому что их песни любят и помнят, а новые артисты настолько быстро мелькают, что даже я многих современных артистов не знаю в лицо. Например, певица «МакSим», я не помню, как она выглядит. Хотя говорят, что она собирает целые залы и продала кучу пластинок.

Я подумала о том, что мало таких примеров успеха, когда человек, фактически не вкладывая колоссальных миллионов, без мужчин, которые ходят за ней с чемоданами, полными налички, только за счет своего таланта, добивается успеха. Затем перешла

к теме пиратства в шоу-бизнесе.

– Это очень болезненная тема, – кивнул Дима. – Русского человека успокаивают не свои достижения, а неудачи других, как говорится. На Западе тоже большой кризис в этой области.

Верно. Одноклассники моего сыночка скачивают из Интернета все. Я ему строго запретила, объяснив, что, если его поймают, меня с удовольствием затаскают в прессе и это обойдется в триста тысяч евро штрафа. На чем же тогда российские шоу-бизнесмены зарабатывают свои миллионы?

– На концертах, – откровенно признался Дима, – которые даются для публики, и на концертах, которые даются для избранной публики. – От моего вопросительного взгляда, переводящегося примерно как: «Сколько?», он увильнул. – Не обязательно называть конкретную сумму, потому что в случае, когда человек покупает билет, его стоимость зависит от стоимости зала. У меня были недавно концерты в Театре оперетты, все билеты были проданы, но все равно, мне пришлось доложить деньги, потому что декорации, расходы, оркестр, – все это стоит денег и не всегда окупается за счет билетов. Но если делать простой концерт, то заработать можно. А когда ты работаешь на каком-нибудь частном мероприятии, ты можешь назвать любую сумму, лишь бы тебе ее заплатили.

Я припомнила случаи, когда нефтяник из Ханты-Мансийска приглашает звезду, и звезда называет от полмиллиона до миллиона.

– Я слышал, – комментирует Маликов, – что Алле Борисовне предлагали и, наверное, платили большие деньги, но я не помню сколько, двести тысяч, триста тысяч. В моем случае тоже были крупные гонорары.

– Стопроцентно, заказчица была женщина.

– Нет, – улыбнулся Маликов, – мужчина. Хотел сделать подарок своей любимой женщине. Я даже не называл суммы, он просто убил ценой, сказал, я заплачу столько-то, это было примерно раз в десять больше, чем обычно. Конечно, нелогичный поступок, ведь если бы он предложил в три раза меньше, я бы все равно приехал. Кстати, он оказался удивительным человеком и стал впоследствии близким другом. Есть люди, которые делают все супротив штампов и стереотипов, и, как правило, такие люди побеждают, потому что у них нестандартное мышление. Потом, не все же меряется деньгами.

– Какие самые оригинальные подарки дарили поклонники?

– «Мерседес», – честно признался Дима. – Я был на гастролях, мои близкие друзья живут в Казахстане, был день рождения у одного из них, они сбросились и подарили ему «Роллс-Ройс-

Фантом». А он расчувствовался и говорит: «Давайте Димке тоже подарим машину, он любит к нам приезжать, принимает нас в Москве, добрые отношения у нас сложились». Они, три человека, ударили по рукам, и все. Для них это мелочь, а мне приятно.

– До сих пор как память в гараже стоит? – предположила я.

– Я на нем езжу, это моя радость, моя машина... А маленькие девочки дарят игрушки, маленькие хрустальные рояльчики, у меня их целая коллекция... Нет, я их не коллекционирую. Просто это очень трогательно – различной формы рояли...

Я вспомнила про галстук с роялями, а Дима, не по существу, вспомнил, ну о своем, о мужском: «Я видел в Венеции галстук, такой строгий с внешней стороны, а внутри подкладка с порнографическими картинками. Так забавно смотрится...

Заговорили о том, что самое неприятное в шоу-бизнесе. Но все, оказывается, страдают в нем от разного...

– У каждого своя болезнь. Кто страдает от зависти, кто от ревности, кто страдает от отсутствия здоровья, оставленного на гастролях. Я лично, – признался Маликов, – страдаю от жесткого форматирования, оттого, что СМИ диктуют и навязывают свой вкус людям, и нет такого выбора, как на Западе. Там умудряется и джазовая музыка существовать, и классическая, а у нас все как-то однобоко. И вот поэтому я, чтобы бороться с этими стереотипами, задумал свою культурную инициативу под названием «Pianomania», чтобы хоть как-то, пользуясь своими возможностями и авторитетом, сдвинуть эту ситуацию. Частично мне это удалось, но сил я оставил очень много. Самое трудное было собрать все в одну точку. Играть было нетрудно, играть было одно удовольствие. Слишком много организационных забот, и, конечно, я надломился. Опять же проблема в том, что менеджмент в российском шоу-бизнесе очень слабый. Поэтому многие вещи приходится решать самому, и на это уходят силы, вместо того чтобы заняться творчеством.

Несмотря на его очевидную привлекательность, позволю себе в этом вопросе с ним не согласиться. Помните, гениальные художники умирали под забором, если не умели себя продавать. Да и я подозреваю, что такие миллионеры от шоу-бизнеса, как Мадонна, тоже скорее сильные организаторы, чем обладатели уникальных вокальных данных. И боюсь, что рая в этом смысле для артистов не существует.

Когда я спрашивала о самом больном и неприятном, я намекала на грязь, клевету и «желтую» прессу.

– Я с этим не очень сталкиваюсь, – отмахнулся Дима. – Во-первых, я не даю много поводов, во-вторых, если это происходит, я стараюсь не реагировать, потому что, как в старой знаменитой

шутке, когда выходит газета с плохой публикацией, первый день ее читают все, второй день ее читают только близкие и враги, а третий день – только ты сам, и помнишь о ней только ты сам. А самое главное, как говорила та же Мадонна, «всё – реклама, кроме некролога». Многие люди помнят, что о тебе читали, а что именно, плохое или хорошее, уже не помнят.

Что бы он посоветовал начинающему публичному человеку, который впервые столкнулся с критикой, неконструктивной и злой?

– Это уже первый результат, значит, обратили внимание. Это хорошо. Все начинается, как надо. Если о мужчине артисте говорят, что он «голубой», это значит, что он популярен.

– Значит, он начал нравиться и мужчинам, а не только женщинам.

– Обо мне такое не говорят, по крайней мере, я не слышал.

– Этого не говорят, – засмеялась я, – а, наверное, просто поглаживают по коленке.

Мудрый Димочка устало улыбнулся, и я, поспешив сменить тему, вспомнила расхожее убеждение профессионалов о том, что в шоу-бизнесе голос не имеет большого значения и являет собой лишь двадцать процентов успеха.

– Я совершенно согласен, – кивнул мой симпатичный собеседник. – Если есть уникальный голос, то он имеет значение, но очень важно также уметь переносить свои мысли и эмоции, должна быть хорошая музыка, эта музыка должна соответствовать исполнению и внешнему образу артиста. Три важнейших момента: музыка, исполнение и внешний образ исполнителя, который должен быть убедителен и искренен.

– Сегодня область шоу-бизнеса – самая конкурентно-ёмкая область: многие девочки и мальчики мечтают стать поющей звездой, и каждый, более или менее зарабатывающий мужчина провоцирует свое окружение, своих детей и подруг, на то, чтобы воспользоваться этими средствами для определенной раскрутки. И поэтому вдруг появились сотни тысяч, миллионы, по образному выражению, по-моему, Ларисы Долиной, «поющих трусов».

Все это просто засорило рынок, – кивает Дима, – и сделало появление настоящих, талантливых звезд очень трудным, почти невозможным. Крайне мало рождается новых звезд.

– Фактически, – поддакнула я, – ни одна дива не родилась за последние десять лет.

– Да. Хотя поющих людей очень много, и все эти люди, которые выходят на сцену, хорошо поют, но, видимо, они не то поют, не так поют. С одной стороны, нужно понимать, что нужно людям, а с другой стороны – нести свою идею. Это очень сложно.

Только истинные, большие таланты, как Земфира, могут это делать.

– Да и она куда-то исчезла.

– Это уже другое. Это ее судьба. Невозможно ничего рассчитать. «Битлз» тоже были всего четыре года на поверхности.

– Как же Вам самому удается удерживаться?

– Не знаю, – сначала смеется, а потом вздыхает Дима. – Мне трудно сказать. За счет коммуникабельности и за счет того, что я все эти годы писал песни, которые нравились людям и которые, вместе с тем, отличались. Было свое лицо, и опять же слова, музыка этих песен соответствовали тому, кто их исполняет. Плюс правильная реклама, плюс везение, друзья, много всего...

Мне было любопытно, как строятся его отношения с крупнейшими продюсерами, крупнейшими агентами на рынке шоу-бизнеса – руководителями телевизионных каналов, лидирующих радиостанций. Я интервьюировала для этой книги многих невидимых участников шоу-бизнеса, и большинство радио-бизнесменов говорят, например, что радиостанции живут за счет рекламы и денег не берут за ротацию песен.

– Я могу подтвердить, что радиостанции денег за ротацию не берут. Может быть, есть какие-то отдельные случаи, но я их не знаю. Потому что радиостанции очень сильно думают о своем рейтинге и о своем формате, и они не могут взять за деньги артиста другого формата. Они очень боятся, что их переключат. Они прекрасно живут за счет рекламы, у них нет такой необходимости. Другой вопрос, что сейчас слишком много музыкального материала.

– Мне говорили, что даже у таких монстров, как Пугачева и Киркоров, не все песни попадают в ротацию.

– Что же касается ротации клипов на музыкальных ТВ-каналах, так, по-моему, у них заканчивается эта практика, если уже не закончилась. Во-первых, потому что у российских исполнителей очень мало клипов сейчас, они практически не производятся, если производятся, то это реальная песня, которая поднимает голову. Если она поднимает голову, то любые каналы будут этот клип крутить, пока он не будет исчерпан. То есть все встает на круги своя.

– Почему стало не выгодным выпускать альбомы и делать клипы? – недоуменно захлопала глазами блондинка.

– Потому что их негде показывать. Музыкальные каналы имеют очень маленький рейтинг, их смотрят мало людей, а производство видеоклипов стоит дорого. Поэтому пропадает в этом необходимость. Старых артистов и так все помнят, любят и знают, а у молодежи просто нет возможности.

Как только речь заходит о Диме среди моих знакомых бизнес-дам, все девочки начинают плескать руками и говорить: «Боже мой, какой он обаятельный! Какой очаровательный! Какой он просто душка!» А сам Димочка всегда со всеми безупречно вежлив. Мне, например, всегда перезванивает, если я оставляю сообщения. Как можно относиться ко всем так внимательно? Когда так много людей стремится к общению с ним, гораздо больше, чем он физически в состоянии вынести.

– Жизнь сортирует все. У меня есть достаточно большой фан-клуб, и я стараюсь, чтобы девчонки попадали ко мне на концерты. Я всех помню по именам, если есть какие-то проблемы, я помогаю. У меня есть несколько инвалидов среди почитателей, которые не двигаются, я часто снабжаю их подарками. Я просто отвечаю на любовь, которую люди ко мне испытывают, и на добро, а на зло не отвечаю.

Кстати, это еще один малоизвестный непосвященным аспект реалий звезд и миллионеров. Просьбы о материальной помощи. Как можно бороться с этим потоком просьб, в котором очень трудно разобраться, где действительно реально страдающие люди, а где просто способ зарабатывать деньги? С этим сталкиваются почти все крупнейшие предприниматели, с этим сталкиваются все публичные люди. Как относиться к этим обвалам просьб о материальной помощи?

– Я считаю, что нужно помогать по возможности, – ответил мне за Диму ангел. – Я думаю, что определить, бизнес это или действительно нужда, несложно. И потом, вала такого у меня нет. Я стараюсь проверить просьбы в письмах, которые приходят на e? mail, по адресу видно.

Памятуя о том, что организационная часть шоу-бизнеса Диме не очень нравится, решила поинтересоваться тем, какая самая приятная часть его работы?

– Самое приятное – это когда рождаешь что-то по вдохновению и понимаешь, что вот оно то, чем ты долго мучился и страдал, вдруг пришло. И конечно, любовь людей на концертах. В финале, когда ты стоишь под аплодисментами. Когда тебе удается что-то.

Владимир Кузьмин как-то дал мне понять, что старается петь только свои композиции, и слегка сетовал на то, что согласился на уговоры Аллы Борисовны и спел песню Николаева «Две звезды». Зная, что сегодня удачный хит приносит композитору очень приличные деньги, многие успешные западные исполнители бросаются сочинять сами. Дима поет только свое?

– Семьдесят—восемьдесят процентов моего авторства, остальное – нет.

Интересуюсь конкурентами и тем, кто из них особенно удачлив в шоу-бизнесе.

– Я считаю, что хороший бизнесмен – Филипп Киркоров. Хороший грамотный человек, замечательный парень – Коля Басков, с великолепным юмором, с открытой, простой, доброй душой, мы дружим. Кто еще? Из продюсеров был Айзеншпис, он за своих артистов бился, как говорится, до последней капли крови и как головой об стенку, но бился. Пригожин – хороший персональный менеджер, очень много сделал для Валерии, и рекламных контрактов, и колоссальное количество материала.

Ага, хорошо что напомнил, рекламная пауза!

– Я рекламирую часы «Milus» швейцарской марки. Это молодая активная марка, у которой большие амбициозные планы, их часы широко рекламируются в России, и в Базеле на всемирной ювелирной выставке они громко о себе заявляют уже третий год.

– От каких рекламных контрактов приходилось отказываться?

– «Семейный доктор» мне предлагал сняться с семьей для рекламы урологии. Это было слишком смешно, хотя в этом нет ничего плохого.

– Семья Пресняковых рекламирует стоматологическую клинику, причем двое из троих не улыбаются на билбордах.

– Вот они как раз и согласились.

Заговорили о спонсорах.

– Мне в проекте «Pianomania» очень сильно помог концерн «ГазПромМедиа», в том числе Николай Юрьевич Сенкевич. Они мне оказали конкретную помощь: дали эфир, поддержали, потому что инструментальная музыка тяжела для телевидения. Я работаю сейчас очень много с «Радио классик», потому что это единственная радиостанция по формату для моей инструментальной музыки. А что касается песен, то если мои песни попадают в хиты, их все сразу играют, начиная с «Европы плюс» и заканчивая каким-нибудь захудаленьким радио.

Настало время для женской солидарности, и я с удовольствием заговариваю о Лене Маликовой, которую очень люблю и уважаю, несмотря на то, что она – единственное препятствие между Димой и нами, его многочисленными обожательницами.

– Лена мне очень помогает. Я ее кидаю на амбразуру, – смеется Дима, – когда что-то нужно прикрыть собой. Организационно – в клипах, на съемках, в общем, в имиджевой, стилистической и дизайнерской сферах. Но я все равно в семье главный, как подобает мужчине. Дома у нас отношения семейные, а на работе она мне помогает, например, когда стиль нужно для

клипа придумать или смету расходную отследить. Она на себя берет довольно важные и сложные моменты.

– Амбразура, это, наверное, когда она выступает определенным фильтром против ненужный людей?

– Да, в каких-то вещах она более жестка, в каких-то – я.

Я-то это на своей шкуре испытала. Уже давно с ними знакома, но все это время у меня был только Ленин номер мобильного телефона.

И только вчера Леночка, наконец-то решив, что доверие я завоевала, дала мне Димин номер, то есть фильтром она служила достаточно долго.

– Это чистая случайность, – хохочет Дима.

Как и положено грамотному журналисту, интересуюсь планами.

– Мне хотелось бы мировой известности как пианисту и композитору. Мне хочется написать музыку для какого-нибудь голливудского фильма. Я сейчас пишу музыку для российского телефильма. Пока он называется «Все-таки я люблю», это примерно как «Москва слезам не верит», в стиле 70—80-х годов. Интересная работа, но сложная. Я хочу писать музыку и наконец-то растолкать эту мафию американских еврейских композиторов, которые не пропускают талантливую молодежь.

Предлагаю толкать французскую мафию, потому что в мае 2008 года выйдет моя двенадцатая книга, впервые одновременно в пяти странах: Франция, США, Италия, Германия, Англия. Эта книга – немного автобиографический роман, по задумке французского издательства, будет экранизирована, и есть большой шанс, что я не только сыграю главную роль, но и поучаствую в продюсировании. Так что смогу, по дружбе, пролоббировать симпатичного композитора.

– Спасибо, – воодушевился Дима и тут же посерьезнел: – Эта тема очень интересная, хоть это и очень тяжелый труд, который у нас плохо оплачивается, к сожалению. И хочу, – продолжал планировать Дима, – спеть дуэтом с какой-нибудь мировой певицей. Ну, с Мадонной, например…

А почему же он тогда не едет к Мадонне работать за границу?

– Сейчас так поменялся мир, что можно работать и жить где угодно, уезжать, приезжать. Корни мои здесь, я русский человек, у меня русский менталитет, у меня русская мелодика. Если я и могу что-то сделать в рамках мировой культуры, то принеся с собой частичку России.

Здесь трудно, непонятно, в любой момент все может посыпаться. Нестабильная страна. Но при этом у каждого есть свое предназначение. Мы для чего-то родились здесь. Одним

словом, нельзя продавать Родину и нельзя предавать дело, которому ты служишь. Поэтому, несмотря на то, что всем нам не хватает каких-то средств, я согласен с индийской формулировкой, что я должен использовать уникальные таланты, которые у меня есть, тем самым исполнять свою карму. То есть кто-то рожден очень хорошим дворником, если он это чувствует и этим занимается, то у него все в жизни гармонично. Мне кажется, что мое предназначение – писать и исполнять красивую музыку, поэтому я буду это делать, пока у меня будут силы.

Прошу рассказать мне напоследок какой-нибудь новый музыкальный анекдот.

– Смотрит вор-карманник телевизор, – охотно откликается Маликов, – показывают выступление Святослава Рихтера, кстати, мой любимый пианист. Вор смотрит, переживает, отвлекается, потом опять смотрит и вдруг бросает рюмку с пивом: «Эх! Какие руки! И такой херней занимаются!»

Глава шестая
Сергей Жуков («Руки вверх»)

О том, как заработать много миллионов долларов в Интернете, о том, сколько стоит клип, о том, почему звезды открывают рестораны, а также о гнусных журналистах

> Сережа Жуков мне как родной, потому что песня «Одинокая звезда», которую мы с ним однажды, в порыве взбалмошного энтузиазма, спели дуэтом, больше всего нравится моей маме. Мое восторженное к нему отношение, выражающееся в сюсюканье и причмокивании, могло бы показаться странным кому-нибудь со стороны, поэтому я всегда стараюсь встречаться с ним наедине. Меня это устраивает, а Сережа все равно когда-нибудь поймет, что ни одна его подруга не будет так хорошо к нему относиться, как я. И уж тем более не бросится слепо его выручать в трудную минуту тюрьмы, например, или сумы. Жалко только, что пока ни разорение, ни заключение ему не светят, и я не могу доказать ему, какой я хороший друг. Но зато я могу искренне порадоваться за то, что у него всегда все хорошо.

Встречаемся в его красивом офисе в красивом современном здании с красивым видом на красивую московскую реку. На рабочем столе – супермодный сверхсовременный компьютер и фотография его ребенка. Чуть дальше – зеленый кожаный диван, про который Архипов бы сказал: «Место для прослушивания».

Хвалю бизнес-таланты хозяина кабинета – Сережа не только прекрасный исполнитель, автор и композитор, он еще и продюсирует другие коллективы, занимается ресторанным и интернет-бизнесом – и интересуюсь, что он думает о мире, в котором работает.

– Если говорить о российском шоу-бизнесе, – не по годам мудро качает головой Сергей, – то для меня это комната страха в парке аттракционов. Чем дальше, тем страшнее, заходишь и не знаешь, откуда выпрыгнет какой-нибудь актер, какую маску на себя наденет, где трупик, где летучая мышка, где ты посмеешься, где будет ужасно стыдно, неловко. Пока ничего светлого в нем не

видно, выходишь на улицу, и слава богу. При этом я в нем кручусь, и я тоже, наверное, один из этих актеров, скелетик какой-нибудь.

Мечтаю вслух о возможностях стать миллиардером в шоу-бизнесе.

– У нас миллиардеров в шоу-бизнесе нет и не будет. – Сережа разбил беспощадно мою голубую мечту и даже не нагнулся за голубенькими осколками. – Не будем говорить о том, что, чтобы стать миллиардером, нужно хотя бы с Конституцией разобраться и с правами. Если все это отбросить, то можно сказать, что шоу-бизнес – это уникальная возможность добавить к своему имени слово «VIP». Это возможность не стоять в очереди, получать от жизни чуть больше хороших приятных моментов. Я еще не видел ни одного человека, который бы сказал, что он продал альбом и заработал много денег, что писать больше не будет. Для всех это превращается в большое хобби – выпуск новых альбомов, песен и треков. Основным же заработком в российском шоу-бизнесе являются гастроли.

– А кого можно считать Абрамовичем российского шоу-бизнеса?

– Я думаю, – задумался Жуков, – что можно считать всех наших мастодонтов, начиная с Аллы Борисовны и заканчивая всей эстрадной верхушкой, которые по тридцать-сорок лет на эстраде. Из молодежи я никого не назову, потому что тенденция такова: ты взлетел, год-два ты зарабатывал, потом нужно делать что-то еще. Пример в моей карьере: «Фактор-2», который был по сорок концертов в месяц, потом народ посмотрел, послушал, и всё. Все время нужно подпитывать интерес к группе (эфиры, ротация, пиар), а на это уходят бешеные деньги. Времена сейчас уже другие. А верхушка, о которой я говорил, может зарабатывать на чем-то другом. Они уже настолько твердо стоят на ногах, что одно их имя – уже деньги.

Он это, интересно, про чипсы и ботинки от Аллы Борисовны?

– Даже не это, а скорее всего: «А у меня на день рождения гость Алла Борисовна». Причем она не будет петь, она просто... будет.

– И за это уже платят? – поразилась я.

– Почему бы нет? Использовать свое имя в мюзикле, это уже гарантирует ему успех.

Действительно, имя – тоже бренд, который продается разными способами.

– Группа «Звери» на банках с «пепси» – это отлично, – скептицирует Сергей, – но это еще не показатель того, что у них миллионные контракты.

Вспоминаю о том, что на Западе есть и миллионные, и десятимиллионные рекламные контракты, и интересуюсь, сколько стоит концерт артиста в России.

– Все топовые артисты начинаются от 15–20 тысяч, – откровенничает Жуков. —

И заканчиваются бесконечностью. И что приятно – такие варианты бывают, и в таких случаях можно заработать полмиллиона.

– Полмиллиона за то, чтобы приехать и спеть на дне рождения? Супер! А теперь самый главный вопрос этой книги: по какой схеме гипотетически взятые девочка или мальчик из провинции будут развиваться, чтобы стать звездой? Каким способом из них можно сделать звезду?

– Я могу поспорить с любым, кто утверждает, что талантливый мальчик или девочка с шикарным голосом могут пробиться сами, – сел на знакомого конька Сергей и нещадно ударил его шпорами. – Этого больше нет. Будь ты хоть трижды Робертино Лоретти, все равно тебя должны ввести в этот мир. А чтобы войти в него, нужно потратить определенное количество тугриков. В настоящий момент я занимаюсь продюсированием и говорю сейчас всем честно: «Ребята, я не себе прошу деньги, а прошу деньги вам же самим». И чтобы заявить о какой-то группе или исполнителе, чтобы он где-то появился, что-то запел, нужно, как минимум триста тысяч долларов.

– Заплатить триста тысяч, – запротестовала я, – этого явно недостаточно, чтобы стать звездой.

– Конечно нет, – подтвердил Жуков. – Это только для того, чтобы он появился, записал какой-то альбом и люди увидели хотя бы два клипа. Что нужно для того, чтобы сделать звезду? Посмотрите на историю Билана. Скажу честно, что история эта высосана из пальца. Потому что деньги порождают деньги, и они поступили, первый раз в истории российского шоу-бизнеса, правильно, вложив много и вынув много. Это очень хороший грамотный подход.

Я стала на мгновение философом и задумалась: «А „много“ – это сколько?»

– Я думаю, десяток миллионов, и понятно, что с такой подачей и с такой поддержкой можно делать звезд и в масштабах страны, и в мировом масштабе. Есть коллективы намного лучше, с суперголосами, с прекрасным английским, которые сегодня могли бы стать на Западе звездами, но выбор пал не на них. Поэтому я с радостью жду людей, которые наконец поймут, что нужно немножко поменять подход. Не говорить: «А можно дать двести тысяч, чтобы она запела, а потом быстренько...»

Попрощайтесь с деньгами, отдайте их с любовью, с радостью, причем не мне, а оплатите клип, оплатите ротацию в эфире, сами всё увидите и поймете. Видите, что мало, – идите и добудьте еще, вы же хотите, как лучше, и я хочу, как лучше. В этом отношении инвесторам, меценатам и спонсорам нужно с любовью расставаться с деньгами, знать, что это удовольствие, ролевая игра, в которую многие хотели бы поиграть.

Я вспомнила певицу Алсу, которая финансировалась очень хорошо, но сейчас куда-то вдруг пропала, может быть, сама больше не хотела играть в эту игру.

– Замужество – это дело такое, – все объяснил умненький Сережа, – и примеров тому огромное количество. Глюкоза, например, тоже. Сейчас у них поменялись акценты в жизни. Зачем ездить и давать сорок концертов по Пырловкам, когда есть рядом человек, я лучше буду петь и снимать клипы дальше и никуда не буду больше ездить. Я есть, я классная, прикольная, я даже куплю дорогущую песню или сниму дорогущее видео, но это уже будет игра просто для себя. Глюкоза рожает, и думаю, что на ближайшие два года мы ее теряем. А нужна ли будет Глюкоза через два года – вот это вопрос!

Прошу назвать какие-нибудь фамилии успешных звезд или проектов в продвижении за деньги и успешных в продвижении без денег, на чистом энтузиазме. Должны же быть самородки, которые без денег развиваются, Сережу небось Жукова не дяденька с чемоданом денег привел на эстраду.

– Общее мнение, что певица «МакSим» выстрелила без денег. Кто сказал, что без денег? Я никогда не поверю, что просто так появилась девочка, и все сразу закрутили… Ты же знаешь сама, что такое попасть на радио.

В этом месте я кивнула и тяжело вздохнула: не спящим-со-всеми-независимым девочкам старше восемнадцати лет в шоу-бизнесе очень трудно.

– Что касается групп нашего поколения, 90-х годов, все это было без денег, – продолжал откровенничать Жуков. – Это правда. Потому что тогда можно было реально пересчитать по пальцам группы. Их было десять. А сейчас музыкальных коллективов порядка миллиона, и у всех есть денежка, чтобы попасть в телевизоры. Мы сами взяли и убили эту бесплатную историю, потому что зачем брать бесплатно, если люди несут и будут нести, и стоит очередь, готовая расстаться с деньгами. Поэтому раньше были классные времена, ты становился популярным, написав хит, а не написал хит – извини. Все зависело только от тебя. Все стояли в очереди за новым клипом и говорили: «Пожалуйста, нам, мы дадим денег». Телеканалы говорили, что

они сами дадут денег. Я помню, в те времена это было круто, и эта схема дает артисту возможность понять, кто он на самом деле. И это очень подстегивает в дальнейшем.

Хороший пример: Чехова – это клубная музыка, которая в 2006-м продалась лучше всех и получила все премии. Хотя на самом деле все это разошлось по клубам. Это совсем другой молодежный мирок, где ребята очень полюбили и хорошо покупали эту музыку. Не думаю, что все выстраиваются в очередь за дисками Валерия Леонтьева и других исполнителей того времени. Сейчас нет примеров, когда возникла дива и все упали перед ней на колени и стоят.

– А Алла Борисовна?

– В новом поколении еще такая не родилась, – развел руками Сергей, – и все ждут, когда она появится. А никогда! Потому что миллион коллективов там, и еще у меня, у тебя, у нее – талантливые девочки и мальчики. И что с ними делать? Солить? А еще с бумом караоке в России поют вообще все: и дедушки, и бабушки, и каждый готов пойти в ящик.

Я серьезно заволновалась за будущее шоу-бизнеспланеты.

– Во-первых, все перейдет в интерактивную историю, – пророчествовал Жуков, – все уйдет в Интернет, уже ушло процентов на шестьдесят. Продажи дисков упали на шестьдесят процентов, кассеты вообще умерли, теперь все можно найти в Интернете. Ужасный прогноз – уже никому не будут нужны радиостанции, потому что Интернет есть уже и в машинах, и зачем слушать то, что в тебя пичкают силком, если ты можешь зайти на сайт, набросать своей любимой музыки и слушать свое собственное радио. И ты можешь убирать или добавлять все, что ты хочешь. Да, есть диджеи, но скоро придумают голос, который будет все объявлять. С телевидением немного сложней, потому что это визуальный эффект, а радио, если хорошо посмотреть, оно уже рассыпалось. Если раньше был культ «М-радио» или «Радио-рок», то сейчас это все уходит. И радио, понимая это, ищет новые форматы, и правильно делает. Уверен, что в скором будущем появится радио бардов, радио по интересам – это круто, например, радио для рыбаков. Это правильно, так и надо делать, это будет держаться на таких меценатах, как миллиардер-рыбак, который хочет открыть эту радиостанцию. Я знаю человека, который просил меня открыть бардовскую радиостанцию, потому что ему нравятся барды. Я ему сказал, что мы не наберем столько бардов. А что касается артистов, то скоро будут возить не артистов с мини-диском или диском с минусом, а будут возить DVD, включать, и приборчик будет все транслировать. Зачем? Все равно до артиста не доберешься: охрана не пустит. Я понимаю,

что мы сейчас рисуем совершенно утопичную историю, но, уже используя это на концертах, можно не брать с собой музыкантов или танцоров, хотя это убьет все остальные классы участников шоу-бизнеса. Впрочем, все это будет нужно заснять, и стоить это будет дорого. В общем, ничего хорошего не прогнозирую.

Предлагаю вернуться к конкретному бизнесу. Сергей занимается разными видами предпринимательства, сопредельными шоу-бизнесу, сеть ресторанов, например.

– Все началось опять же с Интернета, – в кресле напротив вместо симпатичной «звезды» оказался расторопный предприниматель, – и, слава богу, я сейчас все в нем понимаю, то есть для меня это большая открытая книга, и я знаю, как на нем зарабатывать. Это здорово, что на нем реально можно заработать и много. Все началось еще в далеком 1998 году, я познакомился с человеком, и он мне сказал: «Сережа, сейчас нужно делать больше хороших красивых сайтов, потом сюда залезут противные, злые дядьки и скупят все. Нужно, чтобы это купили у тебя, поэтому желательно сейчас сделать что-нибудь классное». И он сделал сайт с шутками и анекдотами, пришел ко мне через полтора года и сказал, что продал свой сайтик за три миллиона. Я ему говорю: «А он не хочет „Руки вверх“ купить, у нас тоже красиво?» Но ему нужны были тематические сайты: шутки, эротика. Я понял, что самое интересное. Порно в сети на первом месте, это понятно, но, отметая его, приходишь ко второму – к играм, там, где люди просиживают по половине суток, всю ночь. Поэтому мы с коллегой решили делать игру, так как хотели сделать что-то серьезное. Писали игру целый год, работали программисты, было потрачено очень-очень много денег, но мы очень верили, и игра открылась. Прошло два года, и появились люди, которые захотели это купить, соответственно никто не был «против». Мы продали эту игру, причем мой партнер остался работать в той команде, продолжал поддерживать игру. Я не захотел этим заниматься, потому что я перерос себя в этом.

Я не постеснялась спросить, сколько он на этом заработал, а Сережа не постеснялся ответить.

– Несколько миллионов, – ошарашил меня симпатичный молодой парнишка, – не десятков миллионов, но все-таки какие-то деньги. И потом стало понятно, что это интересно. Я подумал, что нужно что-то делать, и смотреть на два шага вперед, потому что нужно понимать, что сейчас нужно делать, чтобы потом это было популярно. Естественно, мой интерес повернулся к музыке, потому что музыка сейчас на третьем месте в сети по тематической популярности, и мы сделали музыкальный портал MP3.ru, пока единственный первый легальный портал для

скачивания музыки. По официальным данным, в месяц порядка полутора миллиона долларов зарабатывают пиратские сайты, каждый сайт зарабатывает миллион-полтора на артистах. Понятно, что мы все с этим боремся, ходим на конференции, но я еще раз повторюсь, я стараюсь думать на два шага вперед, поэтому я уверен, что к 2010 году ресурс MP3.ru, единственного легального сайта, будет стоить неимоверных денег. Потому что он будет тот самый единственный, с легальным контентом, со всеми договорами, и он будет официально включать в себя всех артистов страны до единого. Сейчас как раз поправки к закону вышли об Интернете, об авторских правах. И все мы ждем и надеемся, что все это будет соблюдаться. Естественно, человек сейчас идет и качает либо халяву на каком-нибудь ужасном сайте, либо за копейки, опять же у пиратов. Но я уверен, что в России не может все это продолжаться безнаказанно, и через года два-три все закроется, и тут нужно быть первым. Поэтому мы делали этот портал полтора года, и он сейчас уже, слава богу, работает.

Вот тебе и симпатичный молодой парнишка. А глупые фотомодели бегают за старыми и лысыми дядьками, глядя им в противные рты. А здесь можно было смотреть в приличный и симпатичный молодой рот, который еще и классно поет.

– Потом я подумал, – продолжал добивать меня бизнес-интуицией Сергей, – что нужно делать что-то еще интереснее. Очень хочется сделать одну вещь, вернее, она уже делается. Это связано с той проблемой, что у нас никто не может получить западные музыкальные каталоги. России не доверяют, считают, что она пиратская страна, поэтому никто не заключает контрактов. Я уже несколько раз летал в Америку на переговоры и понимаю, что мы это сделаем рано или поздно, и хорошо, если это сделаем именно мы. Более того, скоро мы сделаем компанию, которая будет позволять любому российскому артисту в течение одного дня попасть в «iTunes». Сейчас люди на Западе заходят туда и видят только свою западную музыку, мы же хотим сделать так, чтобы они видели и российских артистов. Там уже цены другие, одна песня стоит 1 доллар. Поэтому и артисты российские, дай бог, начнут получать хорошие деньги.

Я и так уже вся пребывала в восторге, поэтому требовала еще и еще бизнес-подробностей:

– А ресторанный бизнес?

– Ресторанный бизнес начался с дружеских посиделок. Мои друзья ливанцы всю жизнь держали у себя в Ливане домашний ресторанчик, на слиянии трех рек. Родители готовили вкусно, все к ним приезжали. Почему бы и нам так не сделать? У них был магазин запчастей на Таганке. Я предложил перенести магазин

запчастей в другое место, а здесь сделать ресторан. На том и порешили. Не стали ничего выдумывать, сделали «Бедуин-кафе» с ливанской кухней. Несколько дней назад исполнилось два года со дня открытия ресторана, но я не могу сказать, что каждый месяц он нам приносил кучу денег. Потому что сеть намного интересней и дает намного больше денег, а когда у тебя один или два ресторанчика – это для поддержания штанов, чтобы спокойно жить. И мы приходим к выводу, что надо делать сеть, открывать второй «Бедуин», и потом по другим городам будут открываться «бедуинчики». Наше главное отличие в том, что ты заходишь в наш ресторан и куда-то часов на пять проваливаешься.

Садишься на диван, куришь кальян, спокойно проводишь время с друзьями. У нас не общепит: быстро поел и стол освободил. Мы зарабатываем на людях, которые являются нашими постоянными клиентами и готовы тратить деньги.

Кто ты, Отец, Сын или Дух Святой? В смысле, продюсер, артист или бизнесмен?

– Мы год назад закрыли «Руки вверх». Самое удивительное, что стоило закрыть группу, и посыпались заказы. Это такой закон: сделай что-то и получи дальнейшую путевку. Я сейчас даже отказываюсь ехать на гастроли, как в былые времена. И цены выросли, что очень приятно. Все получилось так, как нужно. Хотя официально группы «Руки вверх» уже нет. Я езжу как Сергей Жуков.

В любом случае, я – автор всех песен. Я пою и старые песни, и новые. Наверное, я – артист до мозга костей. Я больше себя чувствую не миллионером, а творческим человеком.

Насколько я помню, несмотря на то, что творческие люди под заборами умирают, Сереже это точно не грозит. Кстати, кого из коллег по шоу-бизнесу он высоко ценит как бизнесмена?

– Мне был очень симпатичен Юрий Айзеншпис, притом что ему больше везло, потому что он не проводил кастинги и не выбирал самого лучшего, так получалось, что в его руках оказывались коллективы, которые все до единого стали звездами. У него был очень классный подход; когда мы встречались, он говорил: «Давай напиши моим сорванцам, „Динамиту“, песню». Он никогда не рыскал, не искал чего-то, он просто все правильно делал. Я ценю в продюсерстве не показушность (я крутой парень, дружу со всеми каналами, мое слово стоит 500 тысяч), так говорили и Пригожин, и Дробыш, это их право – выбирать свою тактику, но мне в этом отношении ближе Костя Меладзе. Есть «Виагра», а Костя где? Ты когда-нибудь интервью с ним видела? Сидит себе человек, пишет песни, даже не пишет, у кого-то берет, неважно, все он делает правильно. Ведь продюсер не обязательно

должен писать песни, он может приглашать авторов. И группа работает, и деньги там большие, и все идет хорошо. Игорь Матвиенко мне меньше понятен по той причине, что всегда возникал вопрос: «Как такую ерунду можно писать?» И следом второй: «Почему люди всё это слушают?» Есть вещи, которые вызывают у всех отвращение, но все слушают все равно. Вот в этом гениальность Матвиенко, хотя нужно отдать должное его проекту «Любэ», хотя это сейчас совершенно другая история. Еще я бы выделил группы, которые сами всем занимаются, у которых никогда не было продюсера. Мне очень нравятся «Гости из будущего», они явно не зарабатывали больших денег на выпусках, но мне нравятся те, кто больше делают, а не разглагольствуют.

Предлагаю еще покритиковать российский шоу-бизнес.

– У нас много негатива, – легко соглашается Сергей, – и это не предвзятость, это реальность, и нужно отдавать себе в этом отчет. Происходят странные вещи. Например, Вася Иванов написал песню для известного артиста, известный артист порекомендовал другу Васю Иванова, Вася написал песню второму известному артисту, второй артист тоже сказал: мне написал Иванов, и через три дня Иванов уже стоит пятьдесят тысяч долларов за песню. Это бред. Мне не нравится, что огромное количество авторов сидят и не знают, как можно принести песню Филиппу и куда идти. Но есть всем известный человек, который постоянно пишет, тот же Дробыш. Соответственно, когда на Западе спрашивают, кто у вас российский композитор – им отвечают «Дробыш», это не правильно. Реально посмотреть, что человек записал, какие песни сделал, то не ахнуть. Юрий Антонов – это великий композитор.

А еще. Снял, образно говоря, Билан клип за двести тысяч долларов. Валерия хочет снимать на Западе еще дороже, например. После этого режиссеры, операторы говорят, что они уже стоят десять, а не пять, и если они снимут с Валерией за столько-то, зачем им снимать с тобой по старой цене. Но всегда находится еще одна Валерия. Мы сейчас пришли к тому, что если раньше мы могли снять клип за двадцать тысяч, то сейчас меньше чем за пятьдесят тысяч никто не берется. Я сейчас снимаю тоже клипы, режиссирую, но еще раз повторюсь, что я не такой человек, чтобы говорить: «У меня вышло сто восемьдесят девять песен „Руки вверх“, и потому моя песня стоит столько-то». Нет. Если есть хорошая песня, но она мне не подходит, я готов ее отдать спокойно и недорого. Те же самые эфиры. Например, мы сняли классный ролик, креативный, который безумно нравится всем тем, кто его уже видел, и его показывают два раза в день по телевидению. И в то же время на этом же телевидении

показывают группу «X» или «Y» шестьдесят раз в день. И получается, что когда человек включает телевизор и видит ту группу, он считает, что вот это и есть наш шоу-бизнес: клипы у нас ужасные и песни у нас плохие. В результате на глазах у всех россиян эта общая пелена: в шоу-бизнесе поют кто попало, поющие «трусы», «носки» и другие предметы туалета. На самом деле есть хорошие группы, просто они не готовы продавать свои дома, чтобы только показаться по телевизору.

Прежде чем мы перейдем с Сережей к деликатному вопросу о том, как сажают на наркотики представителей шоу-бизнеса или как они садятся сами от тяжелой жизни, предлагаю поговорить о том, что приводит людей к такой жизни: о критике, клевете, зависти и недо-брожелателях. Я сама, получив возможность посредством блога на «mail.ru» прямого общения с народом, неожиданно столкнулась с грязью деструктивного характера, сквозь которую просвечивает злость и человеческая нереализованность. Прошу Жукова рассказать о тех случаях, когда такие вещи причиняли ему боль и как он с этим борется.

– В начале моего становления было очень тяжело. Я каждый раз рвал и метал, говорил, что нужно найти виновника сплетен, судить, побить, «как он мог!», «ведь, это неправда!». Сейчас можете писать все, что угодно, напечатайте любое фото, делайте, что хотите. Я достаточно скромный парень, но мне очень понравилась одна история, когда мне пришло приглашение на награждение под названием «Главный алкоголик года». Если пришло, значит, меня таким считают. Причем были указаны такие номинации, как «Главный дебошир года», «Главный алкоголик нашей улицы» и т. д. Я не хотел идти, потому что если пригласили Жукова, то либо дадут какую-то гадкую номинацию, либо все равно будут журналисты и потом напишут какую-нибудь гадость типа «Жуков валялся пьяный». Хотя, слава богу, такого никогда не было. Мой друг сказал, что это суперидея, потому что тем самым я скажу, что да, мы пьем, но мы не наркоманы, мы не ходим с иглами в венах, мы бухаем, и это круто, дайте нам премию – пойдем напьемся. Если этого не скажу, все равно напишут, только еще хуже. Для меня сейчас эта позиция идеальна. Если мне пишут в блог гадкие сообщения, то я их специально не удаляю, потому что именно на них теплится жизнь, в этих обсуждениях, когда какая-нибудь фанатка начинает нападать на автора гадостей, и они между собой рубятся. Другой вариант, когда было очень обидно за ложь и клевету, это когда журналисты пишут статьи и дают им заголовки в виде вырванных из контекста кусков фраз. После одного случая я очень обиделся на журналистов, потому что произошла серьезная вещь. Я был на

гастролях, вдруг звонит мама и спрашивает:

– Ты как?

– Все отлично, – отвечаю.

А она:

– Не обманывай меня, говори всю правду.

– Какую правду?

– В какой ты больнице?

– Я не в больнице.

– Нет, я уже стою на вокзале, я выезжаю к тебе в Москву, говори, где ты.

– Мама, я в Воронеже на гастролях, а что случилось?

– Как? Ты же разбился в Германии, труп.

– Какая Германия? Я живой.

– Нет, я еду к тебе.

Я все бросаю, на вокзале ее встречаю, побледневшую, проплакавшую всю ночь. Я ее успокоил, потом мы купили эту газету со смешной статьей такого содержания: «Сергей Жуков на гастролях в Германии ехал по автобану со скоростью двести десять километров в час. Они опаздывали на концерт, и тут приморозило, машину занесло, она врезалась в дерево, Жуков вылетел через лобовое стекло, разбил голову, упал в озеро и утонул. Но его выживший попутчик вытащил его, откачал, Жуков остался живой и находится в одной из клиник». Как, вообще, можно такое придумать? Я бы за такое наказывал. Обидно за родителей, которые не в таком возрасте, чтобы трезво оценивать ситуацию, они за все переживают. Второй раз я сильно обиделся на «Экспресс-газету», которая где-то в 2000 году сделала шикарную статью на целый разворот со списком артистов и с таким названием «Поздравь любимого артиста с Новым годом» и предоставила личные адреса всех российских звезд. И внизу статьи написано: «Мы не разглашаем эту информацию, мы купили диск на Горбушке и опубликовали». И даже карту приложили по Москве, с точками, где живут артисты. Я четыре раза ремонт в подъезде делал за свой счет после этого. Ладно я попал на деньги, но это ужасно, когда все говорят: «Сережа, кто эти двести человек, почему каждый день они сидят здесь, спят, бухают, что за девочки на деревьях с биноклями? Как все это людям объяснить?» Причем раньше я жил спокойно, никто ничего не знал. Понятно, что это круто для тиражирования или для имиджа газеты, но это нечестно! Хотя я заметил, что в последнее время все скандальные статьи не такие злые, как раньше. Потому что уже писали, что Жуков – гей, пьяница и наркоман. Что можно еще придумать?

Авторитетно Вам заявляю, что Жуков смотрит на меня, а

иногда на мое декольте, не как гей, а значит, он и не пьяница, и не наркоман. Что он и подтверждает ответом на мой вышеозначенный вопрос о наркотиках в шоу-бизнесе.

– Хороший вопрос, из разряда «расскажите что-нибудь о физике», – хохочет Сережа. – Я не знаю. У меня даже нет друзей, с которыми такое случалось. Понятно, что финансовые возможности делают наркотики более доступными, и каждый артист может себе это позволить.

– А бывает, что артистов сажают на наркотики, чтобы на этом заработать...

– Я уверен, что такие случаи есть. Мне повезло, я всегда безумно боялся уколов, что касается всего остального: все в детстве чего-то когда-то пробовали. Но для чего это делают артисты? Расскажу историю. У многих сейчас бывают депрессии. Сейчас это модно после трагедии с Насыровым. Какие депрессии из-за работы? Если ты творческий человек – твори, если у тебя стопор – иди и отдохни, подстригись, получи новые ощущения, напиши об этом, поищи в другой сфере. Уход от действительности способом напиться или накуриться – это глупо. Но есть масса примеров, о которых мы читаем и не знаем, что происходит на самом деле. Мне недавно было так горько и тяжело, после того как по телевизору показали Сережу Чумакова, который лет пятнадцать назад пел «Не обижай, жених, девчонку-малолетку». Показали, как Юрий Николаев встретился с ним, чуть помятым, поговорил с ним, а потом журналисты установили скрытую камеру у него дома и засняли его совершенно пьяного, в ужасном виде. Зачем его добивать, беднягу?! Я когда его такого увидел, меня в дрожь бросило. Почему его никто не спасает, не вытягивает оттуда, а снимают на видео? Поэтому я не признаю такой уход от реальности. Другой вопрос, когда человек погибает. Так погиб мой любимейший Юра Хой из «Сектора Газа». Но с другой стороны, это хороший урок. Я думаю, что в обычной реальной жизни этого зла больше.

Интересуюсь планами на будущую пятилетку.

– Мне очень нравится кино, я хочу войти в этот бизнес, и скорее всего я буду снимать и постараюсь сделать что-то сумасшедшее. Ни в коем случае не буду делать глупые комедии с известными актерами, которыми наша страна уже по горло сыта. Это должно быть что-то сверхнеобычное, и уже есть задумки. Мне сейчас предложили поучаствовать режиссером в детском кино, и мне стало очень интересно, потому что детское кино вообще деградировало в России. И еще, хочется находить для себя новые кайфы. Например, я снял клипы некоторым артистам. Потом видел их по телевизору, и мне было приятно. О моем видео

говорят, что оно отличное, я хочу, чтобы так же говорили и о моем кино. Я сейчас занимаюсь недвижимостью, и если людям понравится то, что я построю, и они захотят там жить, я буду доволен. Очень хочется, чтобы все, что делалось, получало отклик. Представь, что ты написала в твоем блоге (http://blogs.mail.ru/mail/elenalenina/– *Прим. ред.*) сообщение, заходишь туда через неделю, а там ни одного комментария. Это же было бы неприятно. Поэтому и мы, творческие люди, ждем отклика, каким бы он ни был. Я с удовольствием бы сделал конкретный западный проект, мне понятно, что для этого нужно и как это нужно сделать. Но я хочу, чтобы деньги, которые я ищу для реализации проекта, не просто отдавались человеком, а с верой. Мне нужно, чтобы человек тоже этим болел.

Вот такого, всем больного (и кино, и музыкой, и ресторанами, и недвижимостью, и Интернетом), я оставила Сережу Жукова, с горящими в энтузиазме, но не от чахотки, глазами и с часто стучащим, но не от симпатикотонии или гипертиреоза, сердцем.

Глава седьмая
Дмитрий Мосс и Анатолий Лопатин, саундпродюсеры

О том, кто, кроме Кристины, называет Пугачеву мамой, о тех, кому предан Киркоров, о том, кто командует звездами, о том, что требует в студии Распутина и чего не любит Орбакайте, а также о злосчастной сахарнице

> Самые модные саундпродюсеры российского шоу-бизнеса оказались куда более доступными и куда менее высокомерными, чем я могла себе представить людей, запросто командующих Аллой Борисовной Пугачевой или Киркоровым с Басковым. Да еще и в самом наиважнейшем вопросе их жизни. Потому что именно Толик Лопатин и Дима Мосс записывают голос и аранжируют песни самым крутым звездам России.

Встречаемся мы в милом кафе, невдалеке от их офиса. И я живо представляю себе толпу будущих звезд шоу-бизнеса, которые заполонят заведение и даже разобьют там лагерь с целью дождаться момента, когда кто-нибудь из этих волшебников звука зайдет перекусить. Для этого мне стоит всего лишь опубликовать название кафе. Пожалуйста, мне не жалко – кафе «Сквер», Воротниковский переулок, дом номер шесть.

Интервьюировать сразу двоих «стармейкеров» просто, особенно если один из них торопится вернуться в студию к срочной работе, которая заключается, для постороннего, не влюбленного в это дело человека, в том, чтобы слушать вокальные упражнения, спетые Киркоровым примерно по миллиону раз каждый. Поэтому с него и начнем. Толик Лопатин, красивый и стильно одетый молодой человек, очаровал меня с первого взгляда до такой степени, что я почти решила начать певческую карьеру. Или, в крайнем случае, напроситься к нему в друзья. Но для начала пришлось исполнить свой профессиональный долг и позадавать ему вопросы, ответы на которые, впрочем, доставили мне удовольствие не меньшее, чем возможность с ним познакомиться.

Первое, что я выяснила, было то, что Толик оказался большим патриотом.

– В 92–93-х годах, – начал он рассказывать свою историю, –

была такая студия Олега Красавцева, которая находилась в академии Жуковского, там работало несколько аранжировщиков, половина из которых стремилась на Запад, а другая половина хотела работать здесь. В то время «мейнстримом» называлось, то, что звучало по радиостанциям. Например, когда Агутин считался супермодной музыкой. И ребята говорили: «Что ты будешь делать в этой стране? Надо ехать в Англию, в Америку и там работать». Но я в турне по Европе послушал португальские, французские, английские радиостанции и понял, что у них мейстрим имеет национальные корни и при этом он все равно очень клевый. Я тогда решил, что хочу работать здесь и сделать так, чтобы так же звучала наша русская музыка: Пугачева, Киркоров и другие. Поэтому шоу-бизнес для меня – это прежде всего работа. Была пафосная цель, и с годами она была достигнута. Эта цель заключалась в том, чтобы на этом рынке музыка звучала так же достойно, как и западная.

На излишний вопрос: любит ли он Россию, последовал очевидный и горячий ответ: «Боготворю». Журналист должен быть въедливым, поэтому пришлось уточнить за что.

– За друзей, за дом, за все, – искренне удивился вопросу Лопатин. – Когда мы записывали пластинку в Америке с группой «Восток», которая тогда называлась «East Meets West», я прожил там полгода. Меня там затошнило до такой степени, что в мечтах мне Тверская улица казалась просто Бродвеем. Правда, когда я вернулся, на улицах было темно, валялись грязные коробки, было отвратительно.

Я первую неделю не хотел выходить из дома, потому что мне казалось, что по улицам ходят серые, уставшие, злые люди. Но все равно я сбежал из Америки и не хотел туда больше возвращаться.

Лингвист во мне мучился непонятным словом, услышанным в начале интервью. Я набрала в легкие воздуха и, рискуя прослыть некомпетентной в шоу-бизнесе, все-таки выдавила:

– А что такое мейнстрим?

– Скажем, – не выказал высокомерия Толик и объяснил, – когда пошел Агутин, вся страна, включая Филиппа Киркорова и Аллу Пугачеву, стала работать на студии в Твери и записывать песни, аранжированные «а-ля латинос». Сейчас, к счастью, такого нет, но теперь «мейнстрим» определяется радиоформатом. Например, то, что на радиостанциях называется форматом.

Сидящий рядом мудрый Дима не выдержал и пояснил:

– Мейнстрим – это то, что в данный момент пользуется спросом у наибольшего количества слушателей.

– Мода на что-то определенное, – добавил Толик, – на звук,

на стилистику песен, на определенных композиторов. Например, были периоды Игоря Крутого или Виктора Дробыша, когда везде звучала их музыка.

– Причем мейнстрим меняется постоянно, – добавил к добавленному Дима, – нужно постоянно за всем этим следить. Когда был Юрий Антонов, музыка не менялась годами, «Крыша дома» держалась несколько лет. Сейчас все меняется в течение месяца, например, сейчас войдет в моду группа «Серебро», потом группа «Золото», через месяц еще какая-то группа.

Когда работаешь со звездами, то наверняка узнаешь их совершенно не такими, какими их знает народ. Имидж часто бывает далек от действительности. Интересуюсь, с кем приятнее всего было работать.

– Банальные вещи буду говорить, – улыбнулся Толик, – может быть, это мой недостаток, кстати, Дима меня ругает за эти вещи. Когда начинаешь работать с человеком, он становится практически родным. Это парадокс, и иногда это мешает бизнесу. Ведь артист, как бы ты к нему ни был близок, еще и клиент, а вступать в деловые отношения с другом не так легко. Вообще у меня был шок, когда Пугачева подошла первый раз к микрофону и, показав на него, сказала: «Сюда петь, что ли?» Я ответил: «Сюда...» Она: «Ну, давай» и запела «Белый снег». Я как сидел... Первый трэк прошел. Она говорит: «Хочешь, как Шура, спою?» И попробовала, как Шура. У меня был шок не столько от вокальных данных, сколько от энергетики – меня просто прибило к стулу.

То есть на вопрос о том, кто больше всего нравится, Толик, похоже, ответил одним словом «Алла».

– Я с большим уважением отношусь ко всем людям, с которыми работаю. Но по-человечески больше Алла, хотя она бывает очень разная.

– У них сразу возник такой творческий и энергетический контакт, – улыбнулся Дима, – они теперь как родные.

– Нельзя сказать, что родные, – отмахнулся смущенно Толик, – конечно, иногда, в кругу друзей, я ее называю мамой, но для меня она всегда была великим человеком.

В шоу-бизнесе легендарное имя «Артур А'Ким», которое является псевдонимом Толика, потому и вызывает священный трепет, что Пугачева его так высоко вознесла.

– Когда мы только познакомились, – вспомнил с улыбкой Толик, – после записи «Белого снега» она выступала в зале Чайковского с гей-хором из Лос-Анджелеса, в «Московском комсомольце» была огромная статья Артура Гаспаряна, в которой первое, что Алла Пугачева сказала, было: «Не переживай, Толяныч, прорвемся».

Спрашиваю, с кем еще из артистов оказалось приятно общаться.

– Я не могу их разделять. Иногда между артистами присутствует ревность, между певицами – своя, между певцами – своя. В нашем деле хуже всего ограничиваться работой с каким-нибудь одним артистом, это плохо и для нас, и для него. Например, Валерий Леонтьев работает исключительно с композитором Евзеровым, Евзеров ему, безусловно, не изменяет. Но они замкнулись внутри своего маленького конгломерата, и все у них стало очень однообразным. А когда ты работаешь с разными людьми, даже если они в какой-то степени конкуренты между собой, это идет на пользу одному и другому, хотя они об этом иногда забывают и обижаются. Как жена ревнует любимого мужа к коллективу на работе, в котором есть молодые девчонки, если она там не может присутствовать.

Засим «Толяныч» откланялся под предлогом необходимости срочно прослушать три миллиона раз каждый из вокализмов певца Филиппа.

А я приступила к блинам с творогом и Дмитрию Моссу. И сначала поинтересовалась истоками столь тесного мужского саундпродюсерского союза.

– Познакомились мы случайно, – улыбнулся Дима, пододвигая ко мне сахарницу, не догадываясь о том, что мне лучше не есть сладкого. – Толик тогда работал с группой «Восток», помните, была такая песня «Миражи». Так вот это – его работа. У меня была мастеринг-студия (мастеринг – работа с частотами, громкостью с целью организовать звучание всех песен в альбоме), то есть я тогда был звукорежиссером. У меня к этому тяга с детства, еще с того времени, когда я увидел первый синтезатор. Вообще, я по образованию скрипач, потом на гитаре начал играть. Толик, кстати, тоже музыкант и лауреат всероссийского конкурса. Я пришел к нему на студию и раскритиковал, мол, все у вас тут неправильно, и Толик сначала даже меня возненавидел. На следующий день после того, как он сделал песню «Миражи», мы пришли на студию в Останкино, организованную компанией «Медиастар». Там мы работали с Толиком день и ночь в этой гигантской студии размером с небольшой кинотеатр. Многие люди, с которыми мы там встретились, сейчас в Майами работают, делают известные проекты, в том числе Диму Билана. Какой тогда там был такой сгусток энергии и гениальности! Это были лучшие годы моего профессионального роста. Мы с Толей очень сошлись, у него был один метод: он делал аранжировки, у меня был другой подход, более звукорежиссерский, хотя я и сам аранжировки делаю. Я его

просил все делать сразу так, чтобы играло, как надо, потому что я это все потом сводил. У нас на этой почве даже конфликт был. Но позже он мне сказал, что понял мою систему и что она клёвая, то есть не надо играть кучу бесполезного, если это потом все равно не будет использоваться.

– Кто был вашим первым клиентом с Толиком? – спросила я и, пользуясь тем, что Дима отвернулся к подошедшему официанту, отодвинула сахарницу обратно.

– Филипп Киркоров, – ответил, повернувшись, Мосс, – с песней «Единственная моя», а позже с альбомом «Ой, мама, шика дам».

Мой сыночек в далеком Парижске обожает этот альбом. Он по нему судит очень уважительно о российском шоу-бизнесе и даже научился правильно выговаривать фамилию «Киркоров».

– Это был наш первый проект, – продолжал Дима и снова заботливо пододвинул ко мне сахарницу. – Честно скажу, Филипп – наш самый преданный клиент, он нас не покидал, даже когда был кризис в 1998 году. Мы очень уважаем Киркорова. Он, конечно, сложный человек, как и все звезды, но он – молодец, плодовитый артист, записывает огромное количество песен. Можно, конечно, говорить, что это каверы или не каверы...»

– Что такое «кавер»? – спросила я и незаметно отодвинула от себя злосчастную сахарницу.

– Кавера, – пояснил мне Дима – двадцать пятый по счету сленговый шоу-термин, – это собственная интерпретация уже когда-то звучавшей песни. На Западе – это нормальная практика. Причем есть такое понятие, как «красовер» – когда даже академические вокалисты перепевают мировые поп-хиты. Знаете, раньше говорили, что русский саунд – это полная ерунда, вот на Западе – другое дело, так вот сейчас многие вещи у нас звучат не хуже.

Интересуюсь, почему они назвали свою компанию «Братья Гримм».

– Это была шутка. Как два брата акробата, сиамские близнецы, братья Гримм – сказочники.

Вспомнила про одноименный вокальный коллектив.

– У нас и юридическое название есть, и торговый знак. На том рынке, где нас знают, все знают, как нас зовут. Толик, кроме того, что он пишет музыку, он еще и автор текстов и подписывается, как Артур А'Ким. Кстати, он сейчас издает сборник своих стихов. Но в основном мы работаем в тандеме, он пишет стихи, а я музыку. Толик написал стихи ко многим песням Виктора Дробыша.

– Как произошло Ваше первое знакомство с Аллой

Борисовной?

– Я… – И рука Димы потянулась через стол, но, слава богу, не задержалась на сахарнице и прошла мимо за бутылкой минеральной воды, – так подозреваю, что Филипп долго ей не говорил, где он пишется. Но, конечно, это Филипп привел Аллу Борисовну к нам в студию. Она очень спокойно относится к записи в студии, без пафоса, не так, как, например, Маша Распутина, которой наушники спиртом надо протирать и которая пьет только воду «Перье». Я думаю, что для профессионального артиста все равно, куда он пришел – он пришел на работу. Они не требуют гримерки с золотыми стульями. Главное – люди, студия – железо, можно и дома сделать студию и производить продукт. Самое сложное – это люди, наше преимущество в том, что мы долго работали с Толиком вдвоем, но так как надо развиваться, нам удалось собрать вокруг себя коллектив, в котором каждый человек является по-своему гениальным. Тот же самый Андрей «Рембо», я случайно о нем услышал. Он из Красноярска. Его проблема была в том, что он всегда работал с не очень хорошими аранжировщиками, поэтому у него был к нам несколько утилитарный подход. В результате мы притирались друг к другу целый год. Почему сейчас у нас такой хороший звук? Потому что нам удалось совместить его техническое понимание качества звука, и при этом не пропадает музыка. Это, во-первых, а во-вторых, когда-то я спросил одного человека, как он делает звук, он ответил, что нужно просто с самого начала делать все нормально. Секрет в том, что, когда я делаю песню с нуля, и каким бы ни было личное отношение к артисту, я заставляю себя эту песню полюбить. Рокеры иногда говорят: «Вот Вы попсу делаете, а мы – рок, у нас круче».

– Знаю-знаю, – закивала я, – профессионалы считают, что от стиля музыки ее качество не зависит.

– Если послушать все эти разговоры, что «мы записывались в Лондоне», а потом взять группу «The World» и послушать, что они в Лондоне сделали, так это просто «до свидания!».

Не поняв, что означает в шоу-бизнесе термин «до свидания», робко спросила, опасливо косясь на сахарницу:

– Может, они это делали в дешевой студии в Лондоне?

– На самом деле, – Дима неправильно истолковал мой взгляд и снова великодушно пододвинул ко мне ненавистную сахарницу, – все зависит от отношения аранжировщика, а сейчас оно стало утилитарным: если ему нравится – он делает, если не нравится – он делает, извините за выражение, дерьмо. Иногда удивительно, как профессионал делает одну вещь гениально, а другую – нет. Просто она ему не нравится. Если мне вещь сильно

не нравится – я просто не возьмусь. А он берется и делает заведомо фигню. Я в таких случаях ему говорю: «Ты не понимаешь, что репутация создается годами, а портится за одну секунду».

Не выдержав борьбы с профессиональными терминами типа «сведение» и «мастеринг», блондинка во мне взмолилась, решительно оттолкнула сахарницу и, не снимая с нее руки с целью навсегда пригвоздить ее к месту подальше от меня, попросила Диму объяснить, из чего состоит песня и как она строится.

– Расскажу человеческим языком, – снисходительно улыбнулся Мосс и временно забыл про злополучную сахарницу. – Допустим, ты сочинила песню…

– Что значит сочинила, – уточнила я, – принесла расписанную нотами на бумаге или просто «пим-пим, тра-ля-ля»?

– Просто «пим-пим, тра-ля-ля», – кивнул Дима. – Ты приносишь это, и если у тебя есть продюсер, то он говорит, что он хочет, если нет, то я ее беру и у меня в голове сразу начинает все это играть, причем целиком. И я стараюсь это услышать так, будто это уже не у меня в голове играет, а из радио. Потом делается аранжировка. Аранжировка – это когда играются и записываются сначала барабаны, потом гитары, скрипка, флейта и т. д.

В результате получается многодорожечная музыка, когда разные партии записаны синхронно.

– По нескольким дорожкам проигрываются разные инструменты. – Я оказалась понятливой. – Одна и та же мелодия, но обработанная с использованием разных инструментов. Записали все инструменты, совместили это всё, а дальше?

– Дальше уже играет некое подобие аранжировки, так называемая болванка. Приходишь ты, и тебе кажется, что это уже музыка, она просто еще не сведенная. На эту болванку записывают твой вокал, ты много раз пропеваешь свою партию. На этой стадии самый тонкий момент. Я тебе говорю: «Здесь поддай больше эмоций, здесь нежно спой, а здесь ты крикни».

– Получается, что это саундпродюсер диктует звездам, как они должны петь? – удивляюсь я.

– Конечно.

– Сами они не могут? – округляю я глаза.

– Очень редко, – выносит нелестный вердикт Мосс.

– Алла, наверное, знает, как петь, – не хочу верить я.

– Алла – она уникальная. Когда она приходит, у нее в голове уже это есть. Иногда она приходит и не знает, что петь, а когда она четко знает, то просто приходит и поет, – кивает Дима и

продолжает объяснять технологию создания песни. – На этом этапе поется и записывается очень много треков, порядка двадцати, и потом начинается сбор вокала.

Интересуюсь живо и шкурно (все-таки сама балуюсь пением), сколько примерно часов нужно звезде для записи звука.

– По-разному. В зависимости от песни. Минимум, когда ты поешь два-три раза, пятнадцать минут, и готово.

– А максимум? – Я почувствовала себя слегка ущербной со своими минимум четырьмя часами на запись каждой песни.

– Бывает часов пять, – успокоил меня Дима. – Особенно если надо какую-нибудь эмоцию поймать или продюсер что-то нереальное требует, извиняюсь, от блондинки. После этого Толик выбирает самое лучшее по слову, по ноте, по звуку. Получается трек, и по необходимости, а она очень часто возникает, Толик начинает чистить интонацию. Все это подтягивается. В одной ситуации я сам видел, как Толик записал и начал собирать, а Кристина почему-то задержалась (обычно артист поет и уходит), читала книгу, звонила, потом послушала, как он работает, и сказала: «Толик, как же, наверное, ты нас ненавидишь!»

– Хорошо, что напомнил, Кристина Орбакайте – прекрасный пример того, как сильно можно вырасти, если много работать вживую. Вся страна знает, что Кристина начинала с совсем простых работ, а сейчас раскачала очень хорошо свою вокальную «мышцу».

– Когда Кристина пела «Мой мир», ходили слухи, что ей подпевает Пугачева. Я клянусь, что Пугачева не подпевала, а просто тогда была на записи, может, поэтому и вышло немного по-пугачевски. Кристина до сих пор не любит эту песню. Она просто выдала этот тембр, у нее же не может его не быть.

– А Кристина не любит, когда она поет, как Пугачева? – спрашиваю.

– Она вообще не любит быть на кого-нибудь похожей.

Кстати, о птичках, то есть о певичках, приглашаю вернуться к процессу производства.

– После этого записывается бэк-вокал: подпевки, хоры, второй голос, третий. Затем все эти сто тысяч дорожек…

– ?!

– Я образно говорю. Может быть, семьдесят. Они объединяются в единое, и это называется сведением. Начинаем двигать, делать погромче гитару или бас пожирнее, барабаны помощнее, кучу всяких обработок. И только после этого получается готовая фонограмма. Потом мы делаем мастеринг. Мастеринг бывает на альбом, но если песня единичная, мы сразу делаем на нее приблизительный мастеринг, а потом в альбоме

заново. Есть песни, которые хорошо звучат, а есть – плохо. Находится некий компромисс, когда хорошая песня портится, а плохие – улучшаются.

– Зачем портить хорошие песни? – Вот я все-таки такая непонятливая.

– Для человека, который будет слушать, песня не покажется испорченной, – успокоил меня Дима. – И наступает самый сложный момент, потому что в процессе сведения может получиться две-три разных песни, и само восприятие песни будет совершенно другое. Например, вытащить барабаны, влупить «колбасу», потерять интересные гитарные партии, которые дают эффект. Или, наоборот, провалить рэгги в танцевальной песне, и слушатель ее просто не услышит. Это очень сложно. Это единый процесс от начала до конца, если каждый его этап не контролируется, можно получить искаженный результат. То, что я услышал в песне, которую вы принесли и играли, может быть не тем, что получилось после, потому что я стараюсь ее делать так, чтобы потом ее можно было продать. Как это ни цинично, но это товар на продажу. Точнее, чтобы клиент это мог продать. Чтобы он принес ее на радио, ее взяли в ротацию и чтобы у него это везде звучало.

Пытаю его, пользуясь тем, что он не работает на радио, правда ли, что на уважающих себя радиостанциях ротации песен не проплачиваются?

– Радио – это совершенно другой бизнес. Хоть я и не радийщик, но я много с этим сталкивался. Радио живет за счет рекламы, и они очень боятся потерять свой формат и своих слушателей. И, к сожалению, на радиостанциях профессионалов сейчас мало. Архипов (Сергей Архипов, один из учредителей «Русской медиагруппы», президент радио «Россия») он, безусловно, им является. Есть еще несколько человек, вот Сан Саныч (Александр Варин, президент «Авторадио»), он гений, он создал немузыкальную радиостанцию, которая на прошлой неделе вышла на первое место. На самом деле, самое тонкое место в шоу-бизнесе – это радио. Я без радио сейчас не работаю. Точно так же и на радио песня может провалиться, если не существует поддержки, клипа и т. д. Дело в том, что там сидят люди с таким восприя-тием, которые этого не могут оценить. Это фокус-группы, которым дают что-то слушать, на основании этого делаются какие-то выводы. Все это очень сложно. Я уверен, что у нас восемьдесят процентов хороших песен похоронено. Что сейчас модно среди молодежи? Вот возьмем певицу «МакSим», если ты зайдешь в топ-хит радиорассылки, то увидишь, что три года эти песни лежали без движения. Но как только вышел альбом –

народ-то не обманешь, – во всех машинах заиграло, и все начали ставить «МакSим». Она была три года никому не нужна, девочка бедная, ей есть нечего было. А в альбоме все то же самое, никто ничего не переделывал.

И еще немного дегтя в бочку с… дегтем.

– К сожалению, наш шоу-бизнес пока еще не сформировался в такую систему, как на Западе, у них есть менеджеры, которые связаны с радиостанциями, то есть там это бизнес. Здесь я пришел на радио, а человек выбросил в мусорное ведро мой диск…

Спрашиваю, почему они не ракручивают своих артистов как продюсеры.

– Мы всегда старались избегать такого участия в бизнесе, – отмахивается от этой мысли, как от назойливой мухи, принуждающей его к гастролям в тмутаракани. – Кстати, продакшн – очень мудрая вещь, на телевидении это очень развито. Мы сейчас самостоятельная структура, но если бы появился холдинг, у которого бы все это работало, мы бы как продакшн-компания вошли в него. Поэтому мы не занимаемся собственными артистами. Мы знаем, что через несколько лет, когда вместо одного телеканала будет семь цифровых, их будем нечем заполнить – тогда производство будет стоить денег. Даже сейчас при удачных обстоятельствах можно хорошо заработать. Но дело в том, что нам приходится брать «фиксом».

Я предположила, что «фикс» – это фиксированная стоимость.

– Да, – оправдал мои смелые предположения Мосс. – Мы сделали – нам заплатили. У нас роялти нет. Как только они появятся, мы всем будем делать песни бесплатно. А пока нам платят сразу, мы вынуждены брать вперед.

Я воспользовалась зазором и ринулась вперед: «Сколько стоит песня?» Но наткнулась на человека, страдающего амнезией и забывающего вопросы, а также предпочитающего говорить о погоде. Проговорив о погоде еще полчаса, я решила убраться восвояси. Но фотографию с лучшими российскими саундпродюсерами повесила заставкой к компьютерной папке «Мое хобби».

Глава восьмая
Рафаэль Сабитов, рекорд-компания «Монолит»

О том, что такое «изюм» в шоу-бизнесе, о том, где у певиц вокальные данные, о том, кто любит Кузьмина и не любит «МакSим», а также о том, почему звезды «разводятся» с известными продюсерами

> – Господин Сабитов находится на совещании, и его нельзя беспокоить. – Это мне заявил не только вежливый женский голос, но и мужской, обладатель которого явно считал, что и его беспокоить не следовало.

Пришлось зазвонить их звонками. Ровно через неделю они капитулировали, и я получила разрешение на встречу в офисе.

И вновь мне пришлось бороться с искушением. И если в некоторых, описанных выше, случаях искушение было чисто профессиональное, то в случае с парнем, который встретил меня в приемной «Монолита», искушение было лишь частично профессиональное и лишь частично чистое. Он, представившись, сказал, что отвечает в фирме за связи. Глядя на его красиво обтянутый футболкой торс, мне показалось, что еще одна связь ему не повредит. Но объявить ему это я не успела – молодая элегантная секретарша, улыбавшаяся так, будто устроилась сюда на работу лишь в надежде когда-нибудь со мной встретиться, отвела меня в переговорный зал.

Рафаэль опаздывал. Забыл ли он завести будильник или это будильник забыл его разбудить, выяснить придется позже.

Но поворчать не удалось, потому что вместо «господина Сабитова» в зал вскоре вошел стройный молодой и широко улыбающийся человек. Видимо, требования его профессии тоже исключали проявления открытой неприязни к другому существу, во всяком случае до тех пор, пока оно не начнет всерьез разрывать на нем одежду. Хотя если бы такое существо вдруг появилось и принялось действовать, то я бы не убежала и зашла бы сзади. Полюбопытствовать.

Любопытствовать не пришлось, зато я удивилась. Дважды. Сначала, когда молодой человек протянул мне визитку, на которой было написано черным по белому «Рафаэль Сабитов» с перечислением регалий. А второй раз – когда Рафаэль заявил, что

мы с ним уже встречались и что я – продюсер Владимира Кузьмина (!). Моя нестойкая девичья память, оказывается действительно затерла воспоминания о той встрече, несколько лет назад, когда я сопровождала Володю на заключение договора на его очередной альбом в качестве, как мне казалось, помощника по проведению переговоров. Мне всегда хотелось по-матерински защитить неприспособленного Кузьмина от суровой бизнес-действительности. Видимо, держалась я тогда с достоинством, раз более цепкая на блондинок память Рафаэля приняла меня за продюсера. Я мысленно поставила себе пять баллов за понты и приступила к интервью.

– Я родился в Москве. Мое первое знакомство с шоу-бизнесом произошло в ранней юности, по-моему, в 93-м году, – начал повествовать Сабитов. – Я по образованию бухгалтер, экономист, аудитор. Поступил на работу младшего бухгалтера, я даже был, наверное, помощником самого младшего бухгалтера. Это была одна из первых рекорд-компаний в нашей стране и называлась она «РДМ». Далее у меня произошел небольшой карьерный рост, и я перешел в компанию «ГрандРекордс», уже став ее генеральным директором.

Нет, вы представляете, никакого музыкального образования, ни пения в ду2ше, никакого другого духовно-музыкального стремления в шоу-бизнес не было! Исключительно коварный бухгалтерский расчет!

– Мне нравится музыка, – попытался исправиться Рафаэль, – я всегда был меломаном и стремился к этому. Другое дело, что я не обладаю талантом и понимаю, что никогда не стану музыкантом, исполнителем, автором слов, музыки и т. д. Поэтому мне было интересно применить мой экономический, профессиональный опыт в этой области.

Интересуюсь, кто из шоу-бизнесменов оказал на него влияние.

– Когда я был очень маленьким сотрудником РДМ, я подписывал документы с продюсером Юрием Айзеншписом. Видя его отношение ко всему происходящему, пусть я был человек маленький и для него ничего не значил, я понял, что шоу-бизнес – это интересно, что это не только исполнить песню на сцене, это больший круг многих вопросов, которые решает человек, будучи продюсером, причем решает постоянно, круглосуточно. Наверное, в тот момент мне было даже интересней заниматься именно продюсированием, нежели стать исполнителем, как многие мечтали в те годы.

Спрашиваю, кто из звезд обязан ему становлением.

– В большей степени это проявилось в работе над проектом

Димы Билана. Контракт по Билану был совместно с компанией «ГрандРекордс», где я был генеральным директором. Айзеншпису была необходима рекорд-компания, которая бы поддерживала исполнителя в выпуске альбомов и их продвижении. Я решал вопросы в большей степени экономические, нежели стратегические и музыкальные. Билан – это тот исполнитель, за которого не стыдно, хотя я не был его продюсером, но имел отношение. Мой бизнес состоит в том, чтобы приобрести права и выпустить исполнителей на носителях: компакт-дисках, аудиокассетах и т. д. Очень много исполнителей прошло через нашу компанию, мы выпустили очень многих. Разного формата: из рока Володя Кузьмин, «ДДТ», из поп-музыки Сергей Жуков, бывшие «Руки вверх» и много других, я боюсь кого-то обидеть, не назвав. В компании «Монолит» мы сегодня выпускаем массу артистов: группа «Непара», «фабричные» исполнители: Ираклий, Савичева.

Прошу описать его серо-кардинальные функции в звездном становлении.

– Я руковожу в большей степени дистрибьюцией, всем, что связано с выпуском продукта и донесения этого материала до интернационального слушателя. Моя задача – правильно выпустить продукт, то есть в нужное время, с красивым оформлением, с должным продакшном и хорошо его продать. От артиста мне необходим только хороший, качественный музыкальный продукт, все остальное я делаю сам, вернее, наша компания.

Из меня посыпались, как конфетти, вопросы: что является приоритетным в решении о выпуске определенного артиста, особенно если это артист, никому еще не известный, что заставляет в него верить, каковы критерии звездности…

– Не артист делает себя, в большинстве случаев артиста делает продюсер. Поэтому важно, кто занимается исполнителем, будь это просто продюсер или продюсерская компания. От этого зависит итог. К сожалению, в некоторых случаях многое решают деньги. Если речь идет о талантливом исполнителе и талантливом продюсере, то здесь успех максимально возможен. Но если же речь идет о талантливом исполнителе, но нет человека, который готов им заняться, или нет финансовых средств на этот проект, то таланту будет довольно сложно пробиться. Зачастую бывают такие ситуации, когда есть и деньги, и продюсер, но отсутствует талант.

– ОК, – вынужденно соглашаюсь я со значимостью роли личности в истории, – продюсер играет очень важную роль в раскрутке звезды, а какими критериями должны обладать сами

потенциальные звезды?

– Исполнитель должен обладать своим «изюмом». Я не говорю о ноу-хау. Я объясню на примере Глюкозы и Билана. У каждого из них есть своя харизма. Они личности, у них есть то, чего нет у других, они, каждый по-своему, уникальны. То есть в исполнителе должна присутствовать уникальность. Конечно, хорошо, когда исполнитель сам пишет. Тогда он сам чувствует, что он исполняет. Здесь важна совокупность факторов, даже внешний вид. Особенно в поп-музыке. Все-таки в большинстве случаев публика покупает исполнителя сначала глазами.

Почему-то вспомнилось, что Сергей Архипов называет область бюстгальтера вокальными данными.

– А голос вообще не имеет никакого значения? – удивилась и даже возмутилась, а может, обрадовалась за многих артистов я. – Вы перечислили массу критериев, но о голосе я не услышала. Вокальные данные сегодня звезде не нужны?

– Это подразумевается, – уточнил Рафаэль. – Если мы говорим, что голоса нет, тогда понятно, что это просто коммерция, потому что есть или спонсор, или инвестор. Причем для большинства людей, которые хотят сегодня поиграть в шоу-бизнес, это визитная карточка. Они понимают, что голос – это хорошо, но в большинстве случаев получается так, что продюсером, или спонсором, или инвестором становятся те люди, которые протежируют своих жен, детей и подруг. Знаете, хороший пример Алсу. Мне нравится Алсу, я считаю ее талантливым человеком, мне нравится ее уникальный голос, исполнение. Мне кажется, что в данном проекте была совокупность всех факторов: голос, подача, внешний вид, красивые картинки...

И снова я предлагаю поговорить о том, что мне не нравится в российском шоу-бизнесе, – о спонсоризации шоу-бизнеса или о «поющем нижнем белье». Приходит смешная блондинка, брюнетка, рыженькая, с большим бюстом, в короткой юбке, а за ней входит мужик с чемоданом, а в чемодане наличкой миллион долларов.

– Обидно, что так происходит, – пожалел Рафаэль, как волк козочку, один из источников дохода работников шоу-бизнеса, – потому что когда встречаются люди действительно талантливые и уникальные и при этом у них нет такой финансовой поддержки, то у них нет и дороги вперед.

Тут уж я не удержалась и снова возмутилась:

– Это разве не ваша функция: оказывать финансовую поддержку таким ребятам? Вам наверняка присылают миллионы дисков на прослушивание. Жалко на это бюджета?

– Жалко бюджета? – переспросил Рафаэль, как будто это было вьетнамское слово, а языка он не знал. – Если мы говорим о том, как работают западные компании в этом направлении, то у них есть возможности, оборотные средства или средства, которые они привлекают извне. У нас зачастую те люди, которые готовы инвестировать не из нашего бизнеса те или иные средства в шоу-бизнес, приходят со своими проектами. Иногда приходится заниматься такими проектами, хотя мы, безусловно, фильтруем, потому что мы понимаем, что для нас это не продюсирование, это просто работа, сделанная под ключ. Раньше на советской эстраде были другие инструменты. Были, конечно, деньги, финансовые взаимоотношения, но по той информации, которой я обладаю, чтобы стать звездой, достаточно было знать пару-трех влиятельных людей и был необходим один эфир на «Утренней почте».

А сегодня молодому и талантливому исполнителю нужно пройти, например, через «Фабрику звезд». А если он туда не попал: не хватило таланта, еще чего-то, то ему нужно попасть к грамотному продюсеру или продюсерскую компанию.

– К Вам, наверное, девчонки выстраиваются в ряд, – пожалела я бедных стармейкеров, – потому что все хотят стать звездами. Как Вы боретесь с количеством начинающих певиц, которые к Вам пристают? Если во время застолья кто-то узнает, кем Вы работаете, то народ пристает, начинает свои интересы продавливать.

– Бывает, что приносят пластинки, – кивнул Рафаэль, – пытаются уговорить послушать, по почте присылают много интересных произведений. Мы, конечно, их слушаем, и если чувствуем, что человек талантлив, стараемся по максимуму.

– Можно дать Ваш мобильный телефон, – спросила за меня такая простая Поборница Прав Подрастающей Шоу-Молодежи, – чтобы Вам звонили?

– Нет, нежелательно, – засмеялся Рафаэль. – Чтобы диски посылать, я Вам дам адрес: Ново-Даниловская набережная, 4а, Москва, Продюсерская компания «Монолит», мне, Рафаэлю. Мы готовы рассматривать все проекты, нам это интересно. Наш бизнес основан на том, что мы ищем таланты. Но не всегда получается так, что, рассматривая те или иные таланты, мы приступаем к работе с ними.

– И спать необязательно, заметьте. – По моему тону было непонятно, обрадовалась я или огорчилась. – А какие еще существуют стереотипы о шоу-бизнесе, которые на самом деле не верны в корне?

– Вопрос денег. То есть многие считают, что всё только за

деньги. Это далеко не так. Хорошие примеры сильных исполнителей, которые на сегодняшний день заявили о себе, не вкладывая.

Зная, что он общается с большим количеством звезд в жизни, пытаюсь выведать, кто из них хуже или лучше своего сценического имиджа.

– Жуков – это человек, которого ты видишь на сцене одним, а в жизни воспринимаешь другим. Пусть это музыкальное течение называют «лоходэнс», мне тоже не очень нравится то, чем было «Руки вверх», но я могу сказать, что этот человек талантлив, причем не только в направлении шоу-бизнеса, но и в других направлениях. Вот недавно книжку написал, я уже не представляю, чем он только не занимается! Молодец! Мне Володя Кузьмин симпатичен, я считаю его интересным человеком. Знаете, со мной все общаются довольно мило. Хотя иногда, когда находишься на какой-то презентации и видишь, как те или иные исполнители относятся к окружающим высокомерно, это не только раздражает, но и обидно за шоу-бизнес. Я не могу припомнить жестких моментов. Хотя я присутствовал на концерте, когда видел выходки тех или иных исполнителей, и они остались в моей памяти. Не хотелось бы обозначать персонально.

Не является ли это следствием того, что слава настигла человека неожиданно и резко? Потому что те, кто привык пахать за эту славу, за каждые ее крохи, те, наверное, уже настолько настрадались, что не могут себе позволить такого хамства. А те, на кого неожиданно сваливается успех за три дня, болеют «звездной болезнью» в тяжелых формах.

– Это зависит от человека, – поясняет Рафаэль, – от личности. Сергей Жуков, например, прошел через все в шоу-бизнесе. По нему когда-то вообще с ума сходили во всей стране. Но он очень хороший, порядочный, добрый человек, который со всеми общается уважительно. А есть люди, которые на сегодняшний день даже еще не обладают славой, наступили только на первую ступеньку, а уже считают себя великими.

Предлагаю обсудить традиционные стереотипные характеристики шоу-бизнеса – наркотики, алкоголизм, депрессии. Ни одна приличная мама не отправит своего ребенка в певцы. Или просто это из-за того, что в шоу-бизнесе все на виду? Затем вежливо интересуюсь, колется ли он сам.

– Нет, – чуть не поперхнулся горячим кофе Рафаэль, – ничего такого нет. Многие думают, что в шоу-бизнесе бардак. Конечно, артист выступает не только на утренниках, часто выступления вечерние в ночных клубах, на мероприятиях. И все это происходит еще и в атмосфере того, что люди отдыхают,

выпивают, бывает, что и исполнителю нужно присесть, покушать, выпить. И когда журналист видит, что исполнитель сидит в обществе тех или иных людей и выпивает, то создается впечатление, что он алкоголик. Или если исполнитель выступает в клубе, где присутствуют наркотики, то о нем сразу начинают говорить, что он наркоман. А это его работа: ему там надо быть, ему там надо выступать, ему там надо общаться. Конечно, когда они находятся в этом окружении, в этой тусовке, кто-то выпивает, или, возможно, используют какие-то виды наркотиков. Но это зависит от личности. Потому что в том или ином клубе артист выступил на сцене, выпил бокал шампанского с друзьями. А какой-то журналист его сфотографировал, и на следующий день появилась статья, что он сидит и пьет алкоголь, ведет себя развратно и, может быть, принимает наркотики – это тот вариант скандала, который интересен. Публике интересны скандалы, не то, что в клипе показывают, по телевизору, а то, что за этим стоит. Очень много вымысла. Я не артист, мне трудно судить, но многое в скандальной прессе является вымыслом. Есть какая-та маленькая история, которую журналист разворачивает, ведь из двух слов можно составить предложения, совершенно разные по смыслу.

– Хорошая новость – пиратства кассет и дисков становится меньше. Как и самих кассет.

– Пиратов становится все меньше и меньше, потому что сам формат, сам бизнес становится менее привлекательным. Становится меньше тиражей, уже нет такого интереса, уже нет пиратских производителей высокого уровня. Но опять-таки даже со стороны проверяющих органов мы на виду, и мы попадаем под контроль в первую очередь. С нас начинают борьбу с пиратами, несмотря на то, что мы входим во все ассоциации по борьбе с пиратами и на сегодняшний день этим вопросом занимаемся серьезно, у нас есть собственные успехи. Но когда вопрос стоит о том, где, кому и как найти пирата, то естественно приходят с проверкой в те компании, которые на виду.

Как начинающий статист пытаюсь подсчитать, кто из артистов лучше других продается и существует ли корреляция между количеством появлений артиста в эфирах центральных каналов и его продажами.

– Я думаю, – разбивает мои статистические иллюзии Рафаэль, – что прямой зависимости на сегодняшний день нет между количеством эфиров и количеством продаж. Пример группы «Непара»: ее не настолько много на сегодняшний день в эфирах, но она супер продается. В свое время у них вообще не было никакой ротации. Была одна песня, которую засветили на

радиостанции, и сразу появился огромный спрос. Мы этого не ожидали. Продажи первого альбома были сумасшедшие, и это происходит до сих пор. И наоборот, пример неожиданно низких продаж. Например, Киркоров. Был у него такой альбом, который назывался «Челофилия». Это было лет пять назад. Альбом «Челофилия», к сожалению, не пошел.

Я предположила, что «Челофилия» – это Челобанов плюс Филя.

– Да, – подтвердил мои предположения рекорд-босс. – Они совместно подготовили этот альбом, Филипп все исполнил, была массированная реклама, все было, как положено. Но при этом альбом не продался вообще.

– Ваш диагноз, товарищ доктор?

– Не бывает стопроцентного попадания, наш бизнес во многом связан с пробами и ошибками, а для наших покупателей важно не только имя, но и качественный материал, который их чем-то тронет.

Снова возвращаюсь к поразившему меня и распространенному среди профессионалов шоу-бизнес-постулату о том, что голос второстепенен в успехе вокалиста. Помню, была я в гостях у бывшей солистки группы «Браво» Ирины Епифановой, у которой были необыкновенные вокальные данные. Она могла бы, просто, возвращаясь с дачи, спеть такую вокально-виртуозную вещь, которую многие именитые певцы не смогли бы. А мне доводилось слышать сомнительные записи именитых певцов до обработки. И при этом никто ее не видит и не слышит, потому что есть справедливо завышенное самомнение и представление, что не она должна бегать за продюсером, а продюсеры должны выстроиться в очередь к ней. Видимо, это не самый маркетинговый подход к шоу-бизнесу.

– Вокальные данные должны быть. Если их нет, то это коммерция. Есть много оперных певцов, которые обладают сумасшедшим голосом, но мы все-таки на эстраде, и мы должны определенную форму этому придать. Поэтому в любом случае человек должен быть с хорошим голосом. Другое дело, что в шоу-бизнесе этот хороший голос нужно правильно выстроить, правильно его позиционировать, презентовать, то есть правильно его одеть, правильно причесать и т. д. Поэтому все-таки сегодня самое главное – это уникальность.

– Вот группа «Чили», – привела я прекрасный пример уникальности, – когда девушка поет мужским голосом, или Шура2 – когда мальчик поет женским голосом?

– Совершенно верно, – поддакнул Рафаэль. – Или «Тату». Что касается группы «Чили», мы выпустили один их альбом и сейчас

выпускаем – он в очень хорошей продаже. Мы не ожидали таких продаж. Именно уникальность и сработала. Правда, были ротации, хорошее видео, но голос в данном проекте первостепенен. Хотя я знаю, что относительно голоса у нее изначально были проблемы в этом коллективе. Говорили, что все хорошо, кроме голоса.

Спрашиваю, кого лично стармейкер слушает в автомобиле.

– Я, в силу своей работы, слушаю «Русское радио» и похожие радиостанции. Когда я еду вечером домой, я отдыхаю под радио «Релакс». А в машине у меня всегда есть диск Кузьмина.

– А кого бы Вы выпустили из коммерческих соображений, но сами ни за что бы не стали слушать?

– «МакSим».

Прошу вывести универсальную формулу успеха в шоу-бизнесе.

– Во-первых, человек должен быть талантливым, уникальным, и, безусловно, с голосом. Во-вторых, у него должен быть талантливый продюсер или продюсерская компания, такие, как Фадеев, продюсирующий Глюкозу, «Серебро», Ираклия, Савичеву. В-третьих, финансирование.

– Сколько стоит стать звездой?

– Если человек талантлив, обладает голосом, сам пишет слова и музыку, то ему необходимо использовать студию, чтобы записать одну песню. Есть примеры, когда человек записывает одну интересную, уникальную песню. Так группа «Тату» в свое время записала одну песню, которая называлась «Я сошла с ума». О «Тату» тогда никто ничего не знал, эта песня появилась на «Русском радио», потом видео на эту песню, но затраты были минимальными. Мы купили эту песню, выпустили сингл, потом пошел альбом. Растрат было мало, хотя это было уже время, когда шоу-бизнес требовал себе много денег. Это минимум, а максимум – до бесконечности. Можно потратить несколько миллионов на того или иного исполнителя и не получить ничего.

– Мне бы хотелось обсудить, – присела я на своего желтоватого конька, – извечный конфликт отцов и детей в шоу-бизнесе – продюсеры и звезды. Почему, например, Сташевский и Айзеншпис разошлись?

– У них был семилетний контракт, – поделился подробностями человек посвященный, – и он просто закончился. Конечно, могла бы быть пролонгация контракта, но Сташевский уже понимал, что он звезда, что у него все хорошо и в личной жизни. Он посчитал необходимым остаться один. И проиграл. То же самое было и с Никитой и Айзеншписом. Они даже не доработали контракт, когда Никита ушел от Айзеншписа и сразу

стал никем. И это не потому, что продюсер влиял на то, чтобы исполнитель нигде не был. Просто зачастую, когда исполнитель становится популярным, он забывает, что есть продюсер, которому он должен 70–80 процентов своей популярности.

В этом месте у Рафаэля появилось в глазах выражение, которое я истрактовала как «Боже мой, да ты просто ненасытна! Собак нужно кормить один раз в день, а ты уже получила свою долю». Пришлось откланяться.

Когда меня провожали по зданию к выходу, все сотрудники «Монолита» любезно здоровались со мной. Вероятно, по коридорам уже циркулировал слух о том, что меня должны назначить программным директором на самую рейтинговую радиостанцию страны. Во всяком случае, я так же вежливо отвечала на их приветствия, как человек, понимающий их заинтересованность, но страшно занятый в этот момент.

Глава девятая
Александр Бочков, генеральный директор студии «Союз»

О том, кто в музыке лох, о том, где бывают хорьки с погонами, о том, кто в шоу-бизнесе ездит на метро, о том, что такое хит, о том, почему Мадонна нравится двенадцатилетним, об откатах в гастрольной деятельности, о том, как рождается «звездная болезнь», и о том, кто из звезд сегодня реально продается, а также о том, кто ненавидит музыку

На проходной завода антикварного вида из красного, видимо, еще Ивано-Грозновского, кирпича, в самом центре Москвы, меня встретил человек, которому уже больше никогда не придется отпраздновать свое семидесятилетие. Но, несмотря на некоторые трудности в коммуникации, он был человеком. Чего нельзя было сказать о двух прилизанных хорьках на входе в помещение студии «Союз», чуть поодаль, которые явно увидели во мне опасный для общества элемент или просто болели свойственным охранникам «Синдромом Вахтера», характеризующимся дефицитом общественного признания их значимости. Проклиная этих работников неумственного труда, я, остановленная по причине отсутствия документа, удостоверяющего личность, медленно закипала. Крышка вот-вот уже была готова взорваться и загреметь, как проходящая мимо незнакомая сотрудница заведения с крылышками за спиной и каким-то непонятным колечком над головой, укорила хорьков: «У таких людей автографы брать надо, а не документы спрашивать» – и провела меня в просторную комнату для переговоров.

Александр Бочков, генеральный директор самой знаменитой в стране рекорд-компании, входящей в тройку лидеров на рынке, приехал на встречу со мной на метро, что настолько поразило мое испорченное снобизмом в шоу-бизнесе воображение, что я мысленно отпустила хорькам все грехи и взяла обет безропотно мыть посуду за сыночком и летать бесснобным эконом-классом.

– Когда случилось Ваше первое знакомство с шоу-бизнесом? – спросила я, желая убедить саму себя, что он – тот, за кого себя

выдает, и с шоу-бизнесом знаком, несмотря на демократические привычки.

– Это отдельная история для отдельной книжки, – решил, что меня можно напугать еще одной книжкой, Александр. – Пятнадцать лет назад в Москву приехал мой одноклассник. Он музыкант, и понятно, что его группа могла подняться только через Москву. Группе подняться так и не удалось, но он попал на студию «Союз» к ее руководителю, создателю и основателю, Белякову Виталию Петровичу. Он пришел продавать ему компакт-диск Маши Распутиной «Синий понедельник», потому что стал ее администратором. Они так разговорились, что понравились друг другу и решили делать легальный совместный бизнес, то есть открыть студию «Союз». Он не планировал заниматься бизнесом, хотя все то, что он начинал в Казани, откуда мы с ним родом, для московского корифея Белякова было открытием. А он меня уже призвал в партнеры через пару лет. Оба эти человека уже не работают ни в концерне, ни в студии в силу тех или иных обстоятельств. Большую роль здесь сыграл кризис, потому что, когда деньги есть, их делить легко, а когда их нет, то начинаются споры и недоразумения. А тогда мой друг был в Казани, мы с ним встречали Новый год, и он начал расспрашивать, чем я занимаюсь. Я сказал, что здесь я никому не нужен, с высшим образованием работаю охранником на стройке. А по образованию я – радиотехник, инженер, и никогда паяльника в руках не держал. Если бы даже в 1993 году мне кто-то сказал, что я буду директором звукозаписывающей компании, я бы у виска покрутил, настолько это было нереально. Я не музыкант вообще, слуха и голоса не имею, к музыке отношусь спокойно, даже никогда не был фанатом музыки. Никогда никакой коллекции музыки дома не держал.

– И даже радио не слушаете? – обиделась я за усилия Варина с Архиповым.

– Очень редко, тыкаю кнопочки, и всё, – с легкостью признался Бочков в своем музыкальном профанстве. – Знаете, мы шутим иногда: «Музыку мы ненавидим». Я музыку ненавижу, я зарабатываю на ней. Это мой бизнес. Кстати, мне это помогает. Мы только что говорили о том, что хорошо попасть в пласт людей нефанатов. Для того, чтобы продать много, нужно понравиться большой аудитории, а большая аудитория – всякая, разношерстная. Я не фанат музыки, но я могу от чего-то приколоться. Например, мне нравится «Smoke on the water» и «Электричка» Алены Апиной, то есть я всеядный, и это мне помогает продавать музыку.

Видимо, в моих глазах застыло недоумение, которое

Александр перевел как: «А что же Вы тогда делаете на работе?», потому что он рассмеялся и пояснил:

– В какой-то умной бизнес-книжке было написано: когда жена приставала к мужу, который был директором, и спрашивала, что он делает целый день, он тоже озадачился этим вопросом и решил каждое свое действие записывать в блокноте. А когда вечером пришел и стал показывать жене, то получилось, что восемьдесят пять процентов рабочего времени он собирает информацию, а пятнадцать процентов времени – принимает решения. Вот вся должность генерального директора.

Ну вот, музыку он не любит, на работе непонятно чем занимается, да еще и по профессии не музыкант, а инженер.

– Назовите, пожалуйста, хоть один вуз, который готовит специалистов рекорд-индустрии? – Бочков бросился клеймить государство, не помогающее шоу-бизнесу. – Нет таких. Несколько лет назад появился курс по шоу-бизнесу при Академии народного хозяйства. Козырев там читал, по-моему, Пригожин тоже читал. Я не знаю, работает он еще сейчас или нет. Но в любом случае это курс при каком-то вузе. У нас в стране есть коды специальностей, но Вы не найдете там кода менеджера рекорд-индустрии, диджея или программного директора радиостанции, потому что их там нет. У нас таких специалистов не готовят. Практически все мы самоучки, кого ни взять.

Только начала задавать вопрос о том, сами ли звезды приезжают, в стразах и на лимузинах, к Бочкову заключать договора, как, обернувшись, чуть не соскочила с места раскланиваться: у двери стоял Илья Лагутенко. Правда, приглядевшись, чуть не перекрестилась, потому что это был не лично он сам, а его так называемый штендер, то есть рекламная фигура в полный рост.

– Контракт должен артист подписывать сам, – хохотнул на мою реакцию Александр.

В искалеченной извращенными рекламно-денежными отношениями России логично возникает вопрос: «Кто кому платит?»

– Мы платим артистам за права, платим за рекламу. Наше принципиальное отличие от дистрибьютеров в том, что в цикле проекта мы делаем рекламу и промоушен. Одно дело – иметь хороший продукт, например книгу, а другое дело – сделать к нему хорошую обложку и хороший промоушен, чтобы об этой книге знали. Я считаю, что реклама и промоушен – одни из ключевых моментов нашего бизнеса. И естественно, нюх – что кому нужно, хороший альбом или плохой. Часто бывает, что два первых альбома артиста продаются на ура, а на третьем альбоме

артист стухает. Так везде, звездочки зажигаются, а потом тухнут. А рекорд-компания – остается всегда.

– Каким образом рекорд-компания принимает решение выпускать того или иного артиста? – спросила я, не надеясь услышать ответ, что в шоу-бизнесе нужно со всеми спать.

– Собирается информация. Во-первых, анализируется сам музыкальный материал. Считаем ли мы его коммерческим...

– Вы признались, что не являетесь профессионалом в музыке. Что для Вас тогда является коммерческим?

– Так как я лох в музыке, я могу сказать, это хит или не хит.

– А что такое хит?

– То, что будет звучать из палатки. Для русского слуха важны: мелодика, особенно в попсе, правильность текста, хорошая современная аранжировка, и последнее – изюминка. Под изюминкой могут пониматься и особенности вокала, узнаваемость, необычность тембра. Такие голоса, как у Шуры2, Меладзе. Например, если я услышу новую песню в исполнении Меладзе, я точно скажу, что это Меладзе, потому что он узнаваем. А среди голосов Терлеевой, Дубцовой и Подольской можно запутаться.

– Как бы Вы оценили значимость голоса? – интересуюсь я, памятуя о том, что вокальными данными в шоу-бизнесе у нас называют не голос, а другие части тела.

– Если ранжировать, то мелодику можно поставить на первое место. Потом идет изюминка, куда входит узнаваемость вокала, другие особенности, иногда бывает, что песня на хит не тянет, а клип такой классный, что вытягивает песню.

– Какой, например, последний контракт Вы заключили, что это было, и по каким критериям Вы сочли, что это будет иметь успех?

– «Мумий тролль» 7.07.07, – заглянув в бумаги на столе, ответил Бочков. – Мы заключили контракт и за два месяца его выпустили. Это в первый раз, когда «Мумий тролль» работает со студией «Союз». Сейчас мы готовим еще один очень значимый проект, релиз, будем стараться его преподнести. Это будет альбом «Иллюзия» Константина Никольского. Он уже двенадцать лет не выпускал альбомов. Вы знаете, кто такой Никольский?

– Знаю его песню «Музыкант», – ответил блондинистый лох лоху музыкальному.

– У него было всего два альбома. А этот альбом он готовил двенадцать лет!

– Это еще не гарантия качества.

– Но я слышал.

– Но Вы же, прошу прощения, – лох.

– Как лоху, мне понравилось. Я думаю, что сейчас, в противовес всем девочкам и мальчикам, мы громыхнем этим альбомом. Это будем в двадцатых числах сентября. Наблюдайте.

– Давайте дадим надежду всем провинциальным девчонкам и мальчишкам со всей страны и расскажем, как с Вашей помощью стать звездой? С кем из последних неизвестных артистов Вы заключили контракт и почему? Что было критерием отбора?

– В последнее время трудно с молодыми артистами, – покачал неседой головой Бочков, по-седому сетуя на подрастающее поколение. – Они, пока не звезды, все податливы, а потом все происходит наоборот. Были, конечно, молодые лет пять назад. Мы молодыми начали очень плотно заниматься, брать на себя полный, так называемый «full», контракт, который включает в себя и концертную деятельность. Но, как оказывается, со второго или третьего альбома артист обычно кидает и рекорд-компанию и продюсеров.

– Фактически Вы не дали надежды никому. Значит, нет шансов пробиться сегодня молодому человеку?

– Почему же? – спросил меня Александр, как будто забыл, кто тут у нас и в прокуратуре вопросы задает. – Давайте вернемся на три года назад к проекту «Верка Сердючка». Всех сделал три года назад, как «МакSим» сейчас. Мы, кстати, выпустили сингл «Лаша тумбай», песня из которого заняла второе место на «Евровидении». У них сейчас контракт в «Уорнер» на всю Европу. Он хорошо продвигается, все правильно делает. Если у «МакSим» еще будет второй и третий альбомы, мы будем наблюдать, что будет происходить после такого головокружительного успеха. Я на девяносто девять процентов склоняюсь к тому, что они не будут успешными. Если она не будет слушать кого-то рядом, саундпродюсера или просто продюсера, то это два-три альбома – и до свидания. Я простой пример привожу. Ведь есть понятие «выстрелил», а есть понятие «долгожительство». Например, Алла Пугачева – долгожитель.

Я ее сравниваю с Мадонной, потому что она всегда, во все времена, была в поиске. Она выпустила один альбом с Паулсом, один альбом с Челобановым, один альбом с Кузьминым и т. д. Она всегда искала новые звуки и новых соавторов. Так и Мадонна – классика шоу-бизнеса. То у нее полная эротика, то она – мама, а в последнем альбоме – просто красавица, выкупила один кусок у «АББЫ». Зачем нужен новый альбом любому артисту? Я расскажу. Может быть, это войдет в Вашу книгу, кто-нибудь прочитает и захочет стать менеджером. Артист сделал первый альбом. Альбом получился удачный, зацепил определенную аудиторию, например, «МакSим» зацепила 12+ (подростки от 12 лет и

старше. – *Прим. авт.*). Дальше она сама взрослеет, и эта аудитория с ней взрослеет. Но если она выпустит такой же альбом, то останется с этой же аудиторией. С каждым альбомом аудиторию нужно расширять, желательно в сторону молодежи. Что делает Мадонна? У нее есть своя аудитория, она берет кусок «АББЫ», для того, чтобы сохранить свою аудиторию, потому что кусок ложится на ухо, и, например, мне, сорокалетнему, это нравится. Но при этом, саундмодный, в клипе она худенькая, танцующая, и мальчишки бегают по лестницам – это сейчас в Америке и Европе самая модная штука, уличный спорт. Она делает это в клипе, для того чтобы цапануть молодую аудиторию. Ее опять слушают от двенадцати до пятидесяти. Вот это классика!

– Вы сказали, что «Мумий тролль» все свои альбомы выпускал в разных компаниях. Почему артист может уйти от рекорд-компании? – обнаружила я еще один вектор конфликтов в шоу-бизнесе, кроме классического – «артист-продюсер».

– По поводу артистов есть две пословицы, – решил добавить мне в книгу фольклора Александр. – Первая пословица: куда ни поцелуй – там везде задница. Это шоу-бизнес, можете даже в книге написать. Вторая пословица говорит, что все артисты ранены в голову, причем снарядом.

– Ну вот, а мне казалось, что в предыдущих интервью тема «звездной болезни» уже исчерпана.

– Я очень просто к этому отношусь, – странно, если бы один из лидеров шоу-бизнеса, который ездит на метро, не был простым. – Я думаю, что все творческие личности немножко сумасшедшие, особенно талантливые. Поэтому и процветает алкоголизм, наркомания и т. п.

Ну вот, и эту тему я больше не хотела поднимать. Но нет, все-таки шоу-бизнес. Но сначала еще немного о «звездной болезни».

– Я на эту тему не хочу рассуждать, – посуровел Бочков, – потому что ни Вы и ни я ни разу не стояли на сцене, где двадцать тысяч человек поют твои песни, разрывают рубахи или кидаются в тебя лифчиками, потом стоят в очереди, чтобы получить твой автограф. Мы этого никогда не ощущали. Поэтому трудно об этой болезни что-то говорить, если самому не попробовать. Может, это действительно наркотик своего рода.

Журналиста долго не нужно уговаривать уцепиться за слово. Наркотики так наркотики.

– Это последствия каких-то особенностей шоу-бизнеса? Вы, кстати, наркотики не употребляете?

– Нет, больше по водочке, – улыбнулся Александр. – Наркотики – это, во-первых, последствие «звездной болезни», во-вторых, последствие шальных денег, которые вдруг свалились на

голову, особенно у молодежи от этого сносит «башню», от быстрых денег, которые вдруг появились в течение года, причем тоннами.

– У нефтяников тоже тоннами, – не унималась я в поиске истины и постепенно вульгарнела, уподобляясь шоу-бизнес-жаргону, – вон Абрамович зарабатывает по нескольку миллиардов долларов в год. Это такой обвал, покруче будет, чем в шоу-бизнесе.

– Они зарабатывают планомерно, – не соглашался интервьюируемый сравнивать шоу-бизнесовский палец с нефтяной яичницей, – от должности к должности, годами. Они к этому идут. А тут, сделав альбом, хорошо гастролирующий артист может зарабатывать несколько миллионов долларов в год. Большие деньги плюс большое самомнение как следствие «звездной болезни»... И вся тусовка такая. И мозг нужно разгружать. Представляете, что такое гастролирующий артист! Это постоянные переезды, гостиницы, чужие полотенца и т. д. Это различные города, села и веси, причем многие из них не такие красивые, как Москва. Это куча поклонников, это «давай, выпьем со мной» и т. д. От этого появляется огромная моральная усталость, и хочется разгрузить мозг.

Прошу провести ликбез о происхождении миллионов у звезд.

– Доходная часть артиста состоит из двух основных частей: одна – рекорд, а другая – концертная деятельность. Рекорд – наиболее сложен и проблематичен. Эти части связаны между собой. Если ты не будешь выпускать альбомы, то ты не можешь продаваться на концертах. Поэтому ты должен продавать альбомы. А альбомы продавать тяжело, потому что рынок пиратский, правительство так толком ничего не сделало, чтобы его легализовать, Интернет полностью пиратский, и я думаю, что там тоже ничего не сделают.

То есть для артиста сейчас диски и Интернет – это только способы промоушена, «нате, слушайте». Лагутенко на презентации у нас в магазине, не знаю, что ему стрельнуло в голову, но он сказал: «Не покупайте мой альбом, а скачивайте бесплатно в Интернете». Может, он так пошутил. Ему главное, чтобы слушал народ, хотя и пластинки, слава богу, нормально продаются. Но для него это способ промоушена. Теперь о второй части, концертной деятельности. Ее тоже можно на две части разделить. Концерты кассовые, клубы, ДК – это одно. А есть понятие «заказники» – это второе. Кто себе создал имя, и кого полюбили, например старая когорта: Пресняков, Варум, Кузьмин, Апина, Распутина, Киркоров и т. д., у них процентовка больше за заказную часть, корпоративки. Причем эта часть – самая

высокооплачиваемая, потому что это эксклюзив, когда люди приглашают артиста к себе, чтобы он спел на дне рождения. Я знаю, сколько примерно доходит у западных артистов. Чтобы западная звезда приехала на какой-то корпоратив, это начинается минимумом от двухсот пятидесяти тысяч евро и заканчивается полутора миллионами. Российские звезды, я думаю, зарабатывают от пятидесяти и выше. Это зависит от того, какое время года, праздник – не праздник, Новый год и т. д. У нас была молодая группа на плотном контракте. Так вот, в новогоднюю ночь эта молодая группа сняла микроавтобус и дала шесть концертов.

– А Алла Борисовна, наверное, уже не гастролирует? Или только на корпоративках?

– Не знаю. – Бочков хоть и откровенный парень, но все равно мысленно отправил меня за информацией к первоисточнику. Хотя потом все-таки сжалился. – Она если и выезжает на какой-то концерт, то, наверное, такой гонорар объявляет, что не все могут себе позволить. Я так думаю, что она дает десять концертов, но по полмиллиона, и ей хватает. Можно давать тысячу концертов по три тысячи, а можно десять по полмиллиона.

– А минимум?

– Лена, Вы меня за концертную деятельность не теребите. Она очень специфична, в ней очень долго нужно нарабатывать связи. В ней есть и откатные дела… Представляете, что такое сентябрь в России? Представляете сумму бюджетных средств, которые тратятся на Дни городов? Обычно они попадают на конец августа – начало сентября. У каждого приличного города есть День города, на который выделяется конкретное количество денег. И первое, что проводится на Дни городов, – это бесплатные концерты для толпы. Артисты при этом получают свои гонорары. Компании, которые обеспечивают приезд артистов, тоже зарабатывают.

Зная, что администратор звезды получает десять процентов, предполагаю, что компания, обеспечивающая их приезд, может получать столько же. Но не тут-то было.

– Может быть, плюс сто. Я сегодня читал в Интернете, что вчера вице-губернатора какой-то области поймали на том, что он брал откат порядка двадцати пяти процентов. Я думаю, что в России это нормальная ставка, если речь идет о бюджетных деньгах.

Заговорили о том, почему сборники так популярны в нашей стране.

– Компиляции (сборники. – *Прим. ред.*) популярны у нас из-за извечной жажды получить халяву, – отрезюмировал характерную

черту россиянина Александр. – Лучшие песни из всех альбомов на одном диске по одной цене! У нас же нет рынка синглов. Вы в Париже живете? У вас же «Fnac» один из самых сильных рынков, наверное, и «Virgin» есть. Когда заходишь во «Fnac», а мы летали недавно на «Медем» (музыкальная выставка в Каннах), первое, на что натыкаешься, – «Топ сингл». А у нас рынка синглов нет. У нас все синглы в одном диске.

– Кто сегодня больше всех продается на носителях? – щеголяю новым для меня рекорд-термином.

– После «МакSим» я бы поставил Сергея Трофимова. Когда мы говорили о специфике вокала, мы забыли огромную тему шансона. По продажам бьет рекорды. Например, Надежда Кадышева и «Золотое кольцо». Мы работаем с ней уже десять альбомов, и Вы не представляете, какие тиражи продаются у аудитории 40+. Хотя я знал молодежь, которая под водочку поет «Течет ручей, бежит ручей...». Причем если брать «Золотое кольцо», это один из тех немногих случаев, которые востребованы на концертах, именно на кассовых концертах. Если «Золотое кольцо» приезжает в город, то собирает сразу минимум стадион. У Сердючки последний альбомчик послабее, но тоже неплохо продается. Если у Вас есть три минуты...

У нас есть компьютерная программа, которая показывает в он-лайн все продажи во всех магазинах. Мне кажется, что Ваша книжка скучная получится, я очень далеко в бизнес зашел.

Я убедила его не недооценивать интеллектуальные возможности моих читателей. Всем интересно то, что они не могут прочесть в «желтой» прессе.

– Я думаю, что «Мумий тролль» хорошо продается, – заглянул в сложную компьютерную схему Бочков. – Недавно Любу Успенскую выпустили из того же шансона. Валерия, ее второй альбом с Пригожиным – один топ по продажам. Трофим – первая позиция, «Машину времени» не мы выпустили, продается хорошо, но мне не очень понравилось. Пелагея, «МакSим», Успенская, «Наутилус Помпилиус», но это старое издание. Кстати, если брать новые имена, Стас Михайлов появился год назад, тоже из шансона, неплохо продается. Поймите, мы все живем в информационном пространстве. Далеко не все то, что нам показывают по телевизору, прямо на девяносто процентов, хорошо продается. Обычно происходит наоборот, кто больше всего показывается по телевизору, почему-то плохо продается на носителях. Массмедиа уже перегнула палку своим навязыванием того, что нравится им, всем этим программным директорам, всей этой тусовке. А реально народу другое нравится.

И этой кучи девочек нет в топах. Пример моих слов – Тимоти,

который не вылезает из телевизора, постоянно с Ксенией Собчак на «Муз TV», постоянно клипы. Сравните, сколько продано за этот период нового альбома Тимоти и Трофима. В десятки раз больше продано у Трофима.

– А ротация на радио прямо пропорциональна продажам? – спрашиваю.

– Не всегда, – отвечает. – Здесь много вкусовщины. У программных директоров свое видение хита. А у меня свое видение. Когда я собираю сборник, мне говорят купить некую песню за десять тысяч долларов, потому что она ротируется. А она мне бесплатно не нужна, потому что не нравится.

Снова пригодился вопрос, который я уже сегодня использовала: «Кто кому платит?» с небольшим дополнением «Сколько?»

– Мы платим либо рекорд-компании, если это их права, либо самим артистам. Самый большой бюджет – от трехсот тысяч долларов за альбом плюс роялти, которые, примерно как на Западе, артист должен получить 20 процентов от оптовой цены.

Несколько слов о спорте, то есть о массмедиа.

– Массмедиа – это огромная тема в рекорд-бизнесе, которая затрагивает проплатные клипы на «Муз TV», взятки на MTV и т. д. Я бы сказал, что «Топ-хит» начинали хорошо, а сейчас они за деньги вывешивают столько дерьма. Руководители «Топ-хита» должны спасибо сказать, если рекорд-компания с ними сотрудничает без вопросов. Но при этом они говорят, что сайты превращаются в дерьмо, потому что слишком много проплатнухи. На радио же ставят или просто потому, что понравилось, или из-за отношений с артистами, причем отношения складываются так: «Вы нас крутите, а мы у вас на концерте выступим». Для молодых артистов все намного тяжелее. Парадоксально, но если брать законодательство, то это радиостанции и каналы должны платить артистам. Мы сделали клип – заплатите, пожалуйста, за то, что вы его показываете в эфире. Сделали фонограмму – заплатите за то, что вы ее взяли в ротацию. Но у нас всё по-другому.

Спрашиваю, с кем из звезд он дружит.

– Почти со всеми, с кем мы работали, у нас сложились хорошие отношения. Могу назвать Валерию с Пригожиным, Костю Никольского, Михаила Танича из группы «Лесоповал», выпускаем их пятый альбом. В очень хороших отношениях с Александром Костюком и Надеждой Кадышевой из группы «Золотое кольцо», с ребятами из «Воскресения».

Не могу не спросить про «поющие трусы».

– Это отдельная смешная тема, – улыбается Бочков. – Вы знаете, я отношусь к этому достаточно спокойно. Например,

приходят денежные люди, заместители олигархов или сами олигархи и говорят, что хотят что-то сделать из дочки или любовницы. Я никогда не хочу брать деньги на что-то, что не смогу выполнить. Но шоу-бизнес – вещь непредсказуемая. Чтобы остаться в хороших отношениях, я всегда задаю такой вопрос тому же олигарху: «Для Вас это хобби или Вы планируете это когда-то вернуть?» Конечно, он говорит: «Это хобби, но хотелось бы вернуть». Тогда я говорю, что я готов при условии, что Вы четко понимаете, что тратите их для того, чтобы сделать приятное Вашему протеже. Играют же люди в гольф и не получают за это денег, за исключением тех, кто занимается этим профессионально.

– А мне казалось, что стоимость игры в гольф существенно ниже стоимости альбома начинающего артиста.

– Хорошо, – соглашается Бочков, – бывают у людей другие высокобюджетные хобби. И я отношусь к этому именно так. Мы готовы сделать все, что от нас зависит. У нас есть лейбл, наше имя, связь с собственными магазинами, мы знаем, как дешево произвести и упаковать, мы знаем массмедиа, которым можно предложить. Мы знаем, где снять клип, куда его разместить, как сделать так, чтобы это имело шанс на выход. Но я всегда говорю, что если Вы через два года придете и скажете, что потратили полмиллиона, а где деньги – это не ко мне. Потому что очень много примеров, подобных историям Пригожина и Авраама Руссо или Кати Лель и ее продюсера. И если заранее, до того как ты потратил первую копейку, это не оговорено, то все заканчивается именно так. Кто-то инвестирует деньги, и если проект удается, артист говорит: «Это я великая, а не твои деньги меня сделали», как в случае с Катей Лель. У Авраама Руссо тоже был инвестор, вливал деньги.

С кем из звезд он больше не хотел бы встречаться?

– Опять же это тема молодых артистов, – вернулся к наболевшему Бочков. – Лет пять назад мы сделали полный контракт с группой «Леприконцы». Это была обыкновенная минская группа, играющая в своих маленьких клубчиках. Мы поверили в альбом, сняли три клипа...

Вопрос «сколько?» в книге о шоу-бизнесе я, похоже, затру до дыр:

– Сколько стоит сегодня производство клипа?

– Можно снять за пять, а можно за сто пятьдесят тысяч. – Бочков, наверное, имел в виду доллары. А может быть, и евро. – Смотря, какой клип. Можно кататься на «Жигулях», а можно на «BMW». Значит, сняли три клипа, все пошло на радио, ребята начали гастролировать. Мы отмазывали лидера группы от армии,

покупали им костюмы, гитары, снимали квартиру в Москве, делали регистрацию, чтоб менты не цеплялись. А после второго альбома они сказали, что мы – козлы.

Интересуюсь, в чем заключалась предположительная причина «козловства» рекорд-компании «Союз».

– В том, что они – великие, а мы – не великие. А мы послушали их третий альбом и поняли, что группа исписалась. Мы немножко заработали денег и сказали до свидания. И где сейчас эта группа?

Я предположила, что нигде, и угадала.

– Мы занимались еще одной молодой саратовской группой «Ахи, вздохи», – продолжал клеймить начинающих артистов Бочков. – Причем клип на хит «В голове ни бум-бум, малолетка дура дурой» сняли обалденный, купили костюмы, взяли девчонок на подтанцовку и все первые альбомы продали успешно, даже на Западе винил вышел, назывался «Рашен бразерс дура дурой», то есть они имели шансы выпускаться на Западе. А если брать весь российский шоу-бизнес, то успех «Тату» вряд ли кто-то повторит. Так вот, эти парни из «Ахи, охи» начали выделываться. Если бы они были действительно мега-успешными, мы бы пытались сохранить отношения. Но у нас нет в стране контрактной системы, у нас нет страховки контрактов.

Уточняю: «Означает ли это, что артист безнаказанно может не выполнять условия контракта?»

– Конечно, – подтверждает еще одно несовершенство законодательной базы стармейкер. – Ну не пишется ему второй альбом, хоть ты десять по договору на будущее планируй.

К тому же, по законодательству, мы не можем заключать контракты на несуществующие произведения. Тогда нам приходится применять неприятные адекватные меры в ответ... Наш бизнес, с одной стороны, интересен, но с другой стороны, ты не можешь не ошибаться. Студия «Союз», которая была практически монополистом до 1998 года, владела восьмедесятью процентами российского рынка. Естественно, кризис самых больших сильнее всех грохнул. Мы долго выкарабкивались после этого. Нас сто раз хоронили. Но, как видите, мы выпускаем еще звезд, – улыбнулся Александр и подвел меня к Лагутенко, то есть к двери.

Глава десятая
Алла Довлатова, ведущая «Русского радио»

О том, сколько зарабатывают телеведущие, о грязи в «желтой» прессе, а также о том, почему Басков – обаяшка, Кузьмин – выпивоха, а Гурченко – скандалистка

Дабы пополнить мои познания о миллионерах шоу-бизнеса, я решила по-приятельски поболтать и, по-журналистки, выведать горячую информацию об этих самых миллионерах у человека, который с ними сталкивается почти ежедневно по работе и наверняка хорошо знаком с изнанкой шоу-жизни. Алла, как девушка великодушная, согласилась поделиться со мной секретами из-под полы. А если точнее, то на ней была не пола, а коротенькая мини-юбочка, из-под которой виднелись стройные загорелые ножки.

Мой первый вопрос был, можно ли стать в российском шоу-бизнесе миллиардером.

– Я считаю, что стать и миллионером, и миллиардером в шоу-бизнесе можно, – уверенно высказывается мой обаятельный консультант. – Например, если хочешь стать певицей, раньше решали всё талант или связи, то есть можно было пробиться без денег, то сейчас все понимают, что пробиться без денег нельзя. Красивая девушка, богатый спонсор – можно считать, что успех гарантирован. Миллионером можно стать, но закрепиться и получить народную любовь, не уверена... То есть существует два понятия: известность и популярность, так вот, мне кажется, что любовь за деньги купить нельзя. Поэтому все равно нужен толчок...

Я готова была полемизировать и поэтому переспросила:

– То есть в нашем шоу-бизнесе реально стать миллиардером, как Элтон Джон?

– Нет, стать, как Элтон Джон, в нашей стране тяжело, несмотря на то, что у них есть налоги, а у нас их нет, все равно порядок цифр другой. Но если ты вложил пять миллионов долларов в девушку, если она талантливая, когда-нибудь эти деньги отобьются. Сначала отобьются, как в любом бизнесе, а потом начнешь зарабатывать. По логике, это все равно зависит от

того, насколько удачен проект, репертуар и прочее.

– С легкой руки Ларисы Долиной, если я не ошибаюсь, любовниц и других членов семей богатых спонсоров, которые носят за ними чемоданы с наличкой на оплату продвижения, в шоу-бизнесе пренебрежительно называют «поющие трусы».

– Она понимает, о чем она говорит, – кивает моя собеседница, – ей, в какой-то степени, обидно, потому что она добивалась всего этого талантом и трудолюбием. Хотя в старые добрые времена, наверное, тоже были такие певицы, которые «трусами» зарабатывали, вернее, не совсем трусами, а тем, что под ними. Но тогда всё решали связи, а не деньги. Мне кажется, не надо говорить, что сейчас все испортилось. Конечно, раньше талантливому человеку без денег пробиться было легче, теперь это практически не реально. Единственное, есть плюс, что бывают люди бескорыстные, которые помогают не только своим девушкам, но и могут вложить деньги в талантливых людей, либо для того, чтобы просто помочь молодому дарованию, либо потому, что надеются на этом заработать. Это не миф, если это действительно талантливый проект, на этом можно заработать.

Спрашиваю, на чем сегодня можно зарабатывать в шоу-бизнесе большие деньги.

– Это концерты, – охотно откровенничает моя визави. – На Западе концертный тур не приносит больших денег, а дает промоушен диску, на котором зарабатываются деньги.

У нас на диске не заработаешь, поэтому артисту остается пахать, ездить и работать. Так было всегда, Пугачева говорила, что приходилось давать по три, по четыре концерта в день, и все это на живом звуке. А потом мы говорим: «Ой, что такое, у Аллы Борисовны голос». А как же, если в таком режиме работать, если три концерта в день, перелеты, переезды, постоянные недосыпы, определенное снимание стрессов. Ведь это жуткий стресс, когда человек живет в таком режиме. Естественно, что артист, к сожалению, изнашивается. Поэтому наши артисты, не потому, что они ведут неправильный образ жизни, не берегут, не щадят, не любят свой организм, а потому, что жизнь у нас тяжелее и все труднее. А за счет этого только и можно заработать.

Заговорили о гонорарах других участников шоу-бизнеса – телеведущих.

– Вот гонорары удачливых телеведущих примерно такие же, как гонорары звезд нашего первого эшелона поющих. То есть от пятнадцати тысяч евро до сорока тысяч за одно выступление. Не за выход в эфир, а за халтуру ведения вечеринок. Хоть это и называется халтурой, ведущие не халтурят, а все так же выкладываются и получают гонорары.

А сама по себе телевизионная зарплата в месяц таких ведущих, как Малахов или Галкин?

– Галкина – не знаю, Малахова – невелика зарплата. За его ежедневные эфиры он получает десять тысяч долларов в месяц.

– И при этом, я слышала, ведет корпоративные вечера не меньше, чем за двадцать пять тысяч долларов.

Да, пока не забыла, интересуюсь, кто из звезд приятнее всего за кадром.

– Очень много людей, которые мне симпатичны, я боюсь кого-то не назвать. Самые яркие, кто с первого раза меня очаровал, – это Валерия, Коля Басков, обаяшка, потому что в нем нет зависти, Малахова я очень люблю, он очень хороший. Киркорова я очень люблю, независимо от того, что у него случается в жизни. У него был день рождения, я ему позвонила, поздравила и очень хотела увидеть и поздравить. А он говорит: «Знаешь, такое плохое настроение у меня, депрессивное состояние в это сорокалетие, сижу один и грущу, никому не хочу портить настроение». Такое бывает в жизни у человека, но при этом, он – солнечный человек, никому зла не желает. Таня Овсиенко – очень душевный человек, у нее светлая душа, и сердце очень доброе.

– А кто разочаровал?

– Гурченко. Хотя я ее безумно уважаю как личность, на мой взгляд, она гениальная актриса. «Вокзал для двоих» – шесть «Оскаров» на одного человека. Смотрю на нее и наслаждаюсь в кино, несмотря на тот странный эпизод, который был у нас с ней в жизни. Я на нее зла не держу, наверное, у нее были какие-то основания. Я не хочу рассказывать этот эпизод, но в общих чертах – злость и скандальность. Я так ее всегда сильно любила, что выплеск ее эмоционального негатива меня очень сильно расстроил. Может, это от усталости у человека такой выплеск. У нее очень непростой характер. Но с другой стороны, Стас Садальский.

Я очень часто работаю со Стасом, он часто говорит прекрасную фразу: «А простые на заводе работают». Наверное, и там не всегда простые работают, но в данном случае я же не знаю ее жизни, не знаю, что руководит ею. Потому что бывает, когда люди болеют, плохо себя чувствуют, может быть, усталость от жизни таким образом выражается. Нельзя судить человека. Я стараюсь никого не осуждать, а если все-таки осудила, потом сама себя по языку побью и по рукам.

– А у кого из молодых неожиданно и не очень справедливо рождается «звездная болезнь», и это смешно выглядит?

– Малахов очень обиделся на певицу «МакSим». Я не осуждаю ни одну, ни другую стороны, а случай был такой. У нас с ним

«Золотой граммофон», «МакSим» долго держится на первом месте, в прямом эфире Андрей берет распечатку, а информации мало. Я думаю, что пресс-служба певицы плохо работает, потому что можно сайт сделать, дать телефон пресс-атташе, чтобы со всеми вопросами туда обращались. Если бы это было сделано, Андрей – мегапрофессиональный человек – сначала бы попросил своих редакторов позвонить и проверить информацию. Потому что журналист с большой буквы информацию всегда проверяет. Вот, времени мало, нужно что-то дать, а Малахов любит перчинку достать – публика требует. Он в Интернете прочитал интервью «МакSим», где она говорит, что лишилась девственности в восемь лет. Я, конечно, в шоке. Прямой эфир – думать времени нет. Какая реакция нормального человека, причем матери двоих детей?! Я говорю: «Бедная мама! Какой кошмар!» Искренне так. Моему ребенку семь с половиной лет. Я была в ужасе. На следующий день нам сказали: «Да вы с ума сошли, „МакSим“ в трансе, ее мама в трансе, это все неправда». Я сказала, что позвоню из эфира Малахову и он попросит у нее прощения.

Я ему говорю: «Андрюша, как-нибудь мягко». А он говорит: «Ладно». Выходят они в эфир, и она начинает на него гнать, причем, с одной стороны, я понимаю ее затронутые чувства, но с другой стороны, чувствуется, что она – будущая «акула», то есть палец в рот не клади. Она стала его отчитывать, как пацана. Это ужасно. Это было недопустимо. Он все-таки мой друг. Я была между двух огней: на нее не могу напасть, отчасти она права – в этом мире нельзя себя давать в обиду, а с другой стороны, его жалко. Малахов говорит: «Хорошо, я больше о Вас ничего не скажу, либо пусть Ваш пресс-атташе каждую неделю присылает о Вас информацию, объективную и проверенную, или пусть он следит за тем, что пишут в Интернете.

Заговорили о сногсшибательных гонорарах, которые некоторые заказчики готовы платить, лишь бы получить звезду на свою корпоративную вечеринку. Спрашиваю, кто сегодня самый дорогой.

– Я думала, честно говоря, о Баскове, хотя это может быть и Билан. У Билана сейчас зарубежные гонорары. Я не считала чужих денег. Но, судя по тому, что читала в Интернете, это может быть Билан, Коля или, может быть, Галкин. У Аллы Борисовны самый высокий гонорар, но она не так часто выступает. Новогодние гонорары звезд в этом году достигали ста пятидесяти тысяч евро за выступление. С одной стороны, это хорошо, но когда узнаёшь, что наши люди заказывают бывший западный коллектив и за вечеринку платят три миллиона долларов, то наши с гонораром в сто пятьдесят тысяч евро выглядят как-то

жалко. У «Виагры» тоже очень высокие гонорары, которые платят мужчины. Я бы позвала Баскова, но мужчины заказывают на свой вкус и платят за классный внешний вид. Я бы позвала «ПМ», это бывший «Премьер-министр», они на одной свадьбе так классно отработали, и я подумала, что если бы у меня возникли какие-нибудь празднования и я могла бы заплатить деньги, я бы их позвала.

– Я слышала, что Кузьмин взял семь тысяч долларов с Олега Твердовского, нашего хоккеиста, привезшего в Россию Кубок Стэнли. Вернее, я там была. Кузьмин приехал пьяный, не попадал в ноты, и после первой песни жена Твердовского Наташа, которая организовывала вечеринку, сказала в слезах: «Спасибо большое и до свидания». Ей было дико стыдно перед гостями.

– Часто ли случается, что артисты не выполняют свои обязательства по каким-либо обстоятельствам?

– С Кузьминым была история несколько лет назад, когда я вела с Игорем Верником корпоративку на Новый год, мы Кузьмина ждали час. Мы должны были его выпустить в двенадцать часов, а был уже второй час ночи, мы выпустили другую группу и сказали, что когда Кузьмин приедет, то пусть объявляет себя сам.

Заговорили о вечной теме конфликтов между курицей и яйцами, то есть между продюсерами и их подопечными птенцами-звездами. Некоторые расстаются так плохо, что потом не имеют права использовать свое собственное сценическое имя. Я вспомнила профессиональные «разводы» Кати Лель и группы «Премьер-министр» со своими «кормильцами», не говоря уже о нашумевших скандалах Авраама Руссо или Шульгина с Валерией.

– Не все ругаются, – успокаивает меня моя оптимистическая оппонентка, – просто в какой-то момент, как в причине революции, низы не могут жить по-старому, а верхи не хотят. – Валерия и Шульгин – это семейная пара, здесь другая история. Не все семейные пары, расходясь, могут сохранить рабочие отношения, тем более когда расходятся по-плохому. Тот же покойный Айзеншпис разошелся со Сташевским, но он же не разошелся с Биланом…

«Может быть, не успел», – мелькнула у меня коварная мыслишка.

– Что касается обычной ситуации, – продолжала моя собеседница, – когда продюсер набирает коллектив, то расходятся они скорее от жадности. У продюсера возникает жадность, потому что артистам, которые много работают, платятся определенные деньги. Почему у «Блестящих» таких вариантов нет?

Я возразила, что как раз в женских группах самая большая

текучесть кадров.

– Нет. Я все сейчас расскажу. Оля Орлова из «Блестящих» вышла замуж, Жанна Фриске выпадала из группы по возрастному цензу. Именно продюсер «Блестящих» Шлыков ее оставил сольной артисткой, и она по-прежнему работает с ним. Аня Семенович проработала в группе три года и ушла, потому что у нее появился новый телевизионный проект. Там не было разводов, потому что когда Анна Семенович пришла в группу, она получала одну зарплату, девчонки получали больше, потому что уже давно работали. Через несколько месяцев она получает прибавку, потом еще прибавку, в конце концов через некоторое время она получает одну зарплату с девочками. И им периодически поднимают ставку. То есть нет такого, что ты пришел и сидишь на своей голой зарплате. Почему от Матвиенко не уходят артисты? Сколько лет у него «Любэ», «Иванушки», с «Корнями» никаких проблем нет! То есть все зависит от продюсера. Нежадный человек удерживает своих артистов. Есть, конечно, случаи, когда у артиста едет «крыша».

Пользуясь случаем, предлагаю обсудить такой феномен шоу-бизнеса, как «звездная болезнь». Заодно интересуюсь, есть ли ее признаки у моей собеседницы.

– У всех они есть, – честно кивает она. – И мне кажется, что чем больше вложили когда-то родители, чем больше они объясняли правила поведения, чем больше у человека мозгов в голове, чем позже к нему пришла слава, тем больше все это уменьшает возможность «звездной болезни» взять его за горло. Хотя, наверное, все равно бывают какие-то приступы. Важно, чтобы рядом был человек, который мог бы тебе на них указать. Она протекает по-разному. Чем воспитаннее и культурнее человек (я не могу сказать, образованнее, потому что образование и культура иногда не совпадают), тем «звездной болезни» тяжелее с ним бороться. У него есть какой-то иммунитет, и он противостоит. Хотя приступы наверняка бывают у всех.

– А как бороться с грязью, клеветой и «желтой» прессой?

– Бесполезно, – машет рукой мой блондинистый консультант. – Нужно не обращать на это внимание. Конечно, ужасно злит, когда ранят не тебя, а твоих близких. Это всегда ужасно. Я не знаю, как с этим бороться, потому что это зло, которое искоренить невозможно. Хотите, расскажу? Сегодня разговариваю с журналистом из «Каравана истории». Она делится со мной ужасной историей. К бедной Вере Жигуновой, бывшей жене Сергея Жигунова, повышенный интерес у «желтой» прессы в момент их развода. Они звонят Вере и говорят: «Здрасте, это „Караван историй“, хотим сделать с Вами съемку». А у нее там

подруга работает. Она говорит: «Хорошо, позвоните моему директору». И она дает телефон одного из ведущих журналистов этого издания. Подруге звонят, и та понимает, что кто-то, я не буду называть эту «желтую» газету, прикидывается журналистом «Каравана». Соответственно она выводит их на чистую воду. Те успокаиваются. Дальше звонит Вере сам Жигунов и говорит, что сейчас будет звонить его адвокат, и просит ее обсудить с ним все нюансы раздела имущества. У них нормальные отношения. Проходит несколько минут – звонок: «Здрасте, это адвокат Сергея Жигунова». Вера обсуждает все тонкости. На следующий день в газете «Жизнь» или «Твой день», это практически одно издание, на первой полосе выходит эксклюзивное интервью Веры на тему: «Я боюсь остаться без копейки денег».

Полностью разделяю ее возмущение из солидарности с теми, кто находится по нашу сторону баррикад и не раз страдал от коварной «желтой» прессы. Расцеловываемся с моей симпатичной и веселой собеседницей и бежим каждая по своим шоу-делам.

Глава одиннадцатая
Олег Попков, композитор

О том, кто начал в шесть лет и написал тысячу песен, о том, сколько стоит песня, о том, кто не любит «Сливки», а любит Аллу с Филиппом, а также о том, кто повышает в стране рождаемость

Свое знакомство с композитором Олегом Попковым я описала в книге «отЛИЧНОЕ...». Чтобы не пересказывать того же самого, приведу здесь отрывок из книги. Боже, какое счастье, что цитировать саму себя можно без ограничений и обязательного упоминания автора. Хотя автора могу и назвать – Лена Ленина:

«Бывая в России, я всегда слушаю русскоязычные музыкальные радиостанции, а покупая диски, изучаю внимательно имена композиторов, аранжировщиков и музыкальных продюсеров понравившихся мне песен. Так со временем выкристаллизовались три фамилии российских композиторов, к творчеству которых я была особенно чувствительна.

А иногда я даже узнавала стиль любимых композиторов задолго до того, как видела, в качестве подтверждения, их фамилии в титрах. Они мне были хорошие знакомые даже если не знали о моем существовании. Мне казалось нереальным познакомиться с ними, такими удивительными и возвышенными творческими людьми. И обычно бодрый во мне «танк» робел и тушевался, стесняясь проявить инициативу.

Одним зимним вечером я была в гостях у моей подруги – известной бизнес-леди, возглавляющей крупнейшее предприятие в своей отрасли бизнеса. Настроение было лирическое, а атмосфера неофициальной, видимо, поэтому она неожиданно захотела мне спеть. Я не догадывалась, что она поет, а она не делала это публично. Она присела за рояль и красивым поставленным голосом спела прекрасную песню на английском языке. Моему удивлению не было границ, во мне проснулся агитатор, и я, взобравшись на баррикаду, произнесла пылкую речь об относительной длине жизни, необходимости самореализации и неправомочности скрывать от российского народа, представителем которого я являюсь, такие таланты. Я

развила бурную деятельность и решила найти композитора, который напишет ей русскую песню, чтобы вся страна ее пела, не догадываясь, что исполнительница в это время трудится на ниве крупного бизнеса.

«Танк» ринулся в бой и первую жертву своих агитаторских способностей наметил в лице одного питерского композитора, Олега Попкова, выступавшего часто в качестве композитора Тани Булановой, Филиппа Киркорова, Аллы Борисовны и Кристины. Найти композитора в городе, в котором я никогда не была, непросто. Но у меня был один телевизионный приятель, тесно сотрудничавший с питерским губернатором того года. Поэтому в квартире у ни о чем не подозревавшего питерского композитора прозвучал звонок из аппарата губернатора с просьбой связаться в Париже с Еленой Лениной по такому-то номеру телефона. Обеспокоенный композитор позвонил сразу же. Мне уверенности придавала мысль, что прошу не за себя, и мы договорились о встрече в Москве.

На встречу я привезла подругу. Композитор приехал сам. Я поискала глазами баррикаду, не нашла, но нашла в себе силы и сагитировала за подругу на автопилоте. Композитор пообещал написать песню. На том и расстались, все друг от друга в экстазе. Особенно я.

Через месяц – а оказалось, что композиторам удобно писать песни раз в месяц, – у меня на горе Куршавеля в кармане комбинезона, прямо на фуникулере, зазвенел мобильный. Звонил композитор отчитаться, что написал песню, и просил подъехать на запись. Но не подруге, а мне. А ей позже напишет (что, кстати, он потом и сделал). Я от неожиданности чуть не вывалилась из фуникулера. На календаре утро 30 декабря, завтра Новый год и семья ждет подарков. А главное, я не умею петь. Ну, разве что под душем. Это мало кого волновало. Видите ли, вдохновению не прикажешь. Кому уж написал, тот пусть и радуется. Тот и радовался. Песня про меня, поэтому руки в ноги – и в студию. Легко сказать, я на горе. Но я девушка отчаянная, да и от такой роскоши, как песня, не отказываются. Поэтому мой маршрут выглядел так: гора – отель – такси– вокзал – поезд – Париж – такси – аэропорт – Санкт-Петербург – минус тридцать градусов – такси – студия, и все это за каких-то пятнадцать часов. Олег и его студия хорошо подходили друг другу – и тот, и другая были внушительных размеров и выглядели вполне современно. За несколько часов, с перепугу, записываю свою первую в жизни песню в профессиональной студии, иногда даже ловко попадая в ноты. Этим творческим людям все равно когда работать – в ночь ли, в Новый год ли. После записи я поспала в отеле всего каких-

то четыре часа – что на четыре часа меньше нормы, которую обычно выполняю. Когда будильник зазвонил, я приоткрыла один глаз, надеясь, что будильник провалится сквозь землю, но ничего не получилось. Приняла душ и обратно: такси – аэропорт Санкт-Петербурга – самолет – Париж – такси – Парижский вокзал – поезд – такси – отель – ресторан – праздничный стол около елки, а за ним маменька, сыночек и брат. Приехала за час до Нового года и даже успела всем выдать заранее заготовленные подарки.

Композитор позвонил недели две спустя и сказал, что ему понравилось, как получилась песня. Сказал, что удивился «неожиданной бархатистости и природной красоте голоса, наличию музыкального слуха при полном отсутствии музыкального образования». В этом месте я хотела возмутиться и поведать о двух годах каторжной работы с преподавателем фортепиано, но решила не дискредитировать ни в чем не повинного педагога. Говорил про какие-то мелизмы в голосе, да и другие непонятные мне слова произносил. Суть я ухватила лишь за хвостик – работать будем, есть над чем. Надо мной, то бишь. Ну мне не привыкать.

Вот такая история. С тех пор много воды и нот утекло. И вот я снова в Питере, сидим в ресторане у Великого Композитора— Торговца Сушами и беседуем о шоу-бизнесе.

Интересуюсь, в каком возрасте композиторы осознают себя композиторами. Оказалось, раньше, чем мужчинами.

– Мне было лет шесть, – поразил меня своим моцартоподобным созреванием композитор, – я учился в музыкальной школе по классу скрипки, когда у меня появилась первая патриотическая песня. Я до сих пор помню текст этой песни, причем сразу появились и музыка, и слова. Я помню, что на фортепиано еще не умел играть, но как-то подбирал: «Встает заря, встает заря, она забрезжевела, пусть ты матрос, пусть ты солдат, пусть ты мальчишка смелый...» В общем, патриотическая песня.

– А педагоги?

– Педагогам я себя не показывал, – признался еще и в ранней робости Олег, – они были в неведении. Потом, правда, я понял, что робость и скромность – самый краткий путь к забвению. А по поводу родителей, до сих пор помню, что когда я учился во втором классе музыкальной школы, со мной на все занятия по специальности ходил отец. Поэтому он играл на скрипке лучше, чем я. Настолько вдумчиво он учился и все это подхватил, что реально играл лучше, чем я.

Спрашиваю, в каком возрасте поэты осознают себя поэтами. Оказалось, что еще раньше, чем композиторы.

– Мама мне рассказывала историю, что когда мне было года 3–4, я спросил: «А слово „графин“ от слова „граф“?» Мама рассказала об этом знакомым, и ей сказали, что у меня есть и лингвистические способности.

Пытаюсь разобраться, кто он больше – поэт или композитор. В песне Валерии «Нежность моя», например, его слова, а музыка другого композитора.

– В последнее время ко мне обращаются очень многие авторы именно за текстами. Виктор Дробыш обращается, Володя Пресняков недавно просил написать текст для Наташи Подольской. И для себя я начал понимать, что я – не только композитор, но и поэт, автор текстов. Хотя у меня еще не вышло никакого поэтического сборника, но, наверное, к этому душа лежит, потому что я очень люблю поэзию.

– А сколько песен Вы написали? – интересуюсь.

– Я думаю, по приблизительному подсчету около тысячи. Одна из самых известных песен «А я не знал, что любовь может быть жестокой», которую исполняет Филипп Киркоров, или «Губки бантиком» Кристины Орбакайте, или «Нежность моя» Валерии, и другие песни таких исполнителей, как «Тутси», Малинин, «Сливки», Буланова, Жасмин, Ветлицкая, Стас Пьеха, «Отпетые мошенники», кого-то я, точно, пропустил.

Когда шоу-бизнес подцепил его на свой позолоченный крючок?

– Когда я понял, что это не просто шоу, а бизнес? – правильно истрактовал Олег мой вопрос. – Это случилось, когда я получил свой первый гонорар. Это было давно, я переделывал песню, писал русский текст для группы «Дискомафия».

– Как высок был Ваш первый гонорар?

– Это стоило около ста долларов, – улыбнулся композитор, видимо, поразившись скачку цен на свою продукцию.

После первой сотни пришлось, по традиции интервьюирования миллионеров, поинтересоваться первой заработанной тысячей.

– Это началось именно тогда, когда пошли хиты. После песни «Мой сон» Тани Булановой, альбома «Мой сон».

Для хронологов российского шоу-бизнеса уточняю – это был переломный период в карьере певицы Булановой, когда она перестала петь плаксивые песни и с помощью Олега перешла на танцевальную музыку.

– Если бы я, – сетует композитор на характерное таким развивающимся странам, как Никарагуа, беззаконие в области авторских прав, – выпустил песню «Жестокая любовь» или «Мой сон», имея права на это в Америке, Франции, любой другой

европейской стране, конечно, я был бы обеспечен до конца жизни. Потому что я знаю, что люди, которые имеют даже просто небольшую долю от создания аранжировки мировых хитов, пожизненно обеспечены, за счет защищенного авторского права. У нас, к сожалению, этот процесс только выстраивается. В эпоху Советского Союза было очень сильное авторское право, то есть авторы нормально получали, но поскольку произошел развал системы, сейчас это только возрождается.

– Вы знаете лично многих звезд, – подтолкнула я его к сплетням. – Кто из них Вас приятно поразил, а кто – неприятно?

– Я достаточно много работал с Таней Булановой, – упал в журналистскую ловушку подтолкнутый Олег, – какое-то время был музыкальным руководителем ее коллектива, причем это был мой первый опыт общения со звездами. Я не могу сказать, что это оставило отрицательный или положительный след, потому что все мы люди, у всех есть свои особенности. Была неприятная история, о которой не хочется вспоминать, причем мы только что наладили отношения. Что касается неприятных историй, я был очень разочарован в группе «Сливки», потому что обычно со всеми исполнителями у меня были изначально очень хорошие отношения, и таковыми остались до сих пор. У меня никогда не было конфликтов, но ребята из «Сливок» со своей «звездной болезнью» совершенно испортили отношения. У меня был период, когда я писал песню «Наверно ей» или «Всего и делов», я позвонил Карине, солистке, и попросил ее прокомментировать текст, поработать с ним, чтобы его немного отредактировать. В ответ я получил такое количество пафоса и неприятного общения, что перестал с ней общаться, и все вопросы принимаю только через Евгения Орлова, продюсера. Причем есть такие песни, где совершенно неожиданно у меня появились соавторы в лице той же самой Карины Кокс и некоторых участников бывшей группы «Сливки», о чем меня никто не предупреждал. Они купили песни, поменяли некоторые слова, но поскольку я с Женей в хороших отношениях (вообще, я не люблю портить с людьми отношения), я это забыл и наплевал на всю эту историю. Но больше песен «Сливкам» конечно не даю.

А приятно поразили Филипп и Алла Борисовна. Соответственно через Киркорова я вышел на Пугачеву, мне было очень интересно, поскольку некоторые песни я писал именно для нее, например «Мои ножки, мои ножки». Когда я ей об этом сказал, она мне сначала не поверила, но потом я ее убедил.

В любом случае мне приятно общаться с исполнителем, который поет мои песни, потому что это признание.

Алла Борисовна спела около семи моих известных песен, дуэт

с Галкиным, прикольную песню «Хочется, никак не перехочется» из фильма «За двумя зайцами». Я думаю, что ее привлекла эта игра слов, она экспериментирует, и я думаю, что живое слово ей очень нравится. Еще Алла Борисовна ценит конечный продукт, то, что получается в итоге, и, конечно, «примеряет» песни на себя. Каждый исполнитель «примеряет» песни на себя, поэтому я на восемьдесят процентов научился попадать на исполнителя, понимая, что ему близко, что его волнует, что ему интересно. И когда много заказов и от известных, и не очень известных исполнителей, я в любом случае стараюсь общаться с ними, чтобы понять их вкусы, пристрастия, для того чтобы сделать качественный продукт именно для этого исполнителя.

Я работал с Александром Малининым, у него имидж человека, поющего романсы, у него своя публика, он собирает залы. Для меня было открытием, что он очень любит продвинутую музыку, джаз и рок, слушает Горана Бреговича и в принципе хочет поменять амплуа. У нас с ним было несколько песен, несколько альтернативных вещей. Например, песня «Мачо», которую он использует в своей концертной программе, – самая нейтральная из них, песня «Ты могла бы бы» – очень скандальная песня с игрой слов, со сложной психоделикой. Но к сожалению, ее нельзя поставить на радио, говорят, неформат.

– Кстати, почему некоторые песни не берут на радио? Как они туда попадают? Нужно ли за это платить? Почему одни песни становятся хитами, а другие – нет? – посыпались из меня вопросы как из прохудившейся котомки.

– Я уже давно на этом рынке, – сказал Попков, и мне на секунду показалось, что в воздухе запахло плесенью, – и понимаю, что здесь очень большое значение имеет человеческий фактор. Есть радиостанции, на которых коллегиально принимают решение по поводу постановки той или иной песни, но в принципе, в коллегиях тоже люди со своими вкусами и пристрастиями. А, в частности, бывает, что генеральный директор, который имеет право решающего голоса, может своей властью поставить песню в эфир или снять ее с эфира. Получается, что вся работа композиторов, аранжировщиков, исполнителей заключается в том, чтобы их произведение понравилось или не понравилось человеку, который принимает решения. Хотя существуют тестирования, фокус-группы, есть некоторые радиостанции, которые приглашают людей, сажают их в зал, дают им слушать песню, получается немножко навязчивое прослушивание, потому что среднестатистический человек слушает даже не в пол-уха, а в [1]*/8* уха. Поэтому какая-нибудь фраза, какой-нибудь мотив его должен так зацепить, что он

должен отвлечься и сделать громче. Если это происходит, то это удача хита. В любом случае, я уверен, что по-настоящему интересный продукт, если его грамотно продавать, я имею в виду менеджерскую работу, в итоге найдет свой путь. Это комплекс шестидесятников, писателей и поэтов 60-х годов, которые говорили, что система их давит и душит, не дает им печататься, но за этим часто стояло творческое бессилие, невозможность создать что-то интересное. И сейчас многие прикрываются, говорят, что их не берут из-за формата. Но я знаю, что действительно талантливые, самобытные коллективы: «Ума Турман» или «Сплин», или исполнители, которые сами пишут песни, все равно пробиваются, находят дорогу. Если у человека есть минимум воли, чуть везения, а главное – талант и возможность его реализации, все равно добьется своего. Я достиг всего сам, у меня не было никаких связей, больших денег, у меня было огромное желание писать песни. Я писал песни не очень известным исполнителям, я писал в стол, я писал и забывал, и появилось везение. Но везение на пустом месте не возникает, желание в какой-то момент из количественного перерастает в качественное. Я не знал, как и когда произойдет встреча с Филиппом Киркоровым, Евгением Орловым или Таней Булановой, но я к этому шел и этого хотел. Самое главное – это желание, как сказал один из моих самых любимых писателей Лев Николаевич Толстой: «Если человек несчастлив, то в этом его вина, и он обязан сделать все, чтобы быть абсолютно счастливым».

– Ввиду того, что авторское право не позволяет композиторам жить за счет роялти, – лезу я, любопытная по долгу службы, в карман почти к каждому интервьюируемому, – Вы вынуждены продавать свои песни. Сколько стоит сегодня песня на рынке Ваша или других композиторов?

– Цена песни от трех до пятидесяти тысяч долларов, – ценовая вилка выглядела широковатой, и ему пришлось пояснить, – цена варьируется в зависимости от исполнителя, от отношений с ним, пишется ли песня по заказу или она уже написана. Нормальная цена для исполнителей моего уровня – двадцать пять—тридцать тысяч долларов.

Важно знать, что при создании любого проекта в музыкальном шоу-бизнесе самым главным является песня. Можно придумать любой имидж, неимоверное шоу, необыкновенные костюмы, сумасшедший клип, но самым главным во всем этом будет все-таки песня. Даже хорошая аранжировка и суперисполнение никогда не вытянут посредственную песню. Поэтому все ищут хит. Я знаю, что люди, которые занимаются

проектами, готовы выкладывать неимоверные деньги за хит, и средние песни им не нужны даже бесплатно.

– Что такое хит? – начала я с азбуки шоу-бизнеса.

– Я занимаюсь русскоязычной поп-музыкой и расскажу об определенных критериях потенциального хита. Они заключаются в том, что песня должна быть написана современным, понятным, модным и стильным языком, рассчитана на определенную аудиторию. А главное, секретов нет, хит – это запоминающийся, не бездарный, осмысленный припев.

– А «Ксюша, юбочка из плюша» – это интеллектуальная песня? – возмущаюсь я. —

А она стала хитом.

– Лена, – тоже возмущается композитор, – Вы говорите о вещах, которые стали хитом на заре 90-х, когда, вообще, был музыкальный голод. Люди, которые стали звездами в те времена, получили уникальную возможность: только что поменялся режим, открылись ворота, и можно было делать все что угодно, и народ, жадный до музыки, поглощал все это в неимоверных количествах. Сейчас ситуация поменялась. Сейчас очень много исполнителей и групп, и композиторам от этого только лучше, потому что очень много заказов, песни быстро ротируются, часто меняются и обновляются. Сейчас очень сложно кого-то удивить, поэтому, чем интересней текст, чем тоньше изюминка, чем больше соблюдены эти законы, тем больше ценится песня. Например, если песня стёбная, смешная, она должна очень тонко пройти на грани пошлости, и чем тоньше эти грани, тем выше, в данном случае, мастерство поэта. Когда я работал с Таней Булановой, я работал в коллективе и плотно занимался репертуаром, и я прослушивал песни, которые композиторы со всей страны ей приносили. Я очень честно их прослушивал, поскольку я не боялся конкуренции, мне не выгодно было писать целые альбомы, потому что это тяжелый труд, мне было достаточно написать три-четыре песни. Мы работали на гастролях в России, на Украине, в Германии, приносили очень много песен, и я понял, что 92–93 процента текстов и музыки, приносимых людьми, не годится для того, чтобы получить хороший конечный продукт. Лишь восемь процентов – это материал, с которым теоретически можно работать, то есть корректировать текст, корректировать мелодию. Если это хороший текст, то надо написать музыку. Не было такого варианта, чтобы принесли песню и это была бы потенциальная песня, то есть приносила какое-то настроение. Причем я понимаю, что разные бывают варианты: демо, ноты, но суть мне видна сразу. Говорят, что программные директора на радио слушают песни вполуха. Они слушают как среднестатистический

слушатель. Среднестатистический слушатель ведь не смотрит в радио и не слушает внимательно. Вот директора и слушают так: куплет, припев, цапнуло – супер, не цапнуло – на столе еще гора компакт-дисков, будут дальше слушать. А под столом – огромная мусорная корзина, полная дисков.

– У меня личный вопрос, – зарделась я. – Несмотря на то что мне это безумно лестно, почетно и приятно, почему Вы решили предложить мне делать совместный проект?

– Во время нашей первой, такой спонтанной встречи, – объяснил композитор, – когда мы записали первые песни, мне, честно говоря, понравился тембр голоса. Тембр голоса, его окраска, фактура – очень важна, а также харизма, шарм и понимание, что человек может донести, плюс невероятная чувственность, то есть способность почувствовать текст, пропустить его через себя, артистичность. Начальное музыкальное образование у Вас есть, а техника – это дело наживное. Я знаю массу примеров, когда люди, упорно занимаясь, достигали высот в исполнительстве, а есть исполнители, которые заканчивают консерватории, но у которых нет харизмы и шарма. Потому что очень многие исполнители, особенно звезды старой формации, не понимают, что даже простая песня может «выстрелить».

У многих из них нет этого чутья. Сейчас современные группы, современные продюсеры это чувствуют. А звезды старой формации зачастую теряются.

Польщенная, продолжаю, по долгу службы, искать гнусные стороны шоу-бизнеса.

– Пиратство, – не задумываясь, находит одну, главную, заинтересованный и популярный композитор. – Я понимаю, что из-за этого я теряю бешеные деньги. У меня больше сотни известных песен, несколько десятков хитов. Честно скажу, что я один из немногих композиторов в стране, песни которых за такой короткий срок (всего с 2000 года) спело столько исполнителей, и они стали народно любимыми песнями. Если бы все это учитывалось по-честному, соблюдалось бы авторское право, то, конечно, я бы стал миллионером гораздо раньше. У меня нет стремления к безумному богатству, потому что для счастья человека не нужно богатство, но благосостояние должно быть обязательным.

Обсуждаем обвинения, которые очень часто слышны от непрофессионалов и профанов по поводу «двух нот» в современной поп-музыке и по поводу плагиата современных композиторов.

– Слава богу, – отмахивается Олег, – меня еще никто не

обвинял в плагиате. Были моменты, когда говорили, что этот фрагмент оттуда взят, а тот – оттуда, но я сознательно никогда ничего ниоткуда не беру, потому что это безумная трата времени. Вся музыка, в принципе, уже написана, и существует множество веков. Я думаю, что классические композиторы XVIII–XX веков уже все сказали в музыке…

«Интересно, – хихикнула я про себя, – считается ли плагиатом неизбежное повторное использование ноты „ре“?»

– Я пишу песни о любви, – объясняет Олег, – это практически одна тема. Как можно о любви не повториться? Есть гениальная фраза у группы «Гости из будущего», она проходит незаметно в одной песне: «Рифма любовь – мой враг». Это действительно так, потому что любовь – кровь – морковь – свекровь, и что об этом еще написать? А любовь-то она есть, люди хотят песен о любви. Если песня о любви трогает сердца, она становится хитом.

И снова об авторских правах.

– В результате несоблюдения авторских прав, – негодует присевшее на любимого, точнее, ненавистного конька заинтересованное авторское лицо, – количество дивидендов сильно уменьшается. Я знаю, что пиратские организации, которые выпускают альбомы, по-белому заявляют одно количество в тираже и платят за это роялти, а на самом деле тиражи в миллионы раз больше, потому что я, когда ездил по стране, видел в каждом ларьке, в каждом магазине диски. Физически это невозможно.

– А что касается обвинений в двухнотности поп-музыки, ее примитивности? – возвращаю я Олега к малоприятному. – Особенно такими обвинениями грешат классические музыканты.

– Я занимаюсь эстрадной музыкой. Но есть современная музыка, которая уже и не музыка, а культурный слой. То есть там уже не столько музыка, сколько замес культуры, сленга, технозвуков. Если раньше наше развитие можно было изобразить в виде спирали, то сейчас его можно представить в виде распускающегося цветка в разные стороны: есть такое направление, есть такое, но ничего кардинально нового не происходит. Сейчас очень много разной музыки, и происходит деление людей на любителей техно, фанта, транса, джаза, кантри. В связи с тем, что сейчас Интернет получает массовое распространение, человек может слушать ту музыку, которая ему нравится, ну, к примеру, на телевидении сейчас существует 256 каналов, будь их миллион – люди все равно смотрели бы пять каналов. Так и в музыке будет пять Интернет-порталов, пять радиостанций, которые будут слушать люди. Так будет всегда, массовая культура все равно останется, и этой массовой

культурой я и занимаюсь. Хотя мне также очень интересна классическая музыка в современной обработке, я даже пытаюсь создавать произведения с элементами классической музыки и с привлечением классических музыкантов. Но это уже мои личные интересы, а моя профессия – это шоу-бизнес, написание хитов. Мои поклонники из Красноярска, молодая пара, написали мне на e?mail, что песня «Губки бантиком» сподвигла их завести ребенка и что мне надо дать орден за повышение рождаемости.

Придется пригласить его в мою новую партию «Союза любви», борющуюся за решение демографического вопроса в нашей стране.

– Я сейчас перечитываю, – поясняет мне источники своего вдохновения современный поэт, – Ахматову, Гумилева, Пастернака, древнюю японскую поэзию, китайскую, любовную лирику Возрождения, потому что я пытаюсь понять и почерпнуть что-то для себя. Чтобы не иссякло слово, в поисках новых словосочетаний, рифм я также путешествую, встречаюсь с людьми.

И еще несколько слов о критике.

– Самое ужасное, что я прочитал о себе в Интернете, – поделился Олег тем, что хорошо знакомо любому участнику шоу-бизнеса, то есть клеветой, – это то, что будто бы я скупаю у людей песни за копейки с авторскими правами. С одной стороны, это смешно, с другой – очень неприятно. Есть еще авторы, которые обвиняют меня в краже их песен, так было с песней «Губки бантиком». Я прочитал в Интернете, что ко мне пришли в офис в Нью-Йорке, а охранник их выгнал и т. д.

– А офиса в Нью-Йорке у Вас конечно же нет? – догадалась я.

– Мне офисов в Москве и Санкт-Петербурге хватает, – грустно улыбнулся композитор.

Суши давно уже остыли, а мы все еще сидели в ресторане. Олег – на своем коньке об авторских правах, я – на мягком диванчике с подушками, периодически проваливаясь в полусон. И снилось мне, что мир стал прекраснее оттого, что в шоу-бизнесе есть поэты.

Глава двенадцатая
Михаил Королев, фотограф

О том, кто обнажает всех звезд, о том, сколько часов нужно для одного кадра, о Клаудии Шиффер и о тринадцатилетних моделях, а также об интимной близости кроликовtc "О том, кто обнажает всех звезд, о том, сколько часов нужно для одного кадра, о Клаудии Шиффер и о тринадцатилетних моделях, а также об интимной близости кроликов

> Если бы Михаил Королев родился королем, то его королевское прозвище было бы Михаил Гениальный. Но нам всем в шоу-бизнесе страшно повезло, что он не родился в позапрошлом веке и теперь мы, современники, можем пожинать плоды его гениальности. Потому что такие гениальные не рождаются в каждом столетии.

Я поедала Мишины яблочные плоды на кухне его студии после пожинания плодов Мишиной гениальности этажом ниже в самой студии, сопровождаемого многочасовой пытко-съемкой с переодеванием, накрашиванием, причесыванием и позированием разных неудобных поз.

Сам Миша себя считает дорогим, востребованным и профессиональным. Издатели гламурных журналов считают его очень дорогим и пищат, но лезут. Мы, звездульки всех калибров, бьемся, чтобы попасть к нему на сеанс, и поэтому считаем его чересчур востребованным. А профессионалы считают его гениальным. Так что, получается, он себя недооценивает.

Вместо того чтобы спрашивать, когда Миша родился, я, как девушка вежливая, спросила, когда родилось его знакомство с фотоаппаратом.

– В глубоком детстве. – Миша отвечал короткими рублеными фразами, как все интроверты. – Мой дедушка был фотографом, он подарил мне камеру с названием «Смена». Мне было лет восемь. Я сразу начал снимать как подорванный.

Интересуюсь, когда случилось его знакомство с шоу-бизнесом.

Миша обратил внимание, что ручка на столе была положена не туда, куда следует, он ее передвинул и сначала потратил несколько секунд на обдумывание того, где бы она смотрелась лучше всего, и только потом ответил:

– Я очень увлекался рок-музыкой, дружил со всеми рок-музыкантами и, поскольку уже с детства овладел фотоаппаратом, снимал их концерты, снимал их портреты, оттуда все и пошло.

Кто был его первой звездой?

– Владимир Кузьмин и Крис Кельми. Мы вместе учились в МИИТе – Московском институте инженеров транспорта.

Вспомнила, что недавно Миша раздел пол-Москвы звезд, да еще и уложил их в постель, правда, в присутствии осветителей, ассистентов и визажистов для своего нового проекта «В постели со звездой», и прошу перечислить тех, кого Миша профессионально раздел на своем карьерном пути.

– У меня нет цели раздеть кого-нибудь на съемке, эротического накала в фотографии можно добиться и в одежде, однако многие раздеваются сами. Причем, чем меньше настаиваешь, тем больше раздеваются. Если забыть на время тему «раздевания», то вот далеко не полный список только женских «моделей» моего, как вы говорите, «карьерного пути»:

Аврора, Алсу, Ирина Апексимова, Юлия Бордовских, Валерия, Анжелика Варум, Наталья Ветлицкая, Наталья Водянова, Екатерина Гусева, Глюкоза, Надежда Грановская («Виагра»), Ингеборга Дапкунайте, Лариса Долина, Лада Дэнс, Земфира, Тина Канделаки, Лена Ленина, Юлия Меньшова, Лена Перова, Наташа Королева, Кристина Орбакайте, Ева Польна, Ольга Родионова, Инесс Састр, Алена Свиридова, Анна Семенович, Алика Смехова, Ксения Собчак, Анастасия Стоцкая, Любовь Толкалина, Жанна Фриске, Чулпан Хаматова, Анфиса Чехова, Маша Цигаль, Клаудиа Шиффер, Каролина Эррера, Жанна Эппле, группы «Серебро», «Фабрика», «Блестящие» в разных составах, «Лицей», «Стрелки», и многие, многие другие; почти все, кроме Аллы Борисовны.

– Как получилось, что Алла Борисовна устояла?

– С Аллой Борисовной я просто не знаком и никогда не снимал ее.

– А если бы были знакомы, раздели бы?

– Возможно.

– Вы снимаете не только эротические фотографии?

– Нет, конечно. Но мне кажется, что в каждой фотографии должна быть какая-то доля эротизма. Я не маньяк, но мне кажется, что это интересно людям.

– Убеждены ли Вы, Миша, что фотограф должен быть гетеросексуалом, чтобы снимать красивых женщин?

– Я думаю, что фотограф вообще должен быть гетеросексуалом, – убежденно подчеркнул Миша.

– А как насчет съемок обнаженных мужчин? – не нравится

мне Мишина ориентация в сторону женщин.

– Меня это гораздо меньше привлекает, – стоял на своем Миша, как будто позабыл известную поговорку руководителей «Русской медиагруппы» о том, что в шоу-бизнесе женщин любят только лохи. – Если это нужно, если проект стоит того, я могу это сделать, но большого удовольствия от этого не получу.

Требую «желтых» подробностей из жизни звезд за кулисами.

– Никаких закулисных подробностей я не помню, поэтому буду краток. Я всех своих прекрасных пациенток люблю. Вы мне очень понравились. Обожаю снимать Аврору, Чулпан Хаматову, Жанну Фриске и многих других. Не понравилась только моя давняя съемка с Машей Распутиной, хотя конфликта у нас не было, я не люблю конфликты. Просто мы живем в разных мирах. Нам не удалось понять друг друга. Она, видимо, где-то на небесах, а я еще не очень. Но мы даже не поругались с ее бывшим мужем, который тогда присутствовал на съемке, хотя он очень этого хотел. Мы довели съемку до конца. Но у нас были, если можно так сказать, трудности перевода. Вроде бы мы все говорим по-русски, но совершенно не понимаем друг друга. Мы люди с разных планет и говорим на разных языках. Это, пожалуй, единственная моя неудача, хотя результат был хороший, но я испытывал дискомфорт, работая с ней.

– В чем разница между российскими и западными фотографами?

– Фотографы-звезды у нас имеют гораздо меньше свободы, доверия и денег, чем звезды-фотографы в любой цивилизованной стране. Потому что этой индустрии по-настоящему здесь нет. Нет индустрии моды. Поскольку нет своих успешных дизайнеров мирового масштаба, негде применить свое умение. И поскольку это дело еще новое для посткоммунистической России, не хватает вкуса. Иногда люди предпочитают позвать недорогого ремесленника, а не человека, который сделает что-то удивительное для них. Даже по поведению звезд российского шоу-бизнеса их очень легко отличить от всех остальных.

– С кем из западных звезд Вы работали и в чем разница?

– Клаудия Шиффер, Инесс Састр, Кензо, знаменитый дизайнер Паоло Пининфарина и многие другие. Все они знают, что, если им нужно сниматься, та же Мадонна, это в ее интересах, и она будет работать восемь часов, до тех пор пока не получится хорошая картинка. А в России я часто слышу: «Ну, хватит!», «Уже все». Звезда устала, и ей хочется домой.

– Как долго обычно длится классическая фотосессия с моделью?

– Съемку моды можно снять за день шесть картинок, если не

очень сложный сценарий. Восемь – уже проблематично. А если речь идет о портретах звезд: можно четыре часа выпотрошить, чтобы получить один очень хороший кадр. Хотя очень часто бывает, что самый хороший кадр – это первый кадр. Сначала хороший кадр, а потом поиски второго такого же, которые могут длиться два-три часа и даже четыре. Иногда съемка длится целый день, восемь часов, десять часов ради одного кадра. Это довольно изнурительная работа, и те, кто представляет, что труд фотографа – это голые девушки и бесконечная эйфория, не совсем правы… Самое главное для меня в фотографии – это процесс. Мне нравится исследовать людей, когда я их снимаю. Мне кажется, что как фотограф я имею легальный доступ к их душам. Но это я слишком высокопарно сказал. Я человек, достаточно стеснительный по натуре, и пялиться просто так на человека мне неловко. А с камерой можно смотреть сколько угодно. Меня это, безусловно, будоражит, некая дрожь, которая появляется от хорошей модели, позволяет мне иногда делать неожиданные снимки.

Что такое «хорошая модель» и насколько это зависит от внешности?

– Внешность – это необходимое качество, но смотря для чего. Если мы говорим о фэшн-моделях, то тут главное – способность жить в том образе, который ей придумывает съемочная команда. Жить легко, сразу, не фальшиво, для этого нужна хорошая пластика, минимальные актерские способности. Хотя это скорее не актерство, а дар. Для съемки моды внешность может быть более чем неяркой, важна способность перевоплощаться. Звезды кино, наоборот, чаще бывают яркими, но на фотосъемке иногда работают гораздо хуже, чем модели. Они, наверное, в этот момент думают о Голливуде и пытаются играть какую-то роль.

– Сколько людей участвует в съемочном процессе?

– Что касается гламура и глянца, можно придумать образ самому, но чтобы его создать, лучше воспользоваться помощью стилиста, визажиста и парикмахера. Я ничего этого руками делать не умею, могу только придумать образ. Мне нравится снимать звезд необычных, не тот образ, который тиражируют и продают, мне хочется посмотреть на них с другой стороны. Однажды я снимал Филиппа Киркорова, когда он согласился позировать для одного журнала, участвовать в съемке моды как модель и звезда одновременно. Я придумал собрать его пышную прическу в хвост, он долго сопротивлялся, потом ему понравилось, и он даже уехал в таком образе на вечеринку получать какую-то премию.

– Лучший фотограф страны, тоже, наверное, подвергается с

утра до вечера сексуальным домогательствам со стороны фотомоделей, которые мечтают сделать себе карьеру, сильно приблизившись к фотографу.

– Не особенно, поскольку в России нет индустрии моды, и карьера делается не здесь. Еще в 90-е годы что-то было похожее на то, что Вы рассказываете. А сейчас в Москве карьера для модели – это парень, который занимает хорошее положение в банке или где-то еще. Именно на это они в основном ориентированы. Поэтому фотографы моделям нужны, но не до такой степени, чтобы они разрывали на нас одежду.

– А еще оказалось, что реклама не нравится не только ее потребителям, но и самим ее создателям.

– Когда нужно снимать целый день рекламу какого-нибудь кофе, бывает не до девчонок после всего этого.

– Не надо было так много этого кофе пить во время съемочного процесса.

– Нет, – улыбается Миша, – я даже из вежливости не пью то, что снимаю. Это действительно изнурительный процесс, потому что присутствует много людей: работники рекламного агентства, нанятые этим агентством люди, клиенты, менеджеры, которые ни за что не отвечают. И каждый пытается что-то сказать, чтобы его голос был услышан, чтобы все видели, что он работает. Мне трудно это понять, потому что я независим, но, очевидно, люди боятся потерять свое место, поэтому восемь часов они все сверлят мой мозг. Я даже придумал такую схему. Ставлю свет, как мне нравится, делаю первый кадр. Обязательно находится какой-нибудь человек, чаще всего американский пришелец, поскольку русскому нет доверия, который говорит, что надо все переставить. Я помечаю пластырем там, где у меня стояли фонари, в течение двух часов мой ассистент все это кружит по студии, потом мы возвращаемся обратно на крестики, и тот человек говорит, что так надо было сразу сделать. Вот это типичная рекламная ситуация. Хотя в рекламе неплохо платят – приходится мучиться.

Сам подставился, придется теперь спросить о гонорарах.

– То, что получают даже топ-фотографы в России, вряд ли кого-нибудь удивит. Надо очень-очень много работать. После истории, которая случилась со мной в 99-м, я совсем разлюбил поддерживать эту тему. Это были классические бандитские 90-е, людей творческих вообще не трогали, поэтому то, что случилось со мной, было не типичным, причем случилось это в 99-м, когда рэкет практически исчез. Я думаю, что это были какие-то «особенные» милиционеры. Были серьезные угрозы, мне звонили по телефону и на ужасном жаргоне предлагали «крышу». Хорошо, что у меня были связи через друзей юности в Главном

Управлении по борьбе с организованной преступностью, поэтому была защита. Тем не менее нервы мне испортили изрядно. Сгорела моя машина, некоторое время пришлось прятать семью. А съемки я хорошие в это время делал, – широко улыбнулся Миша, – вот что значит художника разозлить и напугать. Вспоминаю об этом без всякого удовольствия. Слава богу, есть хорошие друзья, которые меня могут защитить.

– Как мило у Вас все в шоу-бизнесе!

– В шоу-бизнесе все не так красиво, как люди себе это представляют, – согласился Миша. – Например, ночная жизнь артистов, когда они просыпаются в четыре часа дня – это у них утро, а потом всю ночь работают в клубах. Хорошо – зайти, послушать такого артиста, а работать в таком качестве – не так уж легко. Я не очень люблю то, что называется российской эстрадой, я мало кого слушаю. Но самое интересное то, что люди, которые поют посредственные, на мой взгляд, песни, и часто посредственно их поют, оказываются очень интересными персонажами, с харизмой. Не случайно все российские звезды – звезды. Они поют фигню, и люди это потребляют, поскольку в провинции скучно. Я слышал много раз и от моделей, и от звезд, что в любом провинциальном городе сходить на концерт – это где-то провести время, не важно – какой это концерт. В Москве люди ходят в клубы, а в провинции таких клубов гораздо меньше, поэтому они собираются на концертах и потребляют эту эстраду, этот шоу-бизнес, и им наслаждаются. Что людям дают, то они и любят.

– В чем секрет этой «звездности», харизмы?

– Так природой человеческой предопределено, – отвечает за фотографа философ, – что среди сообщества людей есть люди выдающиеся, звезды, а остальные хотят им поклоняться. Я поклоняться не очень хочу, но я с удовольствием с ними работаю. И многие певицы, я не буду говорить их имена, песни которых я просто не могу слушать, оказались интеллигентными, умными, очень харизматичными, красивыми женщинами.

– Значит, для того чтобы добиться успеха, нужно иметь большое человеческое обаяние, харизму. А можно ли это культивировать в себе?

– Частично можно преодолеть себя, – отвечает за фотографа психолог, – проявить силу и волю, затратить на это какие-то свои энергетические ресурсы и можно подняться на ступеньку выше, нежели чем ты находишься, не напрягаясь. Для того чтобы стать звездой, нужно обаяние и какая-то сексуальная составляющая. Каждый берет чем-то своим: кто-то сексуальной харизмой, кто-то интеллектом. Скорее всего это сплав того, другого, и третьего.

Лет пять—семь назад меня удивила Алена Апина. Она – удивительное, тонкое, интересное женское существо, но признаюсь, что ее песни я никогда не слушал, потому что привык к другим. Я не хочу никого обижать, ни ее композитора, ни ее исполнение, просто ее песни были за сферой моих интересов. И когда мне однажды пришлось ее снимать, я с удивлением обнаружил, что она очень харизматичная барышня.

– Она не самая молодая модель в мире, но Вам понравилась, значит, красота – это не только модели-подростки?

– Старлетки шестнадцати лет – прекрасный материал для съемок моды. Возрастная планка сейчас опускается все ниже и ниже. Когда я начинал, я снимал 19-летних, 20-летних и даже 25-летних моделей, потом – 17-, 16-, 15?летних, и даже в 14 лет можно уже начинать снимать. 12 лет – это еще дети, а в 13 лет некоторые уже не совсем.

– Это не противозаконно?

– Мы сейчас говорим о съемке моды, – удивился Миша моему вопросу. – Быть демонстратором одежды – это не противозаконно. Как они получают гонорары, какие у них права, об этом, наверное, знают родители, которые подписывают за них контракты.

– Вас не возмущает эта тенденция? Пахнет педофилией... Ведь Вы же стремитесь сделать сексуальные объекты из этих девочек 13 лет.

– О сексе речь идти не может, – твердо сказал Миша. – А фотосессия – это же игра. Эта девушка в данный момент является актрисой. Я не заставляю ее делать что-то такое, что бы не понравилось ее родителям. Чаще всего они и присутствуют на съемках, хотя в этом ничего хорошего нет, так как девушки обычно смущаются. Этим девочкам, как правило, создают образ чуть старше. Просто такое молодое женское существо, определенным образом накрашенное и причесанное, выглядит старшей по возрасту барышней, но посвежее. Это такая уловка. Я не вижу в этом никакого криминала, никакого урона для детской психологии. Конечно, я не снимаю таких детей для мужских журналов, где требуется какая-то откровенная эротика. У меня тоже ребенок есть, между прочим.

– Вам хотелось бы, чтобы Ваш ребенок работал в шоу-бизнесе: стал моделью или звездой?

– Я бы хотел, чтобы он стал фотографом. Сколько бы я ни ругал эту профессию, я ее обожаю, и если бы я ее не любил так сильно, я бы занимался чем-то более прибыльным. Но я люблю фотографию и хотел бы, чтобы мой сын стал фотографом. Он еще не знает, кем станет, ему одиннадцать лет, пока он думает, что он

будет режиссером и будет снимать фильмы типа «Властелин колец».

– Как происходит процесс придумывания рекламной картинки? Например, Вам говорят, что Вы завтра будете снимать рекламу пива...

– Рекламу пива обычно придумывает рекламное агентство. Есть некая пивная империя, которая обслуживается неким рекламным агентством, которое получает от них бюджет на год или другой срок. В рекламном агентстве работают копирайторы, молодые, странно выглядящие люди, которые не умеют придумывать в России почти ничего. Крайне мало людей с мозгами, и они куда-то очень быстро исчезают. Поэтому российская реклама выглядит достаточно примитивно, как и эстрада. Хотя у меня есть рекламные проекты, которыми я горжусь. Например, это реклама бутиков «Bosco Di Ciliegi». Я ее делал давно, это было несколько серий, начиная с 1996 года. В течение десяти лет Москва была наполнена этими картинками. Может, потому, что это была самая первая громкая история, остальные не так запомнились. Моих работ очень много, они и сейчас висят в городе, но поскольку новизны для меня уже в этом нет, я отношусь к этому достаточно спокойно. Работать для журналов значительно интереснее, хотя они, конечно, слегка зомбируют людей.

Ура! Лучший российский фотограф, как и я, – против моды!

– Это такая большая коварная игра: кто-то делает моду, а кто-то ее потребляет, делает меньшинство, а потребляет большинство. Тем, кто делает моду, глупо покупать вещи с логотипами и хвастаться друг перед другом, но все остальные это покупают. Конечно, это немножко странно. Мне кажется, разумнее вкладывать деньги в недвижимость, в хорошую мебель, вырыть бассейн, купить лодку, хорошую машину, фотоаппарат. Но вот бесконечно вкладывать в одежду... Это так быстро меняется.

По этой фразе можно сразу определить, что Миша – не женщина. Потому что женщине не нужна ни лодка, ни вырытая дыра во дворе дома, ей нужно много красивой модной одежды.

– Понятно, женщина ведь жертва моды! – воскликнул за фотографа сексист. – Думаю, скоро все немного изменится. Всем хочется носить хорошие вещи, и мне хочется вкусно поесть и красиво одеться, но сейчас многие покупают подделки, не скрывая этого. И многие носят подделки, покупают за двести долларов часы, которые, в оригинале, стоят сто тысяч. Мне кажется, что это тоже воздействует на модный рынок и что-то должно поменяться. Через какое-то время люди перестанут так

стремиться к трендам. Но все по синусоиде: перестанут, потом снова захотят. Но сейчас это носит явно фанатичный характер, особенно в Москве. Я знаю некоторых людей, которые живут в съемных квартирах, почти без мебели, но все уставлено туфлями «Gucci» и т. д. Это очень по-негритянски.

Я потупила взор, потому что мой ребенок посчитал мою обувь – триста пар оказалось. Я, конечно, не живу в съемной квартире, но стало стыдно.

– Ты можешь себе это позволить, это твое удовольствие. Но согласись, что ты немножко являешься жертвой этих привычек... Я, наверное, лукавил, потому что мне хочется видеть рядом с собой красиво одетых людей, и я не хотел бы, чтобы они носили всякие военные френчи, одевались одинаково. В этом одна из самых больших сложностей моей профессии, потому что я привыкаю к красивому. Мне иногда хочется переставить мебель в каком-то ресторане, поменять интерьер, переодеть какую-то барышню за соседним столиком.

Вот видите, оказалось, что Королев – эстет. В первую очередь художник, а потом уже нажиматель на кнопки. Кстати, о кнопках. Предлагаю поговорить о таком будоражащем умы явлении, как ретушь, благодаря которой целлюлит пожилых звезд не виден на обнаженных съемках, а модели могут спокойно есть.

– Я считаю, что каждый кадр должен быть деликатно немного отретуширован. Например, вскочил прыщ на носу. Какую информацию об этом человеке даст этот прыщ? Никакой. Через два дня он пройдет, но через два дня съемка будет невозможна. Поэтому надо этот прыщ отретушировать.

– А если толстая тетенька сорок четвертого размера сокращается ретушью до тридцать шестого?

– Это совместный выбор фотографа и редактора журнала. Я считаю, что, как только фотограф или журнал переходят границы, теряют в ретуши правильную пропорцию, их работа обесценивается, становится не фотографией, а рисованной открыткой, цена которой три копейки. Все нельзя убрать на ретуши. Уж точно нельзя практически сменить состояние человека, его настроение. Можно сделать улыбающийся рот, но глаза останутся без улыбки, а это достаточно жутковато. Я стараюсь в этом не усердствовать.

Миша не только не любит моду, но не очень жалует и ретушь.

– А то, что нужно обязательно переспать, чтобы добиться успеха в шоу-бизнесе, – это правда? – задаю коварный вопрос, который журналисты редко произносят, да и то за глаза.

– Отнюдь, – посягает Миша на стереотипы, древние, как сам шоу-бизнес. – Представьте, я могу влиять на судьбу модели, а она

бездарная. Допустим, она переспит со мной. И что, я буду ее снимать, чтобы все смотрели, какие плохие я делаю съемки? Девушек много, но моя карьера мне гораздо дороже. Я не думаю, что все спят с моделями, чтобы сделать им карьеру. Это бессмысленно. Хотя, конечно, такие случаи есть и в кино, и в театре, и в троллейбусном парке. Наверное, путь многих лежит через постель, как в любой нефтяной корпорации, на деревенской почте и где угодно.

– Почему Вы не уезжаете работать за границу, зная, что там фотограф Вашего уровня зарабатывает на порядок больше?

– Там очень большая конкуренция, и я люблю Россию. У меня здесь друзья, семья. Уехать куда-то и биться там ради того, чтобы заработать немного больше денег? Отношения в мире глянца и шоу-бизнеса нелегкие, «если хочешь справедливости – не ходи туда никогда». По-моему, это Вивьен Вэствуд сказала.

В принципе, я хочу справедливости. Здесь, в России, я еще справляюсь, а вот терпеть какую-то несправедливость в Париже, начинать все с нуля...

– Кстати, о Париже.

– Это было так давно. Я с наслаждением сделал съемку с Клаудией Шиффер в Париже. Есть прекрасный человек – Геннадий Йозефавичус, который когда-то с Константином Эрнстом делал журнал «Матадор», и они меня послали в прекрасную командировку в Париж. Клаудия Шиффер любезно согласилась сняться для обложки русского, неизвестного в мире журнала. Чудесным образом мне это доверили, я поехал в Париж, причем это была моя первая поездка за границу. Руки дрожали, конечно, страху натерпелся. Она – милая девушка с улыбкой Будды, не внушала страха, но само событие меня повергло в трепет. А так все было здорово, я еще и потом ее снимал. Это мне помогло: когда в моем портфолио видели Клаудию Шиффер, тогда, в 90-е – сразу овации.

– Кто сегодня в Вашем портфолио провоцирует овации?

– Овации провоцируют хорошие фотографии, а суперзвезды среди моделей исчезли.

У тех, кто входит в «топ», гонорары, может быть, больше, но слава не такая, как у Линды Евангелисты, Наоми Кэмпбелл, Клаудии Шиффер и прочих. Мир изменился. Надеюсь, что это движется по синусоиде, и все вернется. Но пока мне кажется, что мир похож на большой супермаркет недорогих товаров, надеюсь, что это временно.

На такой минорной ноте не хотелось бы заканчивать интервью, поэтому спрашиваю, неужели нет ничего светлого в фотографической жизни шоу-бизнеса.

– Однажды, – вспомнил о «светлом» Миша, – я снимал Ксению Собчак для своей книги, и мы со стилистом придумали, что она должна лежать в постели, вокруг которой резвятся кролики. Мы позвали укротительницу кроликов, та принесла нам кроликов напрокат. Кролики резвились, потом парочка стала заниматься любовью прямо у Ксюшиных ног. Вероятно, она воздействует на людей и зверей таким образом. А может быть, кролики просто долго не могут терпеть, но это было очень смешно. Потом оказалось, что это два самца, что мне не симпатично, и чистоту жанра это нарушило.

Прощаюсь, целую гения туда, куда допустимо нормами приличия, и в очередной раз желаю его супруге побыстрее сбежать, дабы дать возможность другим достойным женщинам чаще общаться с таким хорошим человеком, как Миша.

Глава тринадцатая
Игорь Краев, руководитель «www.tophit. ru» – онлайновой дистрибьюции новой музыки для радиостанций

О четырех сотнях отечественных радиостанций, о том, что такое формат, об интерактивном интернет-вещании, о том, почему продюсер не бывает белым и пушистым, а также о том, почему звезды слетают с катушек

Игорь Краев находится в самом уязвимом положении среди других стармейкеров – группе риска. Риск заключается в том, что любой мнящий себя будущей звездой может легко найти номер его мобильного телефона в Интернете и задолбать его просьбами прослушать свои шедевры. Так сделала и я, то есть сначала нашла его номер в Интернете, благо у него есть свой Интернет-проект, а потом, уже в конце нашей встречи, слегка долбанула его просьбой послушать мои вокализмы. Видимо, наученный горьким опытом отражения натиска поющих блондинок, Игорь сразу предупредил меня, что может прослушать всего две песни на мой выбор. Пришлось с кровью оторвать от груди пару из двенадцати одинаково любимых деток-песенок из нового альбома. Он беспощадно выбрал одну из них. Но не буду забегать вперед.

– Вас зовут Лена Ленина? – прогремел в трубке голос Игоря, когда я ему позвонила впервые. Причем гром означал, что он сомневается и нисколько не удивится, если узнает, что меня вообще никак не зовут.

В ответ мой голос, рискуя засахариться, ласково-сладко объяснил, что ему просто жизненно необходимо со мной встретиться.

А когда Игорь согласился и назначил встречу в ресторане «Марко Поло», я спохватилась и дала команду своему голосу держаться с достоинством и быть преисполненным надежд, а не звенеть от восторга и самодовольства.

Борьба с чрезмерно услужливым официантом в ресторане окончилась моей победой. Принеся апельсиновый сок и наконец-то уразумев, что он может больше не беспокоиться, официант покорно вильнул хвостом и затрусил на свою вотчину. А я приступила к изощренной и рискованной форме пыток – интервьюированию с последующей публикацией.

– Нравится нам это или не нравится, – начал Игорь рассказывать о своих шоу-бизнес-подвигах, – хотим мы этого или не хотим, но мы контролируем достаточно большую, можно сказать, подавляющую часть музыки, которая через нас попадает на радио. Схема такова: рекорд-компания, продюсерские центры, артисты записывают новые песни. И те новые русскоязычные песни, которые должны, по их мнению, иметь какую-то историю и стать основной частью истории артиста, то есть те песни, за которыми стоят артисты, деньги, промоушен и т. д., попадают к нам. За очень редким исключением они аккумулируются на нашем сайте, а оттуда уже эта музыка попадает на радио. То, что выкладывают артисты, продюсеры и рекорд-компании, рано или поздно где-то можно найти, но на это придется потратить массу времени и сил. У нас всё в одном месте. Обычно стол музыкального редактора или программного директора радиостанции – это огромные залежи дисков. У нас же песни места не занимают, все структурировано, разложено «по полочкам». Кроме того, что мы дистрибьютируем новую музыку, мы еще собираем информацию о том, что потом с этой музыкой происходит на радио. Это вторая и очень важная часть нашей работы, потому что в мире сейчас существует достаточно много проектов дистрибьюции в Интернете новой музыки для разных категорий, в том числе и для радиостанций. И в мире существует масса проектов, где аккумулируются некие статистические ресурсы, чарты и все то, что связано с шоу-бизнесом. У нас эта история интегрирована в одном проекте, этим мы и отличаемся от других. То есть, с одной стороны, мы – канал дистрибьюции, с другой стороны – индикатор «де-факто» того, как воспринимается новая музыка огромной радиоаудиторией. Это важно как для самих радиостанций, которые с нашей помощью планируют эфир, это помогает им понять, что в целом происходит в эфире, так и для артистов и продюсеров, потому что это помогает им понять, что они «наваяли». Мы не отрицаем могущество крупных сетевых радиостанций, прежде всего таких станций, как «Русское радио» и «Европа плюс». Песня, которая становится в их эфир, сразу имеет огромную аудиторию. И теоретически Вы можете прийти на любую московскую станцию и отдать свою песню напрямую. Но это в Москве. А вот отдать песню напрямую где-нибудь в Иркутске

или Южно-Сахалинске у Вас может и не получиться...

Мне стало обидно за Южно-Сахалинск, но Игорь не дал провинциально-гордой искре во мне возгореться в пламя.

– Исторически так сложилось, и не только в России, во всем мире есть определенные центры, где концентрируется продакшн.

В Америке это Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Нэшвилл, если говорить о музыке кантри. В Великобритании – Лондон, во Франции – Париж, ну, а в России все сконцентрировано в Москве. Поэтому бо2льшую часть новой музыки мы получаем в Москве. Но у нас есть представительство на Украине, потому что там развитый рынок коммерческого радиовещания и масса талантливых артистов, которые могут быть интересны большой русскоязычной аудитории, а также представительство в Германии, потому что там много русских. Но все равно почти сто процентов музыки производится в Москве или сюда привозится. Если нам звонят из Свердловска или другого города, представляются и хотят поставить нам на сайт песню, мы говорим, куда надо зайти в Интернете и что надо сделать.

– То есть любой, кто написал песню, может ее поставить к вам в эфир? – подивилась я демократичности Игоревой конторы.

– Теоретически да. Практически конечно же оказалось, что контроль все-таки существует. Во-первых, мы по-разному работаем с нашими партнерами. Партнеры – это, с одной стороны, радиостанции, которые являются потребителями музыки и статистики, с другой стороны – это артисты, продюсеры и рекорд-компании, которые являются поставщиками. То есть мы в данном случае являемся прокладкой между производителями и потребителями музыки. Радиостанции – это тоже прокладка между слушателями и сценой, а мы – прокладка между артистами и радио. Для чего мы нужны артистам? Даже если у артиста мощная продюсерская структура, ему все равно очень сложно окучить несколько сот радиостанций. Артист привозит новую песню нам или присылает ее по Интернету...

Вот так оказалось, что все уважаемые органы на самом деле – прокладки! Не зря им отведено такое почетное место в телевизионном эфире. В деликатном, коварном и всех будоражащем вопросе о том, что за размещение в любых эфирах в России платят, Игорь неожиданно признался. Как посыпал голову пеплом.

– Кто-то платит, – покаялся он, – кто-то – нет. Артисты, которые «де-факто» являются звездами, как правило, денег не платят.

– А Вы можете сделать из человека звезду? – решила я помочь подросткам всей страны. – Например, человек из Уренгоя написал

песню, Вам она понравилась, и Вы делаете из него суперзвезду, потому что у Вас есть механизмы влияния.

– Ну, ценность механизма влияния в самом его наличии. А если серьезно, то мы декларируем невмешательство в деятельность музыкального менеджмента радиостанций, – отвертелся от ответственности Краев. —

Я могу позвонить практически любому музыкальному менеджеру радиостанции, многих я знаю лично, но я никогда не буду просить за какого-нибудь артиста или песню. То есть мы, в данном случае, просто техническое звено, которое работает настолько эффективно, что устраивает и артистов, и радиостанции.

На мой вопрос, может ли он и его детище быть первоисточником раскрутки песен, Игорь просто кивнул. Видимо, экономил батарейки в диктофоне.

А я не унималась в борьбе за счастливое будущее гипотетически взятого парня из Уренгоя:

– Парень в Уренгое написал гениальный хит – что Вы делаете?

– Хит – это некая состоявшаяся категория, – вежливо пояснил акула шоу-бизнеса акуленку. – Нельзя сказать, что всякая гениальная песня станет хитом. Мы не раскручиваем и не продвигаем, мы – техническая структура, но мы – очень эффективная техническая структура. Менеджеры радиостанции сами принимают решение о том, пройдет ли песня в эфир. И если песня талантлива, то ее обязательно заметят на радио. У нас, как правило, появляется в пределах пятидесяти новых песен в неделю. Скачивают треки четырехсот радиостанций, начиная от московских и заканчивая русскоязычными вещателями где-нибудь в США или Германии. Наша целевая аудитория очень узкая, всего несколько сот человек. Но эти люди управляют огромной аудиторией в десятки миллионов радиослушателей. И мы часть этой цепочки. Причем в своем секторе мы, можно сказать, монополисты.

В надежде, что антимонопольный комитет книжек не читает, а только пишет, спешу сползти со скользкой темы. И заползаю на основную:

– Можно ли в России стать мультимиллионером от шоу-бизнеса?

– Да, я думаю, что мультимиллионеров достаточно в российском шоу-бизнесе: артисты, продюсеры, руководители компаний, всего десятки человек.

Интересуюсь, как он сам докатился до такой жизни.

– Очень стандартно. Когда я еще был молодым и красивым…

Ах, какая кокетка, знает ведь, что могу его фотографию разместить в книге и все увидят, что он – молодой красивый и сейчас.

– ...Я со школы занимался музыкой, пел и играл на клавишных инструментах. После школы я занимался этим и в университете. Потом очень много работал на студиях, в музыкальных коллективах средней руки, но объездил весь тогда еще Советский Союз и приобрел достаточно большой концертный опыт. Потом я несколько лет работал на студиях, а потом и на радио. Сначала в качестве независимого продюсера, потом в качестве ведущего и, наконец, в качестве программного директора. Это было в Крыму. Была такая радиостанция «Крым Радио Рокс». Мне в какой-то момент стала интересна эта сфера, и я туда полез, не имея никакого опыта. В итоге стал программным директором радиостанции. Это была очень интересная работа. Когда я приехал в Москву, у меня уже было несколько смежных профессиональных «пластов»: студийная работа, продюсерская работа, работа музыканта, работа на радио и т. д. Собственно, как наш проект – это результат этих моих знаний и накопленного опыта. И работаем мы очень эффективно именно потому, что хорошо понимаем, что необходимо всем участвующим в процессе сторонам.

Взываю к его адвокатским чувствам и напоминаю о злопыхателях, которые говорят, что попса – это примитивно, музыка в две ноты, то есть всячески хулит и ругает российский шоу-бизнес.

– Мне кажется, что все достаточно естественно развивается, так же как и везде.

– А что, Моцарта, когда он был молодой и живой, тоже современники считали производителем популярной музыки, его тоже ругали и критиковали?

– Я не вижу чего-то такого, чем российский шоу-бизнес на этом этапе отличался бы от европейского или американского шоу-бизнеса некоторое количество лет назад. Есть, конечно, какая-то специфика, но в целом все повторяется. Если говорить об американском шоу-бизнесе, он по-другому структурирован, другое законодательство, другая музыка. Они развивались гораздо дольше. История их FM-радиовещания – больше полувека, а у нас и двадцати лет нет еще. Менталитет у людей разный, это нормально. А что касается музыки, плохая она или хорошая, – это дело вкуса. Я не слушаю наши радиостанции.

Я стараюсь не слушать ту музыку, которую мы дистрибьютируем. Я уже взрослый человек и могу себе позволить слушать радио редко и только по работе.

Ну вот, договорились. Игорь не любит и не слушает музыку, которую распространяет в массы.

– Ту музыку, которую мы дистрибьютируем, – подтвердил мои опасения Краев, – в большинстве случаев я не слушаю. Может быть, это связано с возрастом, может быть, с тем, что я давно занимаюсь музыкой и уже ее как бы «объелся». Если говорить о Моцарте: что люди, слушающие «Европу плюс» или «Русское радио», знают о Моцарте? Ничего. В лучшем случае на память придет первая часть его 40-й симфонии. А мне в 40-й симфонии нравится не первая часть, а третья, менуэтная и финальная четвертая часть. У меня в машине есть диск с этим произведением Моцарта, я слушаю вторую часть – когда тяжелое настроение, а когда повеселее – третью и четвертую. Вот и все. В этом отличие. Тот продукт, который мы предлагаем, – это массовый продукт, радиостанции работают на массу. Две третьих радиостанций, с которыми мы работаем, имеют формат CHR (Contemporary Hit Radio) – это современная поп-музыка, где сорок—пятьдесят позиций эфирятся с умопомрачительной ротацией до восьми раз в сутки!

Нормальный человек, который десятки лет занимается музыкой, не может это слушать. Поэтому, если мы говорим о Ваших или моих музыкальных пристрастиях, – это одна история. Если мы говорим о бизнесе – это другая история. Например, в студиях на «Европе плюс» я встречал плакаты, на которых написано что-то вроде: «Любимую музыку ты слушаешь дома, а здесь ты на работе!» Это естественно, поскольку «горячая» ротация по семь-восемь проходов песни каждый день в течение пяти-шести недель – это технологическая необходимость. Именно таким образом программный директор и музыкальный редактор радиостанции укладывают в мозги большого количества людей ту музыку, которую считают актуальной в данный момент. Формат CHR – это большая часть радиостанций, которые вещают не только здесь, в России и странах СНГ, но и в Европе. Формат радио «Европа плюс» – CHR Top 40. И кстати, формат «Русское радио» – то же современное хит-радио, но только с локальным, так сказать, репертуаром.

Но это же ужасно. Человеку, который, работая, часто слушает радио, например, водителю, тяжело слушать одну и ту же песню сто раз. Чем оправдан этот формат?

– Этот формат позволяет эффективно продвигать музыку, – заявила безжалостная шоу-бизнес-машина голосом Игоря. – С точки зрения аудитории, любимая радиостанция – это станция, в эфире которой часто крутится та музыка, которая ей нравится.

И реклама появляется только тогда, когда у радиостанции

есть аудитория.

Предлагаю погадать на кофейной гуще – что произойдет с шоу-бизнесом в будущем?

– Ну, суть не изменится... А вот в технологиях есть очень интересные вещи, которые будут актуальные через несколько лет. Об этом мало кто знает. Например, интернет-радио знают и слушают, но интернет-радиостанции – это дубли эфирных радиостанций. Московскую «Европу плюс» можно слушать по всему миру. Но есть уже и отдельные интернет-вещатели. В связи с тем, что беспроводные сети развиваются в крупных мегаполисах, технология настолько быстро идет вперед, что, возможно, через несколько лет интернет-вещание будет занимать очень большую, если не подавляющую долю рынка радиовещания в целом. В чем отличие отдельного интернет-вещания, не дублирующего эфир какой-то станции? В том, что, когда мы слушаем радио, у нас очень ограниченные возможности: если нам не нравится то, что играет в эфире, мы можем переключить на другую радиостанцию или выключить, но мы не можем выбирать. А в интернет-вещании возможна чрезвычайно высокая степень интерактивности. Например, поет тот же Киркоров, и вот эта его песня Вам не нравится, Вы нажимаете определенную кнопочку и выкидываете ее вообще из своего «плей-листа». А если Вы слышите песню, которая Вам нравится, то интернет-вещатель может предложить Вам похожие песни, Вы слушаете и выбираете те из них, которые захотите послушать в дальнейшем.

– Здорово! Сам себе создаешь свое радио!

– Совершенно верно, – обрадовался Игорь, что блондинка его поняла. Но на всякий случай, видимо, стереотипно полагая, что «светлая голова» и «девушка со светлыми волосами» – это не одно и то же, повторил: – Сам создаешь и сам управляешь. Это очень перспективное направление, думаю, что в ближайшие год-два мы его внедрим.

– Если у Вас скачивают песни, то Вы артисту выплачиваете его трудовые копеечки? – мне хотелось быть спокойной за шоу-миллионеров.

– Схема такова: радиостанция получает от нас новую музыку бесплатно, человек от радиостанции заходит под определенным паролем и берет новую песню. У радиостанции – мы стараемся на это влиять – должны быть договора с организацией, которая управляет авторскими правами и организацией, которая управляет смежными правами.

Девушка со светлыми волосами попросила, как будто бы для некоторых невсепонимающих читателей, уточнить разницу между авторскими правами и смежными правами.

– Авторские права – это права композиторов и поэтов, а смежные права – это права тех, кто эти песни поет и кто записывает фонограмму, то есть, рекорд-компании. Права рекорд-компании, которая записала песню, – это смежные права, права исполнителя, который песню спел, или музыкантов, которые ему аккомпанировали, – это тоже смежные права. Почему станции должны платить в эти два направления? Потому что, если они платят только авторам, тогда они должны рассказывать в эфире, из каких нот состоит мелодия, и читать стихи песен. Но они же используют фонограммы, а фонограммы – это объект смежных прав.

– Радиостанции честно всегда платят исполнителям?

– Нет, не честно и не всегда, – обнажил Игорь страшную правду российского шоу-бизнеса. – На территории других государств, например Украины, действуют другие организации, но, как правило, мы убедительно просим партнеров, чтобы у них были такие соглашения. Мы не можем их заставить, но периодически мы проводим компании, настоятельно прося заключить такие соглашения. Несмотря на это, есть такие радиостанции, у которых эти соглашения заключены, но которые не платят. Но постепенно становится все больше радиостанций, которые делают отчисления как авторам, так и владельцам смежных прав. Нас это радует, потому что это нормальный легальный процесс.

А еще Игорь рассказал мне по секрету, кто в шоу-бизнесе главный!

– Вы слышали, может быть, о Московском государственном университете управления в Выхино, в Москве, где готовят в том числе и продюсеров. Я, как и некоторые другие деятели российского шоу-бизнеса, читаю там свой раздел, он касается использования интернет-технологий в шоу-бизнесе. Так вот, первым делом я у студентов спрашиваю: «Ребята, скажите, какая целевая аудитория у молодого артиста?» Они начинают фантазировать, высчитывать возраст, социальный статус мальчиков и девочек... А я им говорю, что главная целевая аудитория артистов – это музыкальные редакторы и программные директора нескольких десятков, в лучшем случае – сотен радиостанций. Именно от них зависит, услышат ли этого артиста миллионы мальчиков и девочек, а также тётечек и дядечек.

И еще несколько слов о шоу-бизнес-тенденциях.

– Самая горячая тема для большинства людей и для значительной доли профессионального сообщества в шоу-бизнесе – это переход дистрибьюции музыки с физических носителей (в основном компакт-дисков) в Интернет. Их это волнует, потому

что это реальные и очень большие деньги. Через некоторое время Интернет перейдет в следующую стадию, он станет в десятки и сотни раз быстрее. Поэтому мы говорим, что через несколько лет произойдет технологический прорыв в области Интернета. Например, сейчас получить письмо с вложениями на десять мегабайт для кого-то проблема, для кого-то нет. Через несколько лет по сети будут «летать» гигабайты. Через некоторое время доля вещателей в Интернете будет увеличиваться, а потом они займут доминирующую позицию. В связи с интернет-вещанием «по заказу» и в связи с активным развитием сервисов типа «Youtube», где можно выкладывать видео. Youtube.com – очень известный сервис, который Google купил за миллиарды. На этом сервисе человек размещает видео, которое он часто сам и произвел. Если видео интересное – его смотрит куча народа. Таким образом, ситуация будет меняться и в коммерческом интернет-вещании. А именно, барьеры в виде рекорд-компаний, продюсеров, «нравится – не нравится», «пойдет – не пойдет» в значительной степени будут отмирать. В ситуации, когда в качестве посредника между производителем музыки и слушателем становится Интернет, очень многие структуры постепенно теряют актуальность. Условно говоря, если артист сам может принести свою новую песню на интернет-радиостанцию и эта песня понравится, то благодаря интерактивности этой интернет-радиостанции ему будет уже не нужна эфирная радиостанция. Будут меняться и схемы работы, и схемы распределения финансовых потоков, а это, согласитесь, очень важно.

Получается, что только парикмахеры останутся без изменений в шоу-бизнесе. Этот бизнес самый перспективный, потому что он – вечный. Как и его технологии. А вот все остальное развивается со страшной скоростью. Страшно даже представить: телевизор перейдет в компьютер, радиоприемник перейдет в компьютер, газеты и журналы тоже.

Я вздрогнула и перевела разговор на более приятную тему – сплетни:

– С кем дружите, с кем водку пьете?

– Дима Маликов, например, звонит не мне, а моей помощнице Лене Куниной, – пояснил Игорь свою серо-кардинальную дискретность, забывая, что Дима Маликов нормальный мужчина и предпочитает общаться с девушками. – Очень многие артисты знают меня заочно, и я этому только рад. Когда Филипп Киркоров поздравлял нашу компанию с четырехлетием, а мы его праздновали красиво, дорого, валютно, он несколько раз меня назвал по имени, и мне было очень

неудобно, потому что я не публичный человек. Я люблю тихо управлять процессами. По-человечески мне симпатичны некоторые артисты. Мне симпатичен Киркоров, потому что, при всех сложностях и минусах карьеры суперзвезды, каковой он является, он десятки лет остается хорошим артистом. Боря Моисеев – нереально умный и очень креативный, он не такой певец, как Киркоров, но фишка в том, что он артист. Артист – это не то что просто певец, когда артист выходит на сцену, у зрителей начинают мурашки по спине бегать. При этом он может петь совсем мимо. Или под фанеру.

– Тем более что с развитием научно-технического прогресса и появлением компьютера можно вообще не напрягаться… Так же, как фотомодели с появлением фотошопа стали нормально питаться.

– На записях его, конечно, подтягивают, и на концертах он вживую, как правило, не поет, но он очень хороший артист. Я был с ним в некоторых ситуациях, когда какие-то люди морщили лбы, пытаясь что-то понять, приходил Моисеев и говорил: «Это нужно сделать так, а это – так, это называется так, а это – так». И все говорили: «Боря, ты гениален». Мне очень нравится Ева Польна, очень нравится то, что они делают с Юрой Усачевым, это рассчитано на хороших, умных людей, к которым я себя причисляю, и мне очень близко их творчество. Мне нравится то, что делают ребята из «А-Студио». Мне нравится то, что делают Паша Есенин и Эрик Чантурия со своими ребятами из «Hi-Fi».

– А правда, что Паша Есенин сам поет, а на гастроли по городам и селам ездят ребята? – посплетничала я.

– Я свечку не держал, – открутился Игорь. – Много чего говорят. Я ни разу не был в студии на записи, поэтому не могу сказать, кто поет: Митя, Тимофей, Паша или девочка. Девочка у них в любом случае поющая. Да и потом, о чем мы говорим? Они хорошие артисты, это главное. Плохие артисты тоже могут пробиться наверх, но надолго они там не задерживаются.

– Кстати, давайте поговорим об этом, – журналист во мне наступил коленом на нежное горло деликатности. – Я понимаю, что Ваша дипломатичность имеет основания, но если мы будем только хвалить людей, никто не поверит в нашу искренность и объективность. Поругайте, кого не жалко.

– Мне всех артистов жалко. Я сам был артистом и знаю, что люди говорят, что звезды, дескать, зажрались, требуют на гастролях какие-то безумные «люксы», «мерседесы» и т. д. А теперь представьте, что Вы сидите дома на диване, смотрите телевизор, в соседней комнате Ваши дети играют, а люди, которым уже за тридцать и за сорок, мотаются как проклятые по

«пырловкам», живут в непонятно каких гостиницах, спят каждый день в очередной не понятно какой койке, и это неотъемлемая часть их работы. Это одна сторона. И вторая сторона, которая касается звезд: люди, которые выходят на сцену, общаются с большим количеством поклонников, зрителей и слушателей, очень много и очень быстро начинают понимать о жизни, о людях. Они безумно устают через какое-то время, потому что морально старятся быстрее, чем обычный человек. Я с огромным уважением отношусь к Софии Ротару или к Алле Пугачевой. Они работают уже десятки лет, и мне их жалко. Потому что все хорошее и все плохое, что может быть в жизни, у них уже было лет двадцать назад. Я недавно прочитал интервью с Михалковым-старшим, который написал гимн, ему девяносто с чем-то лет. Его спросили, что он хочет, и он ответил: «Чтобы поскорее все это закончилось». То есть он давно устал от жизни.

Я отчасти на своем опыте понимаю, что людям, у которых в жизни уже было это, это и это, очень многие вещи в жизни уже не интересны. И мне их жалко, потому что то, от чего человек устает к 70–80 годам и спокойно умирает, они уже знают к 30–40 годам. Дальше очень трудно жить на самом деле. Это реальная проблема, поэтому наркотики, алкоголь и еще непонятно что. Обычный человек никогда не поймет этого артиста, потому что он другой и живет нормальной, обычной жизнью. Невозможно понять артиста, у которого двадцать концертов в месяц, съемки, если не находишься в его шкуре или хотя бы рядом с ним. Тогда ты понимаешь, насколько это тяжело, насколько они не свободны. Поэтому, когда мне говорят, что кто-то нюхает, кто-то бухает, я отвечаю, что для человека, очевидно, это единственный способ не слететь с катушек.

Одна из форм «слета с катушек» уже имеет устойчивое полумедицинское название – «звездная болезнь». Интересуюсь, «звездная болезнь» – это феномен, который неизбежен на определенном этапе развития любого артиста, и можно ли ею управлять?

– Это невозможно спрогнозировать, – говорит доктор Краев, повидавший разные клинические случаи, – для большинства людей – это неизбежно. «Звездная болезнь» – это один из составляющих элементов артиста. Некоторые артисты каким-то образом переживают самые неприятные проявления этой болезни, переболевают и дальше несут себя и свое творчество в массы. У некоторых это проявляется очень сильно, и они этого не переживают. Люди, которые работают с этими артистами, терпят до какого-то момента, а потом говорят: «Пока! Да, мы в тебя вложили кучу денег, сил, но если ты такая звезда – иди себе сам!

Не забудь только прислать денег». После этого карьера артиста, как правило, стремительно движется к закату.

Пытаюсь постичь суть основных конфликтов между продюсерами и их питомцами.

– В неадекватном восприятии питомцев своей собственной значимости, – подсказывает мне Игорь.

Стрельба настоящими пулями в Авраама Руссо, суды Кати Лель с бывшим милым другом, сломанный нос Жасмин, невозможность использования «Премьер-министром» названия и прочие «высокие отношения» созидателей с созидаемыми.

– По Руссо – без комментариев, потому что я не знаю подоплеки, – подул на что-то очень горячее Игорь. – Йося (Пригожин – продюсер Валерии. – *Прим. ред.*) – очень талантливый человек, и, как всякий талантливый человек, неоднозначен. Я не хочу сказать, что он плохой или хороший, он – один из самых талантливых менеджеров в российском шоу-бизнесе. Что там было с Руссо, я не знаю. Что касается Кати Лель, она нарушила определенные обязательства в отношении своего мужа, Саши Волкова. Он использовал легальные юридические рычаги для того, чтобы защитить свои интересы. То есть Волков купил у Фадеева все ее хиты, благодаря которым она превратилась в звезду из начинающей уже много лет певицы, гастролирующей по второсортным московским клубам. Во многом благодаря финансовым вливаниям Волкова, Катя получила этот материал и смогла его исполнять. С Фадеевым у них были определенные договоренности. После того как статус Кати Лель изменился, она решила, что она уже настолько «озвездела», что может обойтись без помощи Волкова. Более того, многие считают, что она его в какой-то момент кинула. Не знаю, у них сейчас идут суды, одни из них разрешают ей петь эти хиты и работать под именем Катя Лель, другие – запрещают… Когда это закончится, не знаю.

Похоже, что Игорь поддерживает продюсеров и считает, что именно «звездная болезнь» – причина революции на определенном этапе развития артиста.

– Часто причина в деньгах, – подсказывает Игорь.

Кто жадничает? Артист или продюсер?

А может быть, артист, сначала молодой и неизвестный, ради славы соглашается на любые договорные условия, а потом оказывается, что все не так, как ему расписывали, а трудней и дороже. В этом случае необходим пересмотр условий, но этого не происходит. Продюсер хочет продолжать зарабатывать больше, а отдавать артисту всего по сто долларов с концерта.

– Если продюсер будет белым и пушистым, – блеснул

акульим клыком Краев, – то он никогда не сделает проект. Продюсеры часто достаточно жесткие люди. Юрий Айзеншпис очень непростой был человек. Я скажу больше. В каких-то ситуациях он был редким сукиным сыном. В отношении партнеров. Своих артистов он, как правило, любил, и с ним они были, как за каменной стеной. Но, к сожалению, часто артисты, при том что у них тяжелая реальная жизнь, начинают на каком-то этапе неадекватно воспринимать окружающую действительность и свою роль в ней. Тогда возникает ситуация, как с Лель или с бывшими «Премьерами». Эту ситуацию я знаю лучше и выступлю на стороне Евгения Фридлянда. Ребята реально стали звездами только благодаря упорству, деньгам и многолетним усилиям Фридлянда. У них периодами были на редкость дрянные отношения, я не знаю, почему Фридлянд терпел всё и еще тогда не расстался с ними. Когда же все образовалось, они наконец стали звездами, парни вдруг решили, что теперь смогут все сами. А ведь их единственное достоинство заключалось в том, что они умели петь. Всего остального у них не было: ни особого таланта, ни самодисциплины, ничего. А сносно петь, между нами говоря, могут в любом кабаке.

И просто певцов – в любом населенном пункте сотни и тысячи. Образно говоря, сейчас поют все, у кого есть рот. Одним словом, я очень рад, что в тяжбе с бывшими «Премьерами» победил Фридлянд.

Ах, так? Тогда акуле – акулья участь. Вот вам адрес его любимой игрушки, где висит номер его мобильного телефона: http.//www.tophit.ru. И если после этого его не замучают телефонными звонками будущие звезды, то тогда я не гожусь больше в Вожди артистического пролетариата и пойду устроюсь на фабрику пришивать пуговицы.

Глава четырнадцатая
Юрий Цейтлин, президент группы компаний «CD Land»

О том, кто был пиратом, а теперь с ними воюет, о взятках, о смежных и авторских правах, а также о том, как заработать миллионы на музыке для мобильных телефонов

> Юрий Цейтлин замыкает блестящую вереницу миллионеров шоу-бизнеса этой книги, не только потому, что в шоу-бизнесе самое почетное место – это выступать в конце концерта. А еще и потому, что его я по времени проинтервьюировала последним из всех героев книги. Тогда, когда издательство уже недвусмысленно дышало в затылок с настойчивой мольбой сдать рукопись. Как приятно все-таки быть такой востребованной модной писательницей... Ой, простите, отвлеклась.

Возвращаюсь к Юрию... нужно отметить еще и то, что, хотя и квоту на миллионеров из рекорд-бизнеса в этой книге я уже перебрала, он оказался таким обаятельным и так шустро выдавал секреты, что пришлось перевыполнить план по договору с издательством на количество авторских листов. Вот уж они удивятся, ведь писатели обычно стараются не перерабатывать и не писать больше необходимого по договору количества страниц, не говоря уже о тех, кто не знает, как и дотянуть до нормы, наливая «ведра воды», разливаясь мыслью по древу. Так что именно Цейтлину издательство может выставлять счет на перерасход бумаги и типографской краски.

Не подозревая еще о том, какая он кладезь для журналиста, я, лениво попивая гранатовый сок в его любимом ресторане «Лалуна», принадлежащем его семье, задала дежурный вопрос о том, как он познакомился с шоу-бизнесом.

– Первое знакомство с шоу-бизнесом у меня произошло в детстве, когда я пел в школьном хоре песню «Неразлучные друзья есть на белом свете»...

В этом месте я чуть не упала с дивана, потому что абсолютно незакомплексованный Цейтлин запел эту дурацкую детскую песню и на нас уставилось полресторана. Остальная половина была обслуживающим персоналом, видимо, уже привыкшим к оригинальности персонажа. Придя в себя от изумления, я

замахала Цейтлину руками, показывая, что песню я знаю и очень люблю, но допевать ее не стоит.

– Я очень люблю петь, не то чтобы учился этому, но у меня есть определенные таланты. Я думаю, что можно это назвать шоу-бизнесом, потому что в зале сидели дети и хлопали, и мне это нравилось. Я даже не мог предположить, что через лет пятнадцать —двадцать я буду работать в шоу-бизнесе.

Странно, что же он делает по ту сторону баррикад?

– Вообще я всегда был массовиком-затейником, любил вести свадьбы и даже собственную свадьбу вел я сам, всегда был гвоздем программы. По мне не скажешь? В школе я учился плохо, был таким разгильдяем, зато активно занимался общественной деятельностью, был секретарем комсомольской организации школы, выпускал стенгазету и так далее. Особенно тяжело мне давались точные науки. Учитель физики постоянно хотел меня выгнать, а наш классный руководитель, учитель по литературе Галина Алексеевна, на всех педсоветах голосовала двумя руками за то, чтобы меня оставили. Так я и перешел с двойкой по физике из восьмого класса в девятый, потому что говорили, что школа не может существовать «без Цейтлина».

Проблема с массовиками-затейниками заключается в том, что они настолько увлекающиеся натуры, что забывают о поставленном вопросе. Для тех, кто с бронепоезда, повторяю: почему тогда не перед камерой, а в тени?

– Я пока не на сцене, но уж точно не в тени. А потом, обстоятельства складывались так, что сначала я стал продюсером, и только затем начал думать о сольной карьере. Вообще, попадание в шоу-бизнес связано с определенной долей мистики. В 90-м году я окончил школу. И стал вопрос моего поступления в институт либо похода в армию. Так как для моего еврейского папы поход его сына в армию был бы убийством, поэтому, чтобы не попасть в стройбат, я попал в Московский автодорожный институт, что само по себе является стройбатом, потому что на пятом курсе я поехал, конечно, уже не на два года, а всего на месяц на сборы, и там верно нес службу в автодорожных войсках. То есть получилось как раз так, как не должно было получиться. Но это был лишь месяц, и папа был готов это пережить. А вообще, если быть честным, в Московский дорожный институт я поступил не без помощи…

– За взятку? – не удивилась я.

– Конечно, – удивился вопросу Юра. – И папе это обошлось в дубленку. Кстати, я не думаю, что сейчас это намного дороже, хотя все зависит от института.

– И от дубленки, – вспомнила я цены на шкурки по имени

Фенди.

– Ты очень похожа на мою двоюродную сестру, – неожиданно сошел с рельсов интервью Юра, – Олю Цейтлину. Не путай с известной Ульяной Цейтлиной, о которой все меня спрашивают. Это не моя родственница, я ее никогда не видел…

– Вернемся к шоу-бизнесу, – взмолилась я.

– В 94 году у меня был товарищ, – охотно согласился повспоминать Юра, – Аркаша, который поехал в Болгарию и привез оттуда диски. Первыми станки по производству компакт-дисков закупили болгары и китайцы. И, не имея никакого представления о смежных и авторских правах, как и россияне в те времена, начали зарабатывать бешеные деньги, печатая Мадонну, «Роллинг стоунз» и прочее. Это был расцвет пиратства. В то же время зародилась легендарная Горбушка, площадь около ДК Горбунова. На этой площади собирались меломаны, которые общались между собой и продавали-обменивались винилом и только появившимися дисками. Моему товарищу нужны были продавцы, и по тем временам он неплохо платил – по сто долларов за выходные. Мы были студентами, а сто долларов за два дня – это были хорошие деньги.

Как не стыдно! Сейчас Вы боретесь за то, чтобы все диски продавались только легально.

– Могу сказать, что многие с этого начинали, – оправдывался рекорд-бизнесмен. – Даже известный Ричард Брэнсон, который построил корпорацию «Virgin», делал серый импорт и имел проблемы с законом. Мне не стыдно, потому что на тот момент я не понимал, что это пиратство и что кому-то надо за что-то платить.

– Это были первые сто долларов. Как Вы заработали первую тысячу?

– Мы постояли какое-то время на этой Горбушке, – рассказывал человек, чья компания сегодня входит в тройку лидеров на рынке, – но денег хватало только на клубы, хотя мы чувствовали себя олигархами. Нас было несколько человек: я и двое партнеров, с которыми я и сейчас работаю. Так, один, Антон Коссый, учился со мной в школе и тоже пел «Неразлучные друзья…», а второй, Женя Бахуров, учился с Антоном в институте. И вот мы решили сами слетать в Болгарию и привезти эти диски.

– Значит, Вы не только пиратством занимались, но и кидали своих партнеров? – поразилась я чистоте нравов в шоу-бизнесе.

– Мы никого не кидали. Во-первых, они были нашими работодателями, а не партнерами. Во-вторых, мы хотели самостоятельности. Да и они стали к нам не очень по-доброму относиться, – оправдал волчьи манеры волчьей жизнью

Цейтлин. – У нас была жажда роста и жажда купить себе джинсы вместо «Монтана» – «levis strause». Я считаю, это нормально. Через некоторое время мы им составили такую конкуренцию, что у них просто не осталось шансов. Мы собрали со всех наших родителей деньги – десять тысяч долларов, прилетели в Софию, взяли такси и начали расспрашивать, где продают диски. Нас направили в магазин «Унисон» на улице Витоша. Там тоже все было нелегально, но очень красиво, не хуже, чем в магазинах «Virgin». Мы приехали и попросили у продавщицы десять тысяч экземпляров какого-то диска. Продавщица «упала в обморок», потом очнулась, куда-то ушла. Мы долго ждали, пока она с кем-то совещалась, потом приехала красивая иномарка. Из нее вышел «модный» болгарин, кудрявый, с золотой цепью, колоритный местный бандит, похожий на Киркорова, но только толще в два раза. Он спросил, мы ли интересуемся дисками. Мы ответили, что да. Потом куда-то поехали, нам завязали глаза…

– Вы не испугались? – испугалась я за них.

– Испугались, – честно признался Цейтлин, – но так как десять тысяч долларов мы спрятали в бачке от унитаза в съемной квартире, то логически я понимал, что с нас взять нечего, поэтому было страшно, но не очень. Офис, в который мы приехали, был нереально красивый. Они тогда зарабатывали уже бешеные бабки, сотни миллионов в месяц, потому как Болгария поставляла эту продукцию всем соседним странам, которая расходилась в дальнейшем на весь мир. Мы сели за стол переговоров, и они спросили, что нас к ним привело.

– Какова была тогда стоимость одного диска?

– Три с половиной доллара в опте. Сейчас даже лицензионный диск стоит гораздо дешевле. Кстати, если говорить об объемах продаж мультимедийной продукции на сегодняшний день, то соотношение легальной к пиратской продукции – восемьдесят к двадцати: восемьдесят процентов пиратской и двадцать процентов легальной продукции. Что касается CD, то здесь ситуация немножко выровнялась, потому что у пиратов пропал интерес к этому виду продукта. В связи с тем, что музыка стала уходить в цифровые каналы, а также появились DVD, которые по стоимости аналогичны, и к тому же он является более привлекательным для покупателя.

– А когда Вы заработали первый миллион?

– Первый миллион компании появился не сразу. Мы стали возить диски, кстати, в самый первый раз нас сильно подставили. Мы купили десять тысяч дисков «Electric light orchestra», а наши болгарские друзья одновременно продали этот альбом еще нескольким людям. Рынок был еще не так развит и не мог

переварить такой объем одноименной продукции. К тому же нам дали только диски, а еще две недели мы ждали полиграфию, и в итоге, когда мы вернулись, вся Москва уже торговала этой пластинкой. Мы два месяца пытались это как-то рассовывать, мы начали паниковать, не зная, что делать со всем этим. Но все закончилось хорошо, рынок начал быстро расти, за несколько месяцев мы все продали и приехали в Болгарию уже с умными лицами, сразу расставив все точки над «i». Но менталитет у наших партнеров был, конечно, «цыганский». По прошествии какого-то времени мы начали возить диски тоннами, постепенно становясь лидерами. Отмечу, что мы никогда не продавали российскую музыку. Наверное, потому, что не хотели иметь проблем с отечественными компаниями-правообладателями, которые на тот момент стали зарождаться. Хотя закона, как такового, тогда не было, впрочем, как и уголовной ответственности. Это был период с 94-го по 96-й год. Начало нашей легализации я отношу ко времени знакомства с Леней Бурлаковым и группы, которую он создал, – «Мумий тролль». Он родом из Владивостока и учился вместе с Ильей Лагутенко в школе. Этот человек также нашел Земфиру, и последнее его удачное открытие – это «Братья Грим». В то время он покупал диски для своего владивостокского магазина «CD land», откуда и появилось наше название. Однажды он нам принес кассету, где Лагутенко пьяным голосом, «под пиво» в подъезде, пел «Утекай». Мы послушали, и Леня предложил нам заняться продюсированием и выпустить своего артиста. Для этого надо было двести тысяч долларов. Мы не риск-нули. И тогда он прошелся по многим компаниям, и только Александр Шульгин услышал в нем звезду и взялся за продюсирование.

– Он это делал до Валерии?

– Параллельно. Так вот, «Мумий тролль» начал усиленно продвигаться, но тут, в 98-м году, случился кризис, все цены упали. «Союз» и другие легальные компании приняли решение снизить цены на носители, чтобы удержать продажи. И мы оказались с ними в одном ценовом диапазоне, близком к лицензионному рынку. Кстати, примерно в то же время выходит закон, который вводит уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав. – Увидев в моих глазах сразу два вопроса, в каждом по одному, Юра сжалился и объяснил: – Под смежными правами предполагается запись фонограммы. То есть человек, записывающий фонограмму, обладает смежными правами. Смежные права делятся на две части: исполнительские и фонограммные, пятьдесят на пятьдесят. Тот, кто записывает и вкладывает деньги, тому и принадлежат смежные права.

Авторские права принадлежат композиторам и авторам слов. – Увидев просветление в моих светлых глазах, Цейтлин перешел от ликбеза к рассказу. – Взвесив все за и против, мы легализовались. В это время Шульгин вместе с Бурлаковым выпускает второй альбом «Мумий тролля», который назывался «Икра». Мы предложили им использовать нашу сеть распространения и напечатать дешевый диск, который будет близок по цене с пиратскими. А также договорились со всеми пиратами о том, что они не трогают этот проект. С этого момента началась история легальной компании «CD land». Наше конкурентное преимущество на тот момент было в том, что мы обладали большой сетью распространения, хорошо знали пиратские сети и людей, работающих в них. Мы начали продвигаться, набирать каталог, заключать эксклюзивные контракты на дистрибуцию носителей, тогда еще никакой продюсерской деятельности не было. Вот так образовался наш первый миллион.

– Интересно, как сегодня складываются отношения легальных и пиратских компаний? Кто, как, кого? И насколько это положение неудобное?

– Пиратство нам мешает, – уверенно заявил бывший пират, – и сегодня мы самые ревностные борцы с ними, как это ни смешно. Но я также знаю, что восемьдесят процентов людей, которые сегодня работают в лицензионных компаниях, – выходцы из пиратского бизнеса.

– Почему так получается, что сегодня легальный бизнес в России мал по сравнению с пиратским?

– Потому что пираты плодятся, как тараканы, и с ними сложно бороться. Хотя мы достигли определенных успехов в борьбе, и наша победа не за горами.

– На чем сегодня официальная звукозаписывающая компания делает бизнес?

– Сегодня на носителях зарабатываются небольшие деньги. Основные деньги зарабатываются с концертов, неплохие деньги мы получаем с мобильной телефонии, которая прозрачна и мы ее полностью контролируем. Если песня рейтинговая и стоит в хитах, то один трек может собрать с рынка до полумиллиона долларов. В Интернете, к сожалению, пока невозможно зарабатывать. Но с 2008 года, надеюсь, что ситуация исправится. Потому как в 2008 году выходит четвертая часть гражданского кодекса, который будет регламентировать цифровые продажи в Интернете, и мы наконец-то сможем собирать деньги за продажу треков наших артистов.

Спрашиваю, каких звезд Юра еще больше узвезднил.

– Наша рекорд-компания выпустила таких звезд, как:

Земфира, «Звери», «Пропаганда», «Мумий тролль», Жанна Фриске, «Блестящие», «Смысловые галлюцинации», «Пилот», «Аквариум», «ДДТ», Алена Высотская и многих других.

Обсуждаем хрупкую связь артист-продюсер.

– Как правило, с продюсером происходят разрывы достаточно часто. Например, «Мумий тролль», а позже и Земфира ушли от Бурлакова. Хотя я абсолютно уверен, что если бы не он, Илья бы сейчас по-прежнему сидел в Лондоне и работал каким-нибудь клерком.

В любом случае, с Леней они были действительно звездами, а сейчас я так сказать не могу.

– Вы знаете почти всех звезд лично. Насколько имидж артиста отличается от реальности?

– Всегда отличается. Звезды – такие же люди, а у каждого человека несколько «лиц». Иногда это необходимо для защиты, иногда чтобы быстро соединиться с оппонентом в разговоре. Особенно часто артистам нужно надевать маску счастья и удовольствия. Нет, они не лицемерны, но вы же сами понимаете, что невозможно петь одну и ту же песню на протяжении года, чтобы она тебя вновь и вновь воодушевляла. Это очень сложно.

– Владимир Кузьмин как-то мне сказал, что его тошнит от его песни «Сюзанна».

– Это вполне естественно, потому что люди любят песни-хиты и хотят их слышать на концертах. И конечно, артист не может отказать своей публике, повторяя одну и ту же песню в тысячный раз. Поэтому это абсолютно нормально, что перед выходом на сцену артисты говорят: «Как мне все надоело», если в мягкой форме. Но при этом надевается маска, они выходят и говорят: «Олимпийский, мы с вами!» По-другому нельзя. Поэтому в жизни артисты могут быть нормальными людьми, не такими, как на работе.

– Начинаются наркотики, алкоголь, другие способы ухода от действительности. Почему?

– Потому что это большой стресс, адская работа, перелеты, творческие кризисы…

– У пилотов тоже перелеты.

– Но у пилотов это механический процесс: ключ на старт, взлетели и т. п. А у артистов это постоянная отдача энергии, когда он выходит на сцену, а в зале многотысячная аудитория. И каждому надо донести свой посыл и свое творчество. Когда певец выступает от души и у него положительный настрой, то происходит с залом обмен энергией. А если он прилетает на концерт уставший, выходит без настроения, то, безусловно, энергию свою теряет. Естественно, необходимы какие-то средства,

чтобы восстановиться, расслабиться. Некоторые, например, занимаются спортом. На примере себя, если я выжат как лимон, то иду в спортзал, бью грушу или бегаю по дорожке. У артистов часто такой возможности не бывает, обычно после концерта – приемы, застолья, хвалебные тосты, алкоголь, – что еще больше истощает человека. В связи с чем многие обращаются к своеобразному «допингу», например к наркотикам.

– Слушаете ли Вы сами ту музыку, которой торгуете?

– Не помню, откуда взялось это выражение, я его придумал или кто-то другой, о том, что лучшая музыка – это тишина. Для души я не слушаю ту музыку, которую мы продаем. Когда я сажусь в машину, я включаю «Relax FM» или «Depeche Mode», «A-HA».

– А как Вам удалось преодолеть свои собственные певческие амбиции из детского хора? Почему Вы не поете? Ведь у Вас механизм делания звезд в руках.

– Раньше, когда я этого хотел, у меня совершенно не было времени. Сейчас его не стало больше, но запал внутри уже не тот. Если раньше я хотел петь из-за юношеских амбиций: сцена, переполненный стадион, то сегодня я бы хотел это делать больше для души. Многие говорят, что я должен петь, что в голосе есть какая-то изюминка. «Цейтлин, ты как сапожник без сапог», – подтрунивают они. Но я пока пою только в караоке. Хотя недавно я все же записал песню, дам послушать. Это хорошая песня с точки зрения всех законов хита. Возможно, я и начну свою творческую карьеру в ближайшее время. И если я это сделаю, то обязательно всем скажу, что это Лена Ленина наставила меня на путь истинный.

Вот так и пойдет симпатичный талантливый парень Юра Цейтлин ленинским путем. Главное, чтобы далеко не уходил, а то мы будем скучать.

Послесловие

Шоу-бизнес, как и его типичные представители, продефилировавшие во всей своей красе на предыдущих страницах, оказался милым, заносчивым, гибким, высокомерным, компетентным, хитрым, коммерческим, обаятельным, оппортунистичным, харизматичным, талантливым, предприимчивым, нарядным, эгоцентричным, закомплексованным, энергичным, изворотливым, щедрым, амбициозным, тщеславным, работящим, болтливым, осторожным, ярким, изобретательным... в общем, очень человечным.

Читатели о книгах Лены Лениной

Из писем и комментариев в блоге «http://blogs.mail.ru/mail/elenalenina/»

Леночка, здравствуйте! Прочтя Вашу книгу «отЛИЧНОЕ...», попавшуюся совершенно случайно, испытал искреннюю радость от Ваших успехов, успехов человека, бывшего для многих, и не скрою, для меня, кумиром Сибирского телеэкрана. На ваши книги обращал внимание и раньше, но «торкнуло» только сейчас. Многое, даже очень многое оказалось до боли знакомым – обстоятельства и время, люди и мысли. Я сам «родом» из того времени, и больше тридцати лет прожил в Академгородке, поэтому почти с замиранием сердца и чувством светлой ностальгии вчитывался в подробности того, что составляло Вашу судьбу и судьбу Ваших близких. В общем, прочел «запоем». Стилистически повествование очень хорошо выдержано и читается превосходно и живо. Фотографии (эротика) все великолепные. С обложкой можно даже попробовать заговорить, что мне, по-моему, удавалось). В начале есть места, где предложения построены, что называется, не совсем по-русски, но это практически незаметно. Видимо, причина в том, что вы сейчас объективно еще более «французский ребенок», чем в детстве. Затем вдруг, или наверно точнее как обычно, стал вспоминать себя в то время. Сначала не очень ясная, фрагментарная, но потом все более отчетливая картина собственных переживаний, впечатлений и мыслей нахлынула в душу, а потом не помню уже, в какой момент, понесло... и как головой в омут окунуло в прошлое давнее, и не столь давнее... Закрутило-завертело в голове хоровод воспоминаний... Сегодня (или вчера) совсем не сомкнул глаз... И не хочется... Как будто в машине времени побывал, и комок в горле, и прямо жгучие слезы... И щемит и сосет под грудиной, прямо как в юности... Если все осмыслить, наверное можно и книги писать или фильмы снимать. Но главное я вспомнил: мы с Вами были знакомы и раньше – разве не верно?.. и даже еще раньше. И даже то, что еще раньше я тоже достаточно отчетливо вспомнил... Если я не ошибаюсь, то все или почти все, что должно было произойти, сбылось. Мистика конечно, но факт... А главное, Вы, Лена, теперь – действительно самая настоящая звезда! Я нисколько не преувеличиваю, но если быть предельно откровенным с Вами, хочу, объективности ради, предостеречь – я к Вам необъективен. У меня что-то с сердцем произошло и продолжается, после прочтения вашего

«отЛИЧНОГО...», но, как я вспомнил, началось все еще раньше. Но я не жалею, что пришлось вспомнить. Ничуть. Хотя болит, и хожу уже пару-тройку дней сам не свой, благо – я в отпуске. Если это все бред, то прошу – дайте мне мысленно пощечину, чтобы скорей пришел в себя. Но все же я надеюсь, что вы не будете сердиться на меня, если я позволю себе так закончить письмо.

С любовью к Вам. Феклистов В.В.

Выглядишь – супер!!!

Книгу последнюю читали всем офисом... даже мужики присоединились... много смеялись и спорили. Написана реально хорошо...

Katya

Елена! Я Вами восхищаюсь! Ваши книги перевернули мой взгляд на жизнь, это удивительно, но мне стало проще и интереснее общаться с людьми и понимать их! Ведь это самое главное в жизни, понимать окружающих тебя людей. И конечно я не перестаю восхищаться Вашей внешностью и тем, как Вы следите за ней.

Спасибо за те советы, которыми Вы делитесь в Ваших книгах, они очень важны нам, простым девушкам! Спасибо!

SWELLA

Прочитала очередную Вашу книгу «отЛИЧНОЕ...» и снова в восторге! Великолепная книга! Очень интересная! Читается буквально на одном дыхании. Ни минуты не жалею об ее приобретении! Эта книга – как руководство по достижению высот!

K@leRi@

Мама подарила Вашу книгу «Elite France», начала читать, очень запомнился момент, как себя надо вести с французами... не поверите, через день французы приезжают на переговоры... Спасибо Вам, Вы мне помогли, прочту с радостью и остальные Ваши книги... интересно, чему научат они.

Я прочитала четыре Ваши книги – мне очень

понравилось!! Особенно *Perfection*. Спасибо большое за советы, а про Францию – да это в сто раз лучше любого путеводителя, никто лучше не расскажет про Париж, как тот, кто там живет. Особенно мне понравились рекомендации про магазины. Большое Вам спасибо за рекомендации. От всей души желаю Вам успехов!!!

katerinanet@mail.ru

Здравствуйте! Обожаю Вас! И все мои подруги тоже! Всегда слежу за Вашими книгами, ищу статьи про Вас и ваши фото! Вы великолепны! Спасибо, что Вы есть!!!!!!!!! Конечно, я понимаю, что это скорее всего секрет, но вы не могли бы посоветовать вашего визажиста?

Ксения Самбулова

Прочла «отЛИЧНОЕ...» два раза подряд. Это первая Ваша книга, которую я прочитала. Очень маленький купончик в книге для отзыва, даже не знаю, как выбрать самое основное из того, что хочется сказать. Буду стараться.

Книга написана очень легко, что делает Вам честь. Отличная обложка, оформление, шрифты подобраны хорошо. Чтение такое доставляет удовольствие, книгу приятно держать в руках.

Озакирова

Леночка, я был в Одессе с 22 июня, отдыхал. Зарулил на Дерибасовскую, ну и зашел в книжный... и увидел там твою книгу!!! Я тебя, как говорится, ЗАУВАЖАЛ! Люблю высокообразованных и красивых Женщин! Ты в их числе!

Александр Остров

Поехала я со своим молодым человеком на море отдыхать, начала читать вслух книжку «отЛИЧНОЕ...». Дошла до момента, где 18-летняя Лена с ребенком только заснула, а муж пришел и начал кричать, почему белье не поглажено. Я спросила своего парня, что он думает об этой ситуации... на что услышала в ответ, что кто-то и за детьми успевает следить, и всё по дому делать, и еще и работать. Я в тот момент очень много поняла, что мы слишком по-разному смотрим на жизнь и что наверное, каким бы

парень ни был замечательным, но нужно отдавать себе отчёт, что, если у твоей мамы и папы высшее образование, и тяга ко всему прекрасному, и ты из интеллигентной семьи, а твой парень единственный в своей семье, кто получает высшее образование, то идти вам в разные стороны. Спасибо, что книжечка попалась вовремя под руку! Елена, я во многом разделяю Ваши взгляды на жизнь…!

Lina D.

> Вчера прочитала книгу «отЛИЧНОЕ…». Впечатления положительные. Легкий, ненавязчивый стиль письма, остроумно, жизненно и, думаю, что правдиво. Талантливый человек талантлив во всем, поэтому особенно приятно (в частности, из женской солидарности), что красивая женщина добилась успехов во многих сферах жизни и не останавливается на достигнутом. Отличный пример!

Желаю исполнения желаемого не в течение двух лет, а гораздо быстрее! До этого читала «Sexual» – рекомендовала бы сделать настольной книгой каждой современной женщины, «семья и школа» нас этому не учила.

P.S. Просто отличные фотографии!

Екатерина Морозова

> Спасибо, Леночка, мне с помощью твоей книги «Sexual» удалось встретить любимого человека. А я думала, что уже не судьба. Все оказалось так просто. Мы ведь все это знаем, только почему-то не пользуемся тем, что у нас есть.

Elena355@mail.ru

> До того книги у Вас сочные, грамотные, многогранные…

Есть книги, на страницы которых случайно так прольешь кофе и или глазом не поведешь, или прольешь – и жутко расстроишься. И те, при чтении которых никакое кофе вливать в себя и не требуется. Книги ЕЛЕНЫ ЛЕНИНОЙ как раз из таких. Стимулирующее действие на центральную нервную и сердечную системы они берут на себя.

Мария Однолетко

Здравствуйте.

Впечатление от книги «Мультимиллионеры»:

Прочитанная мной книга, написанная в доступном стиле изложения и подачи материала с использованием иронических высказываний, позволяет четко представить портреты личностей, вообразив их людьми простыми и во многом не отличающимися от других.

Особенно для себя я выделяю В. Потанина, М. Фридмана, М. Куснировича и особо вызывающих уважения – И. Бельтюкову и И. Эльдарханову.

Спасибо вам за книгу, позволяющею расширить свой кругозор, взглянуть на людей бизнеса с другой точки зрения и окончательно утвердиться, что все возможно.

Суважением, Устинов Максим

> Читая книги Лены Лениной, ты входишь туда, куда посторонним вход запрещен.

Морозов Антон

> Елена, вчера закончил читать Вашу книгу «отЛичное…». Книга наполнена Вашими переживаниями и описанием нелегкой судьбы! Ведь недаром говорят: «что Бог дает в жизни трудности тем, кто с ними справится!» И Вы тому доказательство! Когда я перевернул последнюю страницу и дочитал последнее предложение Вашей книги, стало немного печально, что она закончилась! Желаю Вам Большой любви! Вы самая красивая!

С уважением, Виталий

> Здравствуйте, Леночка, только что прочитала книгу «отЛИЧНОЕ…»

Она попала мне в руки совершенно случайно, я слышала раньше о Вас, но не интересовалась. Мне безумно понравилось, я изменила свое представление о богатых и красивых женщинах, теперь Вы для меня пример идеальной женщины, к которому нужно стремиться!

Ольга Калугина

Елена, добрый день/вечер.

Восхищена Вашими талантами. Вы красивая, умная девушка. Такое встречается крайне редко.

С Вами, как с писательницей, познакомилась благодаря книге «Sexual»! Потом была «Multimillionaires». Сейчас приобрела новую книгу «отЛИЧНОЕ…». Только начала читать. Но впечатления позитивные.

Захотелось Вам написать и высказать свое большое спасибо за многие вещи. Я желаю Вам удачи. Пишите, несмотря ни на что и ни на кого. Доброжелателей и завистников всегда будет много. А фраза «победителей не судят» + Ваши ПРИЗНАННЫЕ достижения утрут им «нос».

Pau@2mail.ru

> Здравствуйте, Елена! Поздравляю с выходом новой книги! Очень приятно (действительно, очень!), что Франция узнала именно такую русскую – роскошную, утонченную, интеллектуальную женщину. Мы Вами гордимся.

А те, у кого ирония и скептицизм и т. п. чушь так и прет, просто отчаянно Вам завидуют. Работать надо, господа, работать…

Анна Бунина

> Здравствуйте, Елена.

На днях совершенно случайно увидела Вашу книгу «отЛичное…» (я вообще до этого мало что знала о Вас). Но с обложки на меня смотрела женщина с грустными глазами. Честно говоря, я книгу прочитала за вечер. Вы пишете легко и лаконично. А самое главное, с юмором относитесь к себе, а на это способны не многие. Вообще, Вы – молодец и не обращайте внимание на грязь, которую пишут о Вас. Люди, которые ничего из себя не представляют в жизни и пишут, а что им остается делать?! Им можно только посочувствовать. Я Вам желаю удачи. И сегодня буду искать другие Ваши книги и получать удовольствие от чтения.

С уважением, Ксения

У меня мама любит читать Лену Ленину. А моя самая любимая книга «Мультимиллионеры»!!!

Полина Грекова

Здравствуйте, Елена. Недавно прочитала Вашу книгу «отЛИЧНОЕ…» и пребываю в восторге. Вы молодец, Вы просто умничка. Мне очень понравилась книга, читала взахлеб. Ваша книга дала мне сил идти дальше, я сейчас открываю свой бизнес и сталкиваюсь со множеством трудностей. Но благодаря Вашей книге я понимаю, что со всеми трудностями можно справиться и пережить их, если поднабраться терпения. Спасибо Вам большое, Лена, буду ждать Ваших новых книг. Желаю Вам удачи во всех Ваших делах и начинаниях!!!!!

Алеся

Елена,

Прочитала Вашу новую книгу за два дня, взахлеб.
Очень интересно пишете и вдохновляете!!
Сегодня ровно месяц, как я переехала в Москву, и тут совсем одна.
Четко двигаюсь к своим целям!
Ваш опыт – очень ценен.
Спасибо за книгу!!
Вики

Только что почему-то купила и прочитала Вашу книгу «отЛИЧНОЕ…», хотя раньше думала, что Вы сделали себе карьеру, извините, определенным способом. Книга мне понравилась – история одинокой белой русской женщины – легкость, ум, приятный слог. Очень интересно все, что вы пишете о Франции

(у меня во Франции живет сестра) – с удовольствием прочитала бы отдельную книгу о Париже, где Вы выступили бы гидом. Вы мне понравились, даже Ваша манера одеваться мне симпатична (сама я не столь откровенна) – такова Ваша натура – смелая, раскомплексованная, не боящаяся нового. С удовольствием прочту Вашу новую книгу о жемчуге и Таити.
atomt@mail.ru

Глубоко о легкости… Порой удивительно тонко смешно,

но все же чувствуется реальность написанного... Вполне серьезная книга.

Подгорнов

Книга «отЛИЧНОЕ...» очень понравилась! Легко читаемый, оригинальный стиль написания. Интересная жизнь соотечественницы. Самодостаточная, незаносчивая, энергичная и довольная своей жизнью, с такими всегда интересно, и получаешь от таких людей огромный заряд энергии. И у Лены идеальное сочетание ума и красоты!

После прочтения книги «отЛИЧНОЕ...»
(а она получилась первой) купила и предыдущие Ленины книги. Сейчас читаю «Sexual» и много для себя нахожу нового, хотя думала, что и так уже знаю почти все. Хорошее руководство для жизни!

Таких можно записывать в любимые писательницы и ждать новых книг!

С уважением, Рудакова Татьяна

В августе 2006 года моя подруга летела на свадьбу друзей в Москву, и в салоне «Арбат-Престиж» взяла рекламный журнал. В нем оказалась статья о Вас. Она мне передала эту статью для прочтения. Так и началось мое знакомство с Вами. После этого нашла и прочитала все Ваши книги на русском языке. Видимо, придется изучить французский, дабы прочесть французские издания.

Импонирует то, что Вы разрушаете созданный вокруг женщин в последнее время ореол хищницы, стервы, содержанки. На самом деле – чем выше ты поднимаешься САМА по социальной лестнице, из лишней скромности-гордости (или – лицемерия) не отказываясь от помощи мужчин и женщин – тем больше шансов встретить достойного, равного партера. Именно – ПАРТНЕРА, а не СПОНСОРА. Разница между этими понятиями велика!

Часто в жизни встречались жалующиеся на судьбу женщины, обвиняющие во всем мужчин – бывших мужей, при этом мечтающих (опять?!) выйти замуж за богатого, сильного, который решит все их проблемы... Да, испортил наших женщин в свое

время Шарль Перро сказкой про Золушку.

Лена! Поймала себя на мысли – все Ваши книги – это ж развенчание французских выдумок про Золушек! Достойный русский ответ французам!

Девочки! Читайте Лену Ленину, чтобы после встречи со своим Принцем остаться и дальше ПРИНЦЕССОЙ и не позволить ему превратить вас в Золушку у разбитого корыта! Сделайте САМИ себя Принцессами и навсегда оставайтесь ими!!!!

Елена Яковлева

> Прочитал «отЛИЧНУЮ...» книгу Лениной... Сегодня у меня один из немногих выходных дней. Венцом утреннего шопинга стала новая книга любимой писательницы. Начал читать утром, да так и не смог остановиться. Проглотил книгу за день... И не зря. У Лениной уникальная манера письма! Видимо, это просто литературный дар. Меня, как мужчину, порадовали книги про миллионеров, Францию и конечно же «отЛИЧНАЯ...» последняя книжка. Могу сказать, что всю ночь не мог уснуть. Пока читал книгу, много хохотал, просто закатывался от смеха, но на главе «Грязь» стало так дико и страшно за Ленину! Так захотелось поместить мою любимую Богиню письма в божественный купол, который бы защитил ее от всех невзгод.

Дорогая Елена, Вы не одна из лучших... Вы САМАЯ ЛУЧШАЯ!!! Очень сложно оградить вас от зависти и наговоров, но все эти «писаки» не виноваты, что они такие... Нужно простить им их несостоятельность в их же сорок лет... И то, что они выросли, как лес, мечтая о богатстве, но ничего при этом не делая... Видимо, им было комфортно в нищете. Но это уже проблема ментальности. Вы бы так же могли жить в своем Академгородке, но я искренне верю, что ради своего сыночка и маменьки вы свернули горы и положили мир к своим ногам! Я очень рад, что Вы есть! И своим примером даете целым народам надежду и шанс быть лучше, успешнее, достойнее! Я уверен, что Вы – СИМВОЛ УСПЕШНОЙ РОССИИ XXI ВЕКА. Но как донести это в массы? Видимо, мир должен перевернуться... Я так хочу Вам хорошей судьбы! И мое сердце – бедное, влюбленное, дрожащее – оно тоже Ваше!

Желаю вам множества невероятно успешных проектов! Поддержка Ваших поклонников обеспечена навеки!

Алексей Нилов